

НАЦИО
НАЛЬ
НЫЙ
БЕСТ
СЕЛЛЕР

Швеция

РИПОЛ КЛАССИК

HÅKAN
NESSER

Återkomsten

НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTSELLER
Швеция

ХОКАН
НЕССЕР

Возвращение

РИПОД
КЛАССИК

МОСКВА

2015

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
Н558

Перевод со шведского П. Смирновой

Нессер, Х.

Н558 Возвращение / Х. Нессер ; [пер. со швед. П. Смирновой]. — М. : РИПОЛ классик, 2015. — 288 с. — (Национальный Bestseller).

ISBN 978-5-386-05952-1

Солнечным летним днем из тюрьмы выходит человек, который провел там большую часть своей жизни. Теперь можно сесть на автобус и вернуться домой, где все уже всё забыли и простили. Вот только было ли что прощать?..

Год спустя инспектор Ван Вейтерен начинает расследование дела, связанного со страшной находкой в лесу. Все нити ведут в далекое прошлое, когда в маленькой шведской деревне кипели шекспировские страсти. Ради того, чтобы восстановить справедливость, инспектору придется пойти на многое и постоянно помнить о том, что зло многолико и изобретательно.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

© Håkan Nesser, 1995
First published by Albert Bonniers Förlag,
Stockholm, Sweden
Published in the Russian language by
arrangement with Bonnier Group Agency,
Stockholm, Sweden and OKNO Literary
Agency, Sweden

© Перевод. Смирнова П. А., 2015

© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний

ISBN 978-5-386-05952-1

«РИПОЛ классик», 2015

Вы спросите меня: как долго длится жизнь?
И я отвечу без прикрас и лишних слов:
Не больше и не меньше расстоянья
Меж цифр, что видим на плите надгробной.

В. Ф. Малер, поэт

Часть 1

24 августа 1993-го

1

Этот день стал первым и последним.

Стальная дверь захлопнулась за его спиной, и звук металлического щелчка на мгновение повис в прохладном утреннем воздухе. Сделав четыре шага, он остановился, поставил чемодан на землю. Зажмурил и снова открыл глаза.

Над пустынной стоянкой повисла легкая утренняя дымка, всходило солнце, казалось, все замерло, только над полями в окрестностях города кружили птицы. Он постоял несколько секунд, впитывая новые ощущения. Откуда-то запахло сжатым полем. Утренний свет слепил глаза, воздух подрагивал над асфальтом. С запада доносился шум шоссе, которое пересекало местность на расстоянии нескольких километров отсюда. Голова слегка закружилась, когда мир внезапно предстал перед ним в своих реальных измерениях. Двенадцать лет

он не ступал за пределы здания, его камера была всего два с половиной на три метра. Стало ясно, что расстояние до города и вокзала очень велико. Невероятно велико. Быть может, даже непреодолимо в такой день.

Ему предлагали такси, положенное по правилам, но он отказался. Не хотелось прямых путей в мир с самого начала. В это утро он стремился в каждом шаге ощутить весь вес и всю боль свободы. Если ему вообще суждено выбраться на берег с взятым на себя грузом, он понимал, что ему предстоит победить. Что победить и с чем совладать.

Он взял чемодан и пошел. Рукам было легко. Несколько смен белья. Пара ботинок, рубашка, брюки и несессер. Несколько книг и письмо. Одежду ему выдали вчера на складе. Типичный казенный гардероб. Черные ботинки из кожзамениителя. Синие брюки, серая хлопковая рубашка и тонкая ветровка. Любому жителю города узнать его будет не сложнее, чем католического священника или трубочиста. Один из многих, кто с коричневым картонным чемоданом в руке приходит на вокзал, чтобы уехать. Кто вышел отсюда, из большого серого здания между лесопарком и шоссе. Того, что расположено так близко и в то же время страшно далеко. Один из них. Таких легкоузнаваемых.

«Большое серое». Так его называют в народе; для него же оно безмянно, это скорее промежуток времени, чем место. Людские взгляды уже давно перестали его волновать, давным-давно уже ему пришлось выпасть из этого поверхностного и тщеславного сообщества. Он покинул его, в сущности, вынужденно, насильственно, но никогда ему не хотелось вернуться. Никогда.

Да и нельзя ответить однозначно, был ли он вообще когда-нибудь там полноправным членом.

Всходило солнце. Через несколько сотен метров он снова остановился, снял куртку и перекинул через локоть. Мимо в сторону города проехали две машины. Наверное, охранники или кто-то из начальства. В любом случае — работники учреждения. В той стороне нет ничего, кроме «Большого серого».

Он продолжил свой путь. Попробовал свистеть, но не нашел мелодии. Утренний свет заслонял собой все. Подумал, что неплохо бы иметь солнечные очки, может быть, купить в городе. Когда на колокольне зазвонили часы, он прикрыл лоб ладонью и, щурясь, посмотрел на подернутый дымкой силуэт города.

Он посмотрел на часы. Восемь. На первый поезд уже не успеть. Да не очень-то и хотелось. Куда лучше посидеть часок в привокзальном кафе за плотным завтраком и с утренней газетой. Торопиться некуда. По крайней мере, в этот первый день. Он сделает то, что решил, но когда именно — зависит от еще неведомых ему обстоятельств.

Может быть, завтра. Или послезавтра. Если годы тюрьмы чему-то его и научили, то именно выдержке.

Выдержка.

Он решительно вошел в город. Бросил взгляд на пустынные, залитые солнцем тротуары. Тенистые переулки близ площади. Истершийся булыжник мостовых. Медленно прошел вдоль илистой торфяной речушки, где бесконечно лениво плавали вялые утки. Просто идти, идти, не натываясь на стены или заборы, было удивительно. Он остановился на мосту посмотреть на семью лебедей: они, согнув шеи, спали на запруженном острове в тени каштанов, что росли у самого берега. Полюбовался на эти старые деревья, огромные ветви кото-

рых, казалось, тянулись в одинаковой степени вверх и вниз. К воде и к свету.

«Мир, — подумал он. — Жизнь».

Прыщавый юнец прокомпостировал его билет с явной неприязнью. В один конец — все ясно. Бросив на юношу равнодушный взгляд, он направился к газетному киоску. Нисколько не смутившись, купил две утренние газеты и журнал с пышногрудыми девицами. А потом в кафе — французских булочек с сыром и вареньем и целый кофейник кофе. Выкурил пару сигарет. До поезда целый час, и еще только утро.

Первое утро его второго возвращения, и весь мир полон времени. Невинности и времени.

Несколько часов спустя он приближался к цели. Последние десять километров он один сидел в опустевшем купе. По мере того как в поцарапанном пыльном окне чередой проносились поля, леса, города и люди, все вдруг стало ясно как день. Обрело особенную внутреннюю суть. Дома, дороги, сокровенная гармония пейзажа. Старая водокачка. Футбольное поле. Фабричные трубы и сады частных домов. Мебельная фабрика «Ганса». Площадь. Училище. Виадук и ряд домов вдоль торговой улицы. Поезд остановился.

Он отметил, что над перроном построили крышу из светло-желтого пластика. Освежили фасад вокзала. Появились новые указатели.

Остальное все было прежним.

Он взял такси. Выехал из города. Через пятнадцать минут езды вдоль пасмурного озера, которое то исчезало, то проглядывало

вало между полями и лиственными перелесками, он был на месте.

— Остановитесь у церкви, я немного пройдуся.

Он заплатил и вышел. Что-то знакомое почудилось в том, как шофер махнул рукой на прощание. Он подождал, пока автомобиль повернет и скроется за зданием сыроварни. Взяв чемодан и полиэтиленовый пакет с необходимыми вещами, он приступил к последнему этапу.

Солнце стояло высоко. По лицу и спине побежали струйки пота. Расстояние помнилось более коротким, да и много чего ему пришлось нести в гору.

В последний раз он был здесь двенадцать лет назад.

Дом тоже постарел на двенадцать лет. Но все еще стоял. Она, как обещала, проложила к крыльцу дорогу, но не больше. Граница между лесом и участком совсем стерлась: молодые березы наступали из леса, трава, вьюнок и кустарник выросли почти по пояс. Крыша сарая прохудилась, черепица местами была будто разобрана, на втором этаже было выбито окно, но его это не расстроило. В общем, все выглядело примерно так, как он себе и представлял.

Ключ, как договорились, висел за водостоком. Он отпер дверь. Пришлось чуть надавить плечом, чтобы она поддавалась. Видно, что-то застряло в проеме.

Внутри было душно, но не чересчур. Никакой гнили и, кажется, никаких крыс. На столе лежала записка.

Она желала ему удачи. На этом все.

Он поставил чемодан с пакетом на диван под настенными часами и осмотрелся. Прошел по комнате и открыл все окна. В спальне задержался у зеркала, рассматривая свое отражение.

Понял, что постарел. Серое, осунувшееся лицо. Сильно сжатые челюсти. Кожа на шее висела складками. Плечи были сутулыми, даже сторбленными.

«Пятьдесят семь лет, — подумал он. — Двадцать четыре из них за решеткой. Есть о чем задуматься».

Он развернулся и пошел проверить оружие. Во что бы то ни стало, он должен иметь оружие... и сделать это. Пока в душу не закралось сомнение.

Вечером он сидел в кухне за чашкой кофе. На столе, покрытом цветастой клеенкой, лежало письмо.

Длинным его не назовешь. Еле-еле полторы страницы. Он закрыл глаза и попытался представить, как она выглядит.

Печать смерти в ее черных глазах по ту сторону решетки. Ломание рук.

Ее рассказ.

Нет, никаких сомнений.

Часть II

20 апреля – 5 мая 1994-го

2

Это случилось в один из выездов на природу.

Естественно, планировалось, что взрослых будет четверо. Или хотя бы трое. Но за полчаса до выезда позвонила Генриетта и сообщила об очередных семейных обстоятельствах. Вскоре оказалось, что Хертль должна остаться помочь медсестре делать прививки младшей группе.

Остались только Элисабет и Мойра. Сразу стало ясно, что у Мойры рано или поздно начнется приступ мигрени. Фактически она ехала с группой одна. Ну что ж, это не в первый раз.

Четырнадцать детей. В возрасте от трех до шести лет. Не успел автобус проехать и четыреста метров, как вырвало шестилетнюю Эвнис. В это время трехлетний Пол написал себе в сапоги. Еще через несколько минут четырехлетняя Элен и пятилетняя Юдит принялись выцарапывать друг другу глаза

в драке за зеленый шарф с розовыми зайцами. Эмиль трех с половиной лет звал маму и плакал так, что сотрясались стены, а у шестилетнего Кристофа болел зуб.

Автобус остановился возле леса. Она быстро пересчитала детей. Все на месте. Все четырнадцать, вместе с Мойрой пятнадцать. Она вздохнула. Впереди трехчасовая прогулка по лесу, поиски клада, сосиски-гриль и ботанические изыскания. Вдалеке сгущались тучи. Интересно, успеют ли они все это до того, как начнется дождь.

Дождь пошел уже через двадцать пять минут, но они успели зайти в лес довольно далеко. Мойра почувствовала головную боль и шла метрах в пятидесяти от остальных, чтобы не ухудшилось состояние. Эрик и Валли дразнили Эвнис, в результате толстушка отказалась идти вместе со всеми и сошла с тропинки, но Элисабет все время поддерживала с ней контакт ауканьем. Один из близнецов Юмперсен упал и ударился головой о корень, пришлось его нести. Второй трусил сзади, держась грязными руками за ее пояс.

— Начинается дождь, — закричал четырехлетний Барти.

— Я хочу домой! — заныл пятилетний Хенрик.

— Сыкуны, — отрезали Эрик и Валли. — Идите домой под юбку к мамаше.

— Хи-хи, под юбку, — пискнул кто-то из трехлеток.

— Эрик и Валли, сейчас же замолчите, — пригрозила Элисабет. — Или я надеру вам уши.

Мойра уже подошла к домику для ночевки, здесь они собирались обедать.

— Как удачно, — прошептала она, когда группа поравнялась с ней. Она, как всегда, говорила шепотом, что-

бы не усилить приступ мигрени. — Скорее заходите под крышу.

Еще до того как Валли подошел к двери, Элисабет поняла, что ключ остался в сумке Хертль в ее шкафчике.

— Черт возьми, тут закрыто! — заорал Валли. — Давайте скорее ключ!

Мойра смотрела с недоумением. Элисабет вздохнула. Закрыла глаза и сосчитала до трех. Лил дождь, каблучки медленно погружались в мокрую землю.

— Мне холодно, — заныл один из Юмперсенов у нее на руках.

— Я есть хочу, — хныкал второй.

— Вы что, чертовы дуры, ключ забыли? — завопил Эрик и бросил в стену дома ком грязи.

Элисабет раздумывала еще три секунды. После чего передала близнеца, ударившегося головой, на руки Мойре, обошла дом и выбила окно.

Где-то через час дождь прекратился. Была съедена вся еда, прочитаны восемнадцать сказок, которые до этого читались сотни раз. Пяти-, шестилетние дети побегали по лесу и испачкались так, что появились сомнения, пустит ли шофер их в автобус. Мойра поспала на втором этаже, и ей даже стало легче, но не намного. Трехлетний аллергик Герард покрылся красными пятнами, потому что кто-то тайком уговорил его съесть орех. Двое описались.

В остальном все было под контролем. Она решила собрать детей на крыльце и двинуться в обратный путь.

Тринадцать. Их только тринадцать. Четырнадцать вместе с Мойрой.

— Кого у нас не хватает?

Оказалось, Эвнис. Расспросив ребят, она поняла, что Эвнис исчезла двадцать — тридцать минут назад — никто не блистал в определении временных промежутков. Причину ухода не удалось до конца прояснить: то ли Эрик, то ли Валли, то ли оба ударили ее доской по спине. Или Марисса назвала ее обезьяной. Или у нее заболел живот.

Может быть, все это вместе.

Девочку стали звать: кричали все вместе и по отдельности — ответа не последовало. Тогда Элисабет решила идти в лес.

Мойра осталась в доме с трех- и четырехлетками. Тех, что постарше, Элисабет взяла с собой.

«Постарше, — подумала она. — Пяти- и шестилетки. Семь человек».

— Мы пойдем на расстоянии десять метров, не теряя друг друга из виду. Будем все время кричать Эвнис. Понятно?

— Yes, boss! — рявкнул Валли и отдал честь.

Валли и нашел ее.

— Она сидит там, в дурацкой канаве, и икает. Говорит, что нашла мертвого дядьку без головы.

Элисабет сразу поняла, что так оно и есть. Такой денек просто не мог завершиться по-другому.

На самом деле не хватало не только головы. Тело, вернее, то, что от него осталось, лежало завернутым в ковер, а выяснять, что заставило Эвнис изучить его содержимое, не было времени. Возможно, торчащий оттуда обрубок ноги. Во всяком случае, сильной толстухе удалось вытащить ковер из канавы настолько, чтобы его развернуть. Элисабет видела, что он

сильно поврежден влагой, плесенью, грибком и гнилью. Местами ковер рвался на куски, и тело внутри находилось в таком же плачевном состоянии.

Ни головы, ни рук, ни ног.

— Быстро все в дом! — закричала она, прижав к себе дрожащую девочку.

Внезапно к горлу подкатила сильная тошнота, и Элисабет поняла, что увиденное только что будет преследовать ее по ночам весь остаток жизни.

3

— Докладывайте, — сказал Хиллер, сцепив руки в замок.

Рейнхарт устремил глаза в потолок, Мюнстер принужденно откашлялся, а Ван Вейтерен зевнул.

— Так что? — повторил Хиллер.

— Ну... — Мюнстер начал листать свой блокнот.

— Давайте быстрее, — буркнул начальник полиции, глядя на свои золотые часы с хронографом, — я должен быть на совещании через двадцать пять минут. Можно покороче.

Мюнстер снова откашлялся:

— Ну, в общем, обнаружен труп мужчины. Вчера около часа дня в лесу в окрестностях Берена в тридцати километрах отсюда. Нашла его шестилетняя девочка из детсадовской группы во время пикника. Труп был завернут в ковер и брошен в пятидесяти метрах от ближайшей тропы, и пролежал он там долго.

— Сколько?

— Хороший вопрос. Может быть, год, может, больше, а может, и меньше.

— Это можно определить? — поинтересовался Хиллер.

— Меуссе во всю над этим работает, — ответил Ван Вейтерен. — В любом случае, пролежал он не меньше полугода.

— Ну, — подстегнул Хиллер, — а дальше?

— А дальше, — продолжил Мюнстер, — дальше невозможно установить личность, потому что убийца отрубил голову, руки и ноги.

— Мы уверены, что это убийство? — произнес начальник полиции.

Рейнхарт вздохнул:

— Конечно нет. Это могла быть совершенно естественная смерть. Кому-то, видно, не хватило денег на достойные похороны. В наше время это недешево... Наверное, голову и остальное вдова, выполняя волю покойного, передала для исследований.

Ван Вейтерен откашлялся.

— Причину смерти невозможно будет установить быстро, — объяснил он, ковыряя в зубах зубочисткой. — На том, что осталось, нет следов насильственной смерти. Хотя, конечно, если отрубить человеку голову, он обычно умирает.

— Меуссе этот труп как-то совсем не радует, — добавил Рейнхарт. — Его даже можно понять. Он пролежал в сырой канаве в гнилом ковре уж точно всю зиму. Замерзал и оттаивал, замерзал и оттаивал. Дикие животные тоже пробовали его на зуб... но, похоже, он не пришелся им по вкусу. Думаю, еще и потому, что к нему было трудно подобраться. Труп частично лежал в воде... немного законсервировался, иначе от него остался бы только скелет. Короче говоря, выглядит он отвратительно.

Хиллер продолжил:

— Как мы думаем, почему у трупа отрезаны части тела?

«Мы? — подумал Мюнстер. — Мы думаем? Как мы сегодня себя чувствуем? Это вообще полиция или больница? А может, дурдом, как утверждает Рейнхарт? Трудно сказать».

— Трудно сказать, — озвучил его мысль Ван Вейтерен. — Убийства у нас и раньше случались, но здесь, вероятно, была еще и цель затруднить опознание.

— У вас есть мысли, кто это может быть?

Ван Вейтерен покачал головой.

— Конечно, мы обследуем местность, — сказал Мюнстер. — Это приказ самого начальника полиции... Двадцать человек бегают по лесу со вчерашнего дня... ну, разумеется, не ночью.

— Что практически бесполезно, — констатировал Рейнхарт, доставая трубку из кармана пиджака.

— Покуришь, когда мы закончим, — выдал шеф, глядя на часы. — Почему это бесполезно?

Рейнхарт убрал трубку и сцепил руки на затылке:

— Потому что они ничего не найдут. Если я кого-то убью и потрачу время на отрезание головы, рук и ног, то, наверное, я не такой дурак, чтобы положить их там же, где и тело. Во всем мире есть лишь одно место, где мы точно их не найдем. И это как раз там, где мы ищем. Надо согласиться: придумано неглупо.

— Ну хорошо, — прервал его Хиллер, — комиссара вчера здесь не было, поэтому я подумал...

— Да ладно, — сказал Ван Вейтерен, — осмотр местности не повредит, но думаю, к вечеру мы его прекратим. Немного улики может сохраниться после зимы. Да и навряд ли его лишили жизни там же. В этом мы практически можем быть уверены.

Начальник полиции снова засомневался.

— Каков наш план расследования? — спросил он. — Я уже опаздываю...

Ван Вейтерен, напротив, никуда не торопился.

— Как бы это сказать... Нам надо хорошо подумать. Сколько человек будут этим заниматься?

— Есть еще эти проклятые грабежи, — ответил Хиллер, вставая из-за стола. — И тот шантажист...

— И расисты, — добавил Рейнхарт.

— А шантажист... — начал было Хиллер.

— Поганый расист, — поправил Рейнхарт.

— Тоже тот еще гад, — подхватил Хиллер. — ВВ, зайди ко мне завтра, обмозгуем то, что мы имеем. Хейнеман еще на больничном?

— Вроде собирался выйти в понедельник, — сообщил Мюнстер.

На самом деле он сам собирался попросить пару выходных в связи с выходом Хейнемана. Но что-то ему подсказывало, что время для этого не совсем подходящее.

— Ну что ж, продолжаем работать, — резюмировал Хиллер, выпроваживая всех за дверь. — Чем быстрее мы это раскроем, тем лучше. Черт возьми, неужели невозможно выяснить, кто это? Или как?

— Ничего невозможного нет, — изрек Рейнхарт.

— И?... Какие выводы сделал интендант¹? — спросил Ван Вейтерен, протягивая фотографии.

Мюнстер посмотрел на снимки безногого, в коричневых пятнах трупа и места происшествия. По всем параметрам ме-

¹ Интендант полиции — младшая руководящая должность в шведской полиции. — *Здесь и далее примеч. пер.*

сто выбрано идеально: густой кустарник, заросшая канава... Неудивительно, что труп пролежал там так долго. Наоборот, то, что на него наткнулась шестилетняя девочка, можно считать абсолютной случайностью.

— Не знаю. Во всяком случае, кажется, все это было очень хорошо продумано.

Комиссар задумчиво бубнил что-то себе под нос.

— Ну да, продумано. Из этого и будем исходить. А ты что думаешь насчет расчленения?

— Конечно, затруднение идентификации...

— Ты часто узнаешь людей по ногам?

— Только если есть особые приметы — татуировки или что-то подобное. Сколько ему было лет?

— Примерно пятьдесят — шестьдесят. Нужно подождать до вечера. Пренеприятнейший труп, надо сказать. Думаю, заниматься им придется тебе и Рооту.

Мюнстер поднял глаза:

— Почему мне? А другие что будут...

Ван Вейтерен предупреждающе поднял палец:

— Другие заняты «своим проклятым грабителем». А Рейнхарт все шьет дело террористам. А меня положат, чтобы поковыряться немного в брюхе... в первую неделю мая. Так что лучше тебе заняться этим с самого начала.

Мюнстер почувствовал, что краснеет.

— Естественно, я в твоём распоряжении, когда ты окажешься в тупике, — поспешил заверить его Ван Вейтерен.

«„Когда“, — подумал Мюнстер, — а не „если“».

— Сначала надо еще найти, в чем застрять. Роот уже просмотрел списки пропавших без вести?

Комиссар нажал кнопку внутренней связи, и через пять минут на пороге стоял криминальный инспектор Роот с ки-

пой бумаг в руках. Он рухнул на свободный стул и почесал подбородок. Его недавно отпущенная борода торчала в разные стороны и, по мнению Мюнстера, делала его слегка похожим на бомжа. Но вообще-то иногда бывает полезно иметь под боком человека, по лицу которого не видно за сто метров, что он полицейский.

— За последние два года поступило тридцать два заявления о пропавших без вести в нашем районе, — доложил он. — То есть тех, кто не объявился. Шестнадцать — в городе. Я их тут слегка проредил... Если считать, что он пролежал там от шести до двенадцати месяцев, то о нем должны были заявить с апреля по декабрь прошлого года. Посмотрим, конечно, что получится, когда у Меуссе все будет готово...

— Как может пропасть без вести столько народу? — возмутился Мюнстер. — Это достоверные цифры?

Роот пожал плечами:

— Большинство убегает за границу. В основном молодежь. Примерно в пятидесяти — шестидесяти процентах случаев о преступлении и речи нет... Так, по крайней мере, утверждает Стауф, а он в курсе дела. Думаю, он не считает всякую мелочь. Исчезает довольно много наркоманов. Едут в Таиланд, Индию или еще куда-нибудь.

Ван Вейтерен кивнул.

— И сколько у нас осталось кандидатов?

Роот полистал списки. Мюнстеру было видно, что некоторые имена обведены, подчеркнуты или отмечены знаком вопроса, но ценной информации явно не хватало.

— Не так уж много, — подтвердил Роот. — Если это мужчина в возрасте пятидесяти — шестидесяти лет, ростом около

ста семидесяти пяти, считая голову и ноги... тогда у нас остаются на выбор только двое, может быть, трое.

Комиссар внимательно рассматривал свою зубочистку.

— Достаточно одного. Только чтобы это был он... И вовсе не обязательно, что он из наших мест. У нас нет данных о том, что он был убит в районе Берена, думаю, это могло произойти где угодно.

Роот кивнул:

— Если брать всю страну, то есть еще семь-восемь человек на выбор. В любом случае, я считаю, что, прежде чем искать возможных вдов, нужно дождаться результатов вскрытия.

— Без сомнения. Чем больше вдов его не увидят, тем лучше.

— Ну да, — продолжил Мюнстер после несколько затянувшейся паузы, — а что мы будем делать тем временем?

Ван Вейтерен откинулся назад так, что затрепало кресло:

— Я предлагаю прояснить основные моменты. Я скажу Хиллеру, что вы этим занимаетесь, а я, как говорится, на подхвате.

— Ну что ж, — сказал Роот в столовой за чашкой кофе, — думаю, мы справимся с этим за неделю.

— Неплохо бы, — согласился Мюнстер. — Когда будет готов отчет Меуссе?

Роот посмотрел на часы:

— Где-то через час. Я считаю, будет лучше поехать туда вместе. Что скажешь?

Мюнстер согласно кивнул.

— А как у нас движется работа по связям с общественностью? — поинтересовался он. — В газетах писали довольно много.

Роот помотал головой и проглотил половину венской булочки.

— Пока ничего существенного. Краузе следит за информацией. Сегодня вечером в новостях будет объявление... по телевизору и по радио, но, черт возьми, это должен быть кто-то из них. — И он постучал ложкой по спискам.

Мюнстер взял их в руки и стал изучать пометки Роота. Три имени обведены два раза, видимо, это и есть возможные кандидаты.

То есть кандидаты быть убитыми, расчлененными и небрежно брошенными в зарослях канавы в окрестностях Берена. Он быстро прочитал:

Клаус Меневерн
Браутенсвей, 4, Блоксберг
1937 г. р.
пропал без вести 01.06.1993

Пьер Кохлер
Армастенстраат, 42, Маардам
1936 г. р.
пропал 27.08.1993

Пиит Хауленц
Хогмерлаан, 11, Маардам
1945 г. р.
пропал 16.10.1993

— Да, — сказал он, возвращая списки на стол, — должно быть, это один из них.

— Это точно, — подтвердил Роот. — В таком случае мы сделаем все за неделю. Я это просто чувствую...

4

Он вышел из здания полиции на час раньше обычного и сразу поехал домой. Письмо лежало там, где он его оставил, — на полке в прихожей. Он снова открыл его и перечитал. Содержание не изменилось.

Настоящим сообщаем, что ваша операция по удалению аденокарциномы толстого кишечника назначена на 5 мая.

Мы просим вас подтвердить указанное время по почте или телефону не позднее 25 апреля, а также прибыть в отделение 46В 4 мая не позднее 21 часа.

После операции потребуется пребывание в стационаре в течение 2—3 недель; мы сообщаем это, чтобы вы могли планировать работу и семейную жизнь в соответствии с вышеизложенным.

С уважением,

Марика Фишер, секретарь.

Госпиталь Гемейнте, Маардам

«Тьфу ты, черт», — подумал он. Нашел в конце страницы телефон и набрал номер.

Ответил молодой женский голос. Максимум двадцать пять лет, примерно как его дочери.

— Ну, в общем, я приеду, — сказал он.

— Простите, с кем я разговариваю?

— С комиссаром Ван Вейтереном, естественно. У меня рак толстой кишки, и доктор Мувенруде собирается его резать...

— Секундочку.

Он подождал. Она вернулась:

— Да, пятое мая. Я отмечу, что вы приедете. Пожалуйста, не позднее чем за день до операции. Вам зарезервировано место в отделении 46В. У вас есть вопросы?

«Это больно? — подумал Ван Вейтерен. — Я выживу? Сколько процентов больных не просыпаются после наркоза?»

— Нет, — ответил он. — Я позвоню, если передумаю.

По тишине на другом конце провода он понял, что она удивлена.

— Почему вы можете передумать? — спросила она наконец.

— У меня могут появиться другие дела. Это непредсказуемо.

Она засомневалась:

— Господин Ван Вейтерен, вы волнуетесь перед операцией?

— Волнуюсь? Я?

Он попробовал рассмеяться, но и сам слышал, что его смех звучит не лучше, чем у подыхающей собаки. А их-то ему доводилось видеть в жизни.

— Тогда договорились, — сказала она дружелюбно. — Могу вас успокоить тем, что доктор Мувенруде — один из наших опытейших хирургов, и вряд ли у вас в целом какой-то сложный случай.

«Нет. Но это мое брюхо, — подумал Ван Вейтерен. — И моя кишка. И она у меня с таких давних пор, что за это время я успел к ней несколько привязаться».

— Пожалуйста, звоните, если у вас появятся вопросы. Мы будем рады вам помочь.

— Большое спасибо, — вздохнул он. — Я в любом случае еще позвоню до операции. До свидания.

— До свидания, господин Ван Вейтерен.

Он постоял несколько секунд с письмом в руке. Потом разорвал его на четыре части и бросил в корзину.

Примерно через час он доел на балконе две жареные колбаски с картофельным салатом. Выпил стакан темного пива и стал размышлять, не выйти ли ему все-таки за пачкой сигарет. Зубочистки кончились, а вечер прекрасен.

«Все равно помирать», — подумал он.

Он прислушался, как часы в Кеймере бьют шесть. На тумбочке в спальне лежали два наполовину прочитанных романа, но он понимал, что они останутся там еще долгое время. В душе его не было мира. Наоборот, сидевшее внутри беспокойство выпускало свои когти, и, конечно, причину его никак нельзя было назвать секретом.

Ничего странного. В воздухе чувствовалась мягкость. Умиротворяющий теплый ветерок дул в квартиру с балкона, над крышей пивоварни на другой стороне Клойстерлаан повисло красное солнце. В кустах сирени за навесом для велосипедов чирикали птички.

«Вот я сижу, — подумал он. — Знаменитый комиссар Ван Вейтерен. Пятидесятисемилетний восьмидесятикилограммовый коп с раком толстой кишки. Через две недели я совершенно добровольно лягу на операционный стол, чтобы какой-то неопытный ученик мясника отрезал одиннадцать сантиметров моего тела. Тьфу, черт возьми».

Из низа живота начала подниматься легкая тошнота, теперь это было обычным делом после еды. Однако это не боль. Просто небольшая неприятность. И на том спасибо, конечно; жареные колбаски не значились в списке рекомендованных диетических продуктов, который ему дали в феврале после обследования. Но какого дьявола? Нужно добраться до опера-

ционного стола, сохранив остатки соображения, а потом уже, если все обойдется, можно будет думать о новых привычках. Здоровом образе жизни и тому подобном.

Всему свое время.

Он убрал со стола. Отнес посуду на кухню и поставил в раковину. Вернулся в гостиную и начал вяло просматривать кассеты и диски.

«Одиннадцать сантиметров моего тела», — подумал он и вдруг вспомнил фотографии, которые видел утром.

Мужчина без головы из Берена.

Без головы, рук и ног.

«Могло быть и хуже», — подумал он.

Как раз от пятидесяти до шестидесяти, как утверждает Меуссе.

Очень похоже. Быть может, они вообще ровесники? Пятьдесят семь. Почему бы нет?

Да, могло быть намного хуже.

Через десять минут он ехал в машине, включив на всю громкость хор Монтеверди. За полчаса еще не должно стемнеть. Времени предостаточно.

Он просто хотел взглянуть. Ничего больше. В конце концов, он все равно не был занят ничем другим.

Как говорится, всему свое время.

5

— Как личная жизнь? — поинтересовался Мюнстер, садясь рядом с Роотом в его старый «ситроен», — надо ведь о чем-то говорить и помимо работы.

— Хуже некуда, — ответил Роот. — Порой думаю, что мне надо сделать укол, который навсегда бы избавил меня от инстинктов.

— Вот как, — отозвался Мюнстер, уже пожалев, что затронул эту тему.

— С женщинами происходит что-то странное. По крайней мере с теми, что мне попадаются. На прошлой неделе познакомился с одной дамочкой — рыжеволосой красоткой из Оостербрюгге, она здесь в городе на курсах для медсестер. Мы сходили в кино, потом в «Крауз», а потом, когда я спросил ее, не хочет ли она зайти ко мне выпить немного вина и закусить его сыром, знаешь, что она ответила?

— Ума не приложу.

— Что ей надо домой к своему парню, который приехал в город и дожидается ее в сестринском общежитии.

— Ужас, — согласился Мюнстер.

— Да вообще кошмар, — продолжил Роот. — Наверное, я уже стар, чтобы бегать за женщинами. Может, попробовать дать объявление в газету. Курман из оперативного отдела пришел себе так очень даже ничего... но тут, конечно, нужна доля везения.

Он замолчал, сосредоточившись на обгоне голубого мебельного фургона. Мюнстер зажмурил глаза, когда прямо перед ними появился трамвай номер двенадцать. Через минуту он решился их открыть, и оказалось, что они чудом вернули.

— А у тебя как дела? — спросил Роот. — По-прежнему все безоблачно с самой красивой женой полицейского в мире?

— Настоящий рай, — ответил Мюнстер и, на секунду задумавшись, понял, что сказал практически чистую правду.

Синн — это все-таки Синн. Единственное, что его иногда беспокоило, это вопрос: что такая женщина могла найти в нем, низкооплачиваемом полицейском, который на десять лет ее старше и который так много работает, что почти не видит ни ее, ни детей? Иногда казалось, что он получил от жизни нечто, чего совсем не заслуживал. И что когда-нибудь придет расплата.

Впрочем, зачем волноваться? У него счастливый брак и двое детей; может, нужно просто это с благодарностью принять. Во всяком случае, обсуждать это с криминальным инспектором Роотом ему хотелось меньше всего.

— Тебе бы надо сбрить бороду, — сказал он вместо этого. — Если бы я был женщиной, меня бы этот мох не возбудил.

Роот провел рукой по подбородку и задумчиво взглянул в зеркало заднего вида:

— Иди к черту. Не так уж и плохо она выглядит. Не уверен, что ты знаешь, чего хотят женщины.

— Ну хорошо. Как знаешь. Что будем делать с Меуссе?

— Придется пригласить его выпить, как обычно, — сказал Роот, подъезжая к зданию судмедэкспертизы. — А ты как думаешь?

— Да, так будет проще всего, — согласился Мюнстер.

Судмедэксперт Меуссе еще не закончил общение с сегодняшними трупами, и, чтобы ему не мешать, Мюнстер и Роот решили подождать его в кабинете.

Он пришел на двадцать минут позже назначенного времени, и Мюнстер понял, что денек у того выдался не из легких. Его тощее воробьиное тело напоминало скелет больше, чем когда-либо, лицо совсем посерело, а глаза за толстыми линза-

ми очков, казалось, еще глубже запали в глазницы — видимо, наглядевшись за день на зло и извращения этого мира. Сам Мюнстер не смог смотреть на обезглавленный труп дольше пяти секунд воочию и десяти на фотографиях. Бедняга же Меуссе, по его предположению, копался сегодня в этом гнилом мясе часов десять — двенадцать.

Меуссе молча кивнул и повесил на крючок у двери свой запачканный белый халат. Вымыл в раковине руки и накинул лежащий на столе пиджак. Пару раз провел ладонью по совершенно лысой голове и вздохнул:

— Да, господа?

— Может быть, мы лучше поговорим, пропустив стаканчик в «Фиксе»? — предложил Роот.

Бар «Фикс» находился прямо через дорогу от здания судмедэкспертизы, и, естественно, сегодня не было причин менять маршрут.

Меуссе шел впереди, ссутулившись и держа руки в карманах; он обрел способность рассказывать, только когда выпил большой джин и полбокала пива. Мюнстер и Роот хорошо знали, что торопить его бесполезно, да и перебивать тоже, если он уже начал. Вопросы можно задавать потом. Вот так все было просто.

— Ну что ж, господа, — начал Меуссе. — Вижу, что комиссар сегодня не с вами. Ничего удивительного. Ну и кошмарный же труп вы раздобыли на этот раз! Если скромный патологоанатом может высказать свои пожелания, то, пожалуйста, в будущем я бы попросил вас выкапывать их чуть пораньше. Мы не то чтобы не любим тела, которые лежали и гнили бог знает сколько... но пожалуйста, на будущее... делайте это в течение трех, максимум четырех месяцев... где-то

в этих пределах. Вдобавок сегодня во второй половине дня меня бросил на произвол судьбы один из ассистентов, хм...

— Сколько ему было лет? — попробовал перейти прямо к делу Роот, в то время как Меуссе увлекся пивом.

— Как я уже сказал. На редкость неприятный тип.

«Неприятный?» — подумал Мюнстер и вспомнил рассказ Меуссе о том, как эта неблагодарная работа изменила и омрачила его жизнь. Как он стал импотентом в тридцать, как в тридцать пять от него ушла жена, как в сорок он стал вегетарианцем, а к пятидесяти практически перестал употреблять твердую пищу... Собственное тело и его функции с годами стали казаться ему противоестественными. Он мог испытывать к ним только неприятие и отвращение, признался он Мюнстеру и Ван Вейтерену однажды вечером, когда по какой-то причине количество выпитого сильно превысило обычную дозу.

«Возможно, в этом нет ничего удивительного, — подумал Мюнстер. — Это просто закономерное развитие событий».

— Определить, сколько он там пролежал, сложно, — продолжил Меуссе, закуривая тонкую сигарету. — Думаю, месяцев восемь, но я легко могу ошибиться на два месяца в ту или другую сторону. Результаты анализов придут из лаборатории через неделю. Что касается причины смерти, тут дело обстоит не лучше. Единственное, что понятно, это то, что он умер задолго до того... как его бросили в канаву. Прошло не меньше двенадцати часов. А может, и сутки. На ковре почти нет следов крови, да и в теле ее почти не осталось. Голову и конечности отрубили раньше. Кровь успела вытечь, попросту говоря.

— Как отрубили конечности? — спросил Мюнстер.

— Непрофессионально, — ответил Меуссе. — Скорее всего, топором. И похоже, не особенно острым, на это ушло некоторое время.

Он допил пиво. Роот пошел покупать новое.

— О причине смерти можно сказать только то, что она в голове.

— В голове? — удивился Роот.

— Да, в голове, — подтвердил Меуссе, показывая на свой лысый череп. — Его могли убить выстрелом в голову или зарубить тем же топором... или что угодно... Причина смерти — травма головы. Если не считать расчленения и гниения, то тело практически не затронуто... Ну и конечно, не в счет некоторые вторичные повреждения, причиненные голодными лисами и воронами, которым удалось подобраться к паре мест на трупе. Но и они не сильно напакостили. Ковер и вода в канаве его слегка забальзамировали... или, во всяком случае, приостановили разложение.

Мюнстер, поднявший свой бокал, тут же поставил его на место.

— Что касается возраста и примет, — невозмутимо продолжал Меуссе, — можно предположить, что ему было пятьдесят пять — шестьдесят лет. Рост от метра семидесяти трех до метра семидесяти шести. Худощавого телосложения, с нормальными пропорциями, без переломов костей, шрамов от операций. Могли быть какие-то поверхностные шрамы, но кожа сгнила. Работу затрудняет то обстоятельство, что между телом и ковром возник своего рода симбиоз. Они, так сказать, смешались. Или лучше сказать — слились?

— Фу, черт возьми, — высказался Роот.

— Вот и я про то же, — согласился Меуссе. — Еще есть вопросы?

— Что, совсем никаких особых примет? — с надеждой спросил Мюнстер.

Вдруг лицо Меуссе озарила улыбка. Уголки губ поднялись вверх, обнажив два ряда неожиданно белых, здоровых зубов.

— Одна. — Меуссе явно наслаждался ситуацией.

«По крайней мере, он может позволить себе мрачное удовольствие держать их на крючке несколько секунд. Профессиональный триумф», — подумал Мюнстер.

— Если у убийцы была цель затруднить идентификацию, то одну вещь он все же упустил.

— И какую же? — спросил Роот.

— Одно яичко, — ответил Меуссе.

— Что? — не понял Мюнстер.

— У него в мошонке только одно яичко, — объяснил Меуссе.

— Совсем одно? — переспросил Роот с глупым видом.

— Даааа, — протянул Мюнстер, — конечно, с этим мы далеко уйдем.

Ирония не была намеренной, но он сразу понял, что обидел маленького судмедэксперта. Мюнстер поднял бокал и попробовал откашляться, чтобы отвлечь его внимание, но уже совершенно напрасно.

— Что касается ковра, — сухо закончил Меуссе, — об этом вам завтра расскажет Ван Импе. Сейчас я должен вас покинуть. Естественно, на ваших полированных столах завтра утром появится письменный отчет. — Он допил свое пиво и встал.

— Спасибо, — сказал Роот.

— Прощайте, господа, — закрутился Меуссе. — И буду благодарен, если вы в ближайшие дни не появитесь с еще

каким-нибудь древним туловищем. — В дверях он остановился: — Если вдруг вы наткнетесь на недостающие части, мы конечно же поможем вам их сопоставить. Всегда к вашим услугам.

Мюнстер и Роот еще несколько минут сидели, допивая пиво.

— Почему у него одно яичко? — спросил Роот.

— Не знаю, — ответил Мюнстер. — Вообще-то для жизни этого достаточно. Наверное, была какая-то травма второго, может, ему его удалили... или что-то в этом роде.

— А может, его съели животные? Я имею в виду — в канаве. Мюнстер пожал плечами:

— Только меня не спрашивай. Но если Меуссе говорит, что его не было и раньше, то это наверняка так и есть.

Роот кивнул:

— Чертовски ценная информация.

— Ага, — согласился Мюнстер. — Это именно то, что значит во всех базах: особые приметы — в мошонке одно яйцо! Ты все еще думаешь, что мы справимся за неделю?

— Нет, — ответил Роот. — Но может, хотя бы за год? Пойдем?

На обратном пути в участок оба были немногословны. Во всяком случае, они могли констатировать, что третий в списке кандидатов, Пиит Хауленц с Хогмерлаан, скорее всего, был слишком молод, чтобы о нем могла идти речь.

По данным списка, ему еще не было пятидесяти, и, несмотря на то что Меуссе подчеркивал, что только предполагает, Роот и Мюнстер знали, что даже в своих предположениях он редко ошибается.

Зато и Клаус Меневерн, и Пьер Кохлер подходили вполне. И совершенно естественно, что они их поделили. Это можно было не обсуждать.

— Ты кого берешь? — спросил Роот.

Мюнстер заглянул в список:

— Пьера Кохлера. Правда же, это лучше сделать сегодня?

Роот посмотрел на часы:

— Конечно. Даже семи еще нет. Ни один уважающий себя коп не приходит домой раньше девяти.

6

Когда он подъехал, все уже усаживались в автобус.

— Добрый вечер, комиссар, — поздоровался инспектор ле Хауде. — Ищете что-то особенное?

Ван Вейтерен покачал головой:

— Просто подумал, что неплохо бы взглянуть самому. Вы уже всё прочесали?

— Да, — ответил ле Хауде. — Нам ведь было приказано. Я считаю, этого достаточно. Особо надеяться не на что.

— Что-нибудь нашли?

Ле Хауде усмехнулся, достал носовой платок и вытер лоб.

— Да много чего, — ответил он, указывая на несколько черных пластиковых мешков, уже стоящих в автобусе. — Шесть штук. Мы подбирали все, что не относится к лесу, на площади примерно в двадцать футбольных полей. Будет очень интересно все это изучить.

— Хм... — отозвался Ван Вейтерен.

— Думаю, нам надо отправить счет в муниципальную службу уборки Берена. Это вообще-то их работа.

— Да, отправьте, — согласился Ван Вейтерен. — А теперь и я пойду поразмышляю.

— Удачи, комиссар, — сказал ле Хауде, хлопая дверцей. — Мы потом расскажем, чем тут разжились.

Он пошел по тропинке. Детсадовская группа шла этим путем, если он правильно понял. Поистине тропинка не ахти: не шире метра, везде торчат корни, камни... Да, как утверждает местная полиция, убийца, вероятно, пришел с другой стороны. Скорее всего, так оно и есть. Он оставил машину на дорожке для верховой езды с другой стороны холма, что возвышается в середине леса, — оттуда он нес или тащил волоком свою ношу пятьдесят — шестьдесят метров... через заросли и чуть в гору. Лес довольно густой, поэтому ясно, что задача была не из легких. Если это один человек, то, должно быть, он большой и сильный. Навряд ли женщина или старик... Можно себе позволить сделать хотя бы этот вывод?

Он подошел к месту. Участок канавы был окружен бело-красными лентами, но охраны уже не было. Он остановился в трех-четырех метрах.

С полминуты рассматривал мрачное пристанище и снова пожалел, что не купил сигареты.

Потом он перебрался через канаву и стал пробираться к дорожке для верховой езды. По-видимому, это путь убийцы. Он прошел его за семь-восемь минут. Что стоило ему нескольких царапин на лице и руках.

«Если бы мы нашли его сразу, — подумал он, — то могли бы проследить весь путь убийцы метр за метром».

Теперь это, конечно, невозможно.

Невозможно, да и, похоже, не очень-то интересно. Если им когда-нибудь удастся раскрыть дело, то помогут совсем не эти сломанные сучья. На данный момент, и это без сомнения, и преступление, и преступник бесконечно далеки. И в пространстве, и во времени.

Не говоря уже о жертве.

Ван Вейтерен повернул обратно.

«А если его никто не ищет? — вдруг подумалось ему. — А что, если его исчезновения никто и не заметил?»

Вообще никто.

Эта мысль его не отпускала.

«А если бы та толстая девчонка его не обнаружила, — продолжал думать он, — тогда его могли хватиться только через несколько лет. Или найти тело. Сколько угодно времени могло пройти. И с годами, конечно, процесс разложения и все остальное успели бы полностью стереть его с лица земли. Почему бы и нет?»

Хотя где-то оставались ноги. И улыбающийся череп. Бедный Йорик, где эти губы... Нет, нет никакого черепа.

И тогда никому не пришлось бы ставить на могиле крест.

Совершенно незаметная смерть.

Мысль была неприятной. Он попытался прогнать ее прочь, но взамен ему представился освещенный операционный стол, на котором лежит его собственное расслабленное тело, погруженное в наркотический сон. И как одетый в зеленое незнакомец склонился над его чревом с острым ножом в руке.

Он ускорил шаг. Начинало темнеть. Покупая через двадцать минут сигареты в киоске на железнодорожной станции, он почувствовал на руке первые капли дождя.

7

После недолгих раздумий Роот решил вместо визита позвонить. До Блоксберга пятнадцать километров, а времени уже полвосьмого вечера.

Положив после разговора трубку, он порадовался, что женщина на другом конце провода не видела, как он выглядит. Хорошо бы, чтобы она еще и не запомнила, как его зовут; по крайней мере, он надеялся, что ему удалось пробормотать свое имя так быстро, что она его не расслышала.

В сущности, разговор получился на редкость бестолковый.

— Алло.

— Госпожа Меневерн?

— Мари-Луиза Меневерн, да.

Голос был резкий и неприятный.

— Меня зовут Роот, я работаю в криминальной полиции. Я звоню по поводу пропавшего без вести. Вы беспокоились, что ваш муж Клаус Меневерн исчез в июне прошлого года, это так?

— Нет. Он исчез, но меня это абсолютно не беспокоит.

— В июне девяносто третьего?

— Точно.

— Он не возвращался?

— Нет.

— Давал о себе знать?

— Нет. Если бы это произошло, я бы сообщила.

— И вы не знаете, что с ним случилось?

— Думаю, он преспокойно живет у какой-нибудь бабы.

Это в его репертуаре.

— Вот как. А где, вы не знаете?

— Откуда же мне это знать? Я сейчас смотрю телевизор, констебль. Кстати, вы правда из полиции?

— Конечно.

— Что вам нужно? Вы его нашли?

— Точно не знаю. Сколько у него было яичек?

— Что вы там, черт возьми, себе вообразили?!

— Я имею в виду, что, конечно, у большинства их два... У него не было операций в этой области?

— Ну погодите, я этого разговора так не оставляю!

— Но, пожалуйста, госпожа Меневерн, это не то, что вы думаете...

— В жизни не видела ничего отвратительнее вашего брата! Вы даже не можете посмотреть человеку в глаза. Телефонный извращенец! Если бы только я тебя видела, я бы тебе...

Роот поспешно нажал на рычаг. Посидел полминуты в оцепенении... как будто малейшее движение могло его выдать. Посмотрел в окно на сумеречное вечернее небо над городом.

«Да, — подумал он, — ничего-то у меня не выходит с женщинами. Что тут поделаешь?»

Потом он решил вычеркнуть имя Клауса Меневерна из числа возможных жертв. Теперь оставался один кандидат.

Мюнстер остановился у маленького неухоженного дома на Армастенстраат.

Немного посидел в машине, прежде чем перейти улицу и войти в подъезд. На лестнице немилосердно воняло кошачьей мочой, штукатурка на стенах местами осыпалась. Он не нашел имени Пьера Кохлера в списке жильцов внизу, но спи-

сок не внушал доверия, как и весь этот дом, поэтому он решил проверить таблички на дверях.

На четвертом этаже он нашел сделанную от руки надпись на почтовом ящике:

Пьер Кохлер
Маргит Деллинг
Юрг Есхенмаа
Доломит Казай

Он позвонил. Ничего, по-видимому, не работает. Несколько раз постучал.

Не прошло и минуты, как послышались шаги, и дверь открыла женщина лет пятидесяти. На ней был сиреневый халат, нетуго подпоясанный на тучном теле; она по-хозяйски оглядела Мюнстера с головы до ног.

Увиденное ей явно не понравилось.

То же можно было сказать и о Мюнстере.

— Я из полиции, — сообщил Мюнстер, в ту же секунду протягивая удостоверение. — Дело касается пропавшего без вести. Я могу войти?

— Нет, если у вас нет ордера, — ответила женщина.

— Спасибо, — сказал Мюнстер. — Мы нашли труп в лесу неподалеку отсюда, и, возможно, это тело Пьера Кохлера, который пропал без вести в августе прошлого года.

— А почему это должен быть он? — удивилась женщина, дергая пояс халата.

— Мы в этом не уверены, — ответил Мюнстер. — Мы просто проверяем всех пропавших... Он того же возраста и примерно того же роста, но, конечно, это лишь рутинный опрос. Точных данных, что это он, у нас нет.

«Черт возьми, что это я так вежливо распинаюсь тут перед этой коровой? — подумал Мюнстер. — Надо было ее сразу прижать как следует».

— Ну... — Она прикурила сигарету.

— Есть одна деталь.

— Деталь?

— Да, по которой его можно опознать... Понимаете, мы нашли тело без головы, поэтому трудно понять, кто это.

— Вот как?

За ее спиной в глубине прихожей показался мужчина. Хмуро кивнул Мюнстеру и положил руку женщине на плечо.

— И что это за деталь? — спросил он.

— Как вам сказать, — отозвался Мюнстер. — У жертвы отсутствует одна семенная железа, возможно, это результат давней операции. Не знаете ли вы?..

Мужчина вдруг закашлялся, и Мюнстер запнулся. Когда приступ прошел, стало понятно, что тот просто с трудом сдерживает смех. Он улыбался. И женщина тоже.

— Что ж, господин начальник, — мужчина постучал себе костяшками пальцев по лбу, — вот моя голова. Если хотите посчитать яйца, проходите. Меня зовут Пьер Кохлер.

«Тысяча чертей, — подумал Мюнстер, — почему я не пользовался телефоном?»

Когда дома он прочитал детям очередную порцию вечерних сказок, позвонил Роот.

— Как дела? — спросил инспектор.

— Это не он, — ответил Мюнстер. — Кохлер жив и в добром здравии. Они просто забыли об этом сообщить.

— Ну и ну.

— А твой как?

— Похоже, что то же самое. По крайней мере, яиц у него хватает. Да и жен тоже. Видно, он просто сбежал.

— Вот как, — сказал Мюнстер. — Что теперь будем делать?

— У меня появилась мысль, — сказал Роот. — По поводу расчленения. Или на руках и ногах были особые приметы, или все намного проще.

— Проще?

— Отпечатки пальцев, — выдал Роот.

Мюнстер задумался.

— Кто ж избавляется от отпечатков, отрубая ноги?

— Правильно. Но он это сделал, чтобы запутать. Понимаешь, что это значит?

Мюнстер подумал еще две секунды.

— Конечно. У нас есть его отпечатки. Он есть в нашей базе.

— Умный полицейский, — похвалил его Роот. — Да, даю голову на отсечение, что где-то в архивах есть его отпечатки. Кстати, сколько там человек?

— Думаю, с триста тысяч, — ответил Мюнстер.

— Да, просто самая малость. Эх, этим путем нам его все равно не найти, но это уже что-то. Увидимся завтра.

— До завтра, — попрощался Мюнстер и положил трубку.

— Чем вы сейчас занимаетесь? — спросила Синн, когда они выключили свет в спальне и обнялись.

— Да так, — ответил Мюнстер, — ищем одного старикана, который пропал в прошлом году. Ему лет пятьдесят — шестьдесят, и у него одно яичко.

— Интересно, — заметила Синн. — И как вы его найдете?

— А мы уже нашли. Убитым.

— Вот оно что, — сказала Синн. — Обними меня, пожалуйста, покрепче.

8

Естественно, Мюнстер выиграл все три гейма, но все-таки счет был самым близким к ничьей за последние несколько лет. Очки распределились: 15—10, 15—13, 15—12, если кому-то было интересно знать точный счет. Во втором и в третьем гейме комиссар долго был подающим.

— Если бы я не промазал при подаче, ты бы продул, — объявил он по дороге в раздевалку. — Так и знай.

— Отличная была игра, — отозвался Мюнстер. — Кажется, комиссар в хорошей форме.

— Какая хорошая форма? — усмехнулся Ван Вейтерен. — Это предсмертные судороги. Завтра мне на операционный стол, если ты не помнишь.

— Ах да, конечно, — сказал Мюнстер, как и остальные коллеги, он был в курсе дела. — Во сколько?

— Сегодня вечером ложусь в больницу. Операция завтра в одиннадцать. Да, все там будем.

— У моего дяди был рак толстой кишки. Он перенес две операции и сейчас прекрасно себя чувствует.

— Сколько ему лет?

— Около семидесяти, — ответил Мюнстер.

Комиссар пробормотал что-то себе под нос и сел на скамейку.

— Давай выпьем «У Аденаара» после душа, — предложил он. — Хочу послушать, как продвигается дело.

— Хорошо, — согласился Мюнстер. — Мне только нужно будет позвонить Синн.

— Конечно, позвони, — сказал Ван Вейтерен. — Передай ей от меня привет.

«Он не верит, что выживет», — подумал Мюнстер, и вдруг почувствовал жалость к комиссару. Без сомнения, это произошло в первый раз и совершенно неожиданно для него самого. Он отвернулся к стене душевой кабины и смыл теплой водой улыбку, вызванную этим чувством.

Но «У Аденаара» комиссар уже снова обрел свое собственное «я». Он бурно возмущался, что пиво разбавлено, и два раза заставил поменять себе бокал. Посылал Мюнстера за сигаретами. Стряхивал пепел в цветочные горшки.

— Ну что ж, интендант занимается делом, а я, как говорится, на подхвате. Вы, как я понял, не сильно продвинулись?

Мюнстер вздохнул. Отпил глоток и начал докладывать о результатах проделанной работы.

Пришлось признаться, что предположения Ван Вейтерена небезосновательны. Неопознанный труп из-под Берена по-прежнему не опознан. Прошло две недели, но следствие стоит на месте.

Не то чтобы интенсивность и качество оперативной работы оставляли желать лучшего — просто отсутствовал результат. Были сделаны многочисленные объявления по телевидению, радио и в газетах. Дело, несомненно, государственной важности, несмотря на угасающий интерес средств массовой информации на второй неделе. Были проверены все пропавшие без вести лица мужского пола в возрасте сорока — шестидесяти лет (на случай, если Меуссе ошибся в возрасте), и все эти варианты отпали после вопроса о количестве семенных желез. Телефонная проверка данных больниц, которую

проделал Роот, показала, что в стране от девяти сот до тысячи мужчин актуальной возрастной категории по тем или иным причинам имеют одно яичко, что значительно больше, чем предполагалось, но выяснить их личные данные не представляется возможным из-за врачебной тайны. Мюнстер связался с несколькими тюремными начальниками, но был вынужден констатировать, что контроль за состоянием половых органов заключенных и внесение этих данных в соответствующие документы не являются сильной стороной пенитенциарной системы.

— Искать по тюрьмам бесполезно, — заключил Мюнстер. — Насчет отпечатков пальцев — это, в общем, только предположение.

Ван Вейтерен согласно кивнул.

— А что ковер?

— Ха... — вырвалось у Мюнстера. — О нем мы знаем очень многое. Комиссар желает услышать?

— Пожалуйста, вкратце.

— Ковер из овечьей шерсти. Довольно низкого качества, когда-то был серо-синим. Метр шестьдесят на метр девяносто. Вероятное время использования — три-четыре года. Клейма производителя нет, довольно изношенный еще до... последнего применения.

— Хм... — прокомментировал Ван Вейтерен.

— На ковре имеются следы собачьей шерсти и еще пяти — десяти субстанций, которые можно найти в любом доме. Кстати, для перевязывания свертка использовали кусок коричневой веревки. Обмотали два раза, чтобы выдержала. Обычная веревка. В стране такой продают двести тысяч метров в год.

Комиссар закурил:

— Еще что-нибудь от Меуссе?

— Еще бы, — ответил Мюнстер. — Сделан анализ ДНК и получен весь его генетический код, если я правильно понял. Проблема в том, что его не с чем сопоставить. Нет таких баз данных.

— Ну и слава богу, — сказал Ван Вейтерен.

— Да, я тоже так считаю, — согласился Мюнстер. — В любом случае, мы знаем об этом проклятом теле все, что можно узнать...

— Кроме того, кому оно принадлежало, — подсказал Ван Вейтерен.

— Да, кроме этого, — вздохнул Мюнстер.

— А в объявлениях говорилось об одном яичке? Я сам не видел.

— Нет, — ответил Мюнстер. — Мы решили приберечь эту информацию, чтобы быть уверенными, когда появится правильная версия, но кажется, она частично просочилась к журналистам.

Ван Вейтерен немного призадумался.

— Должно быть, парень был чертовски одинок. Невероятно одинок.

— Я читал... Случается, мертвые лежат по два-три года, и никто о них не спохватывается, — поведал Мюнстер.

Ван Вейтерен мрачно кивнул. Подозвал официантку и заказал еще два пива.

— Я не уверен, что буду... — попытался возразить Мюнстер.

— Я угощаю, — пояснил комиссар, и на этом вопрос был закрыт. — А ты вообще уверен, что о нем кто-нибудь где-нибудь заявлял как о пропавшем без вести?

Мюнстер задумчиво смотрел в окно и слегка медлил с ответом.

— Не уверен. Я тоже об этом подумал, и мне, правда, кажется, что никто и нигде.

— Конечно, это может быть и иностранец, — предположил Ван Вейтерен. — Границы сейчас настолько открыты, что кто угодно может въехать с трупом в багажнике.

Мюнстер кивнул.

— Что собираетесь делать дальше?

Мюнстер пожал плечами:

— Наверное, приостановим дело. Роот уже занят другим. Хиллер хочет, чтобы я с завтрашнего дня вошел в группу Рейнхарта. Вероятно, телу придется полежать пока в холодильнике и подождать подходящего случая.

Ван Вейтерен одобрительно кивнул.

— Правильно, интендант, — согласился он, поднимая бокал. — Чертовски правильно сформулировано! Полежать в холодильнике до подходящего случая — кто может предположить, что после его смерти все будет именно так? Наверное, и он сам не думал не гадал. В любом случае выпьем.

— Выпьем, — отозвался Мюнстер.

— А у комиссара есть какие-нибудь предложения? — спросил он уже по дороге к выходу.

Ван Вейтерен почесал в затылке:

— Нет. Ты сам сказал: надо набраться терпения. Куры не несут яйца быстрее, если стоять у них над душой.

— Откуда такие сравнения?

— Сам не знаю, — ответил довольный Ван Вейтерен. — У нас, поэтов, всегда так. Само приходит.

9

На первое сообщение она не среагировала. То есть на несколько строк в вечерней газете, которые она прочла в такси по дороге из аэропорта. Это мог быть кто угодно.

Потом она заволновалась. Распаковав багаж и приняв свои две таблетки, она взялась за стопку ежедневных газет, аккуратно сложенных горничной на столе.

Она устроилась у камина в кресле в стиле бидермейер и начала изучать их одну за другой — тут и появились дурные предчувствия. Конечно, наверняка все это не больше чем фантазия, навязчивая идея или что-то в этом роде, вызванное угрызениями совести. Этим смутным чувством вины, которое хоть и не имело на то права, но постоянно ее преследовало... в той или иной степени... и никогда не оставляло в покое. Она хотела бы от него избавиться. Чтобы оно решило смириться и раз и навсегда оставить ее. Раз и навсегда.

Но, конечно, этого не происходило.

Она вышла на кухню. Налила еще одну чашку чая, забрала часть газет с собой в спальню и стала изучать их более тщательно. Читала, лежа под одеялом, в то время как мысли уносились в далекое прошлое, вспоминались даты и события. Когда сгустились сумерки, она вздремнула, но быстро проснулась, увидев во сне его лицо.

Его лицо без всякого выражения, с этими непостижимыми глазами.

Она протянула руку и зажгла лампу.

Неужели это он?

Она посмотрела на часы. Полседьмого. В любом случае, садиться сегодня вечером в машину уже поздно. Она, как всегда, устала от перелета. Никто не требует заниматься этим не-

медленно, но понятно, что это не то, что можно замести под ковер и там оставить. Есть вещи, которых не обойти. Есть обязанности.

Она приняла душ и пару часов смотрела телевизор. Позвонила Лизен и сообщила, что вернулась домой, ни словом не обмолвившись о своих опасениях. Естественно, нет. Лизен относилась к тем, кто не знает. У нее никогда не было причин ей рассказывать.

Никаких веских причин.

В новостях не сказали ни слова. Ничего странного — прошло уже больше двух недель, и появились более важные вещи, о которых можно поведать гражданам. Вероятно, люди уже начали забывать эту историю, и она почувствовала, что без ее вмешательства скоро все совсем забудется и канет в Лету.

Забудется и канет в Лету. Разве это не одно и то же?

Забудется и канет в Лету.

Она беспокоило вздохнула. Разве не проще оставить все как есть? К чему снова копаться в прошлом? Сколько боли это принесет? Неужели он никогда не прекратит ее преследовать, как... как... как это теперь называют? Полтергейст? Что-то в этом роде.

Но оставалось смутное, загнанное глубоко внутрь и, тем не менее, назойливое чувство вины. Именно оно не давало покоя. Удастся ли от него избавиться, оставшись в стороне и в этот раз? Хороший вопрос, без сомнения.

При самом оптимистичном прогнозе ей осталось жить еще лет десять — двенадцать, рано или поздно придется оказаться там.

То есть предстать перед Создателем. И тогда совесть должна быть чиста.

Конечно. Она со вздохом встала и выключила телевизор. Об этом нужно хорошо подумать.

К тому же на самом деле ничего, ну ничегошеньки не говорит о том, что это действительно он. Ни малейшего факта.

Наверняка это просто нервы.

Она выехала рано утром. Проснулась она в полшестого — еще один знак неотвратно приближающейся старости. Встала, позавтракала и еще до семи выгнала из гаража машину.

Движение не было интенсивным, и, с трудом выехав из города на холмистую сельскую местность, она осталась на дороге практически одна. Утро обещало прекрасный день: тонкая дымка тумана медленно растворялась, а солнце светило все ярче. Она остановилась отдохнуть и выпить чашку кофе в живописном отеле между Герлахом и Бюрплатсом. Сидя в кафе и листая утренние газеты, пыталась собраться с мыслями и совладать со снедающим ее беспокойством. О нем в газетах ни слова. Ни в одной.

Она проехала Линзхаузен без остановок и около половины десятого уже оказалась на месте. Выйдя из машины, подошла к двери дома. С трудом ее открыла и вскоре поняла, что дело вполне может обстоять так, как она предположила.

Конечно, уверенности в этом нет, но раз уж она зашла так далеко, ничего другого не остается, кроме как позвонить в полицию.

Что она вскоре и сделала, с телеграфа в Линзхаузене; сообщение в полицейском участке Маардама в десять часов и три минуты утра принял практикант Питер Виллок.

Через десять минут криминальный инспектор Роот без стука вошел в кабинет своего коллеги Мюнстера и сообщил с нескрываемым возбуждением:

— Думаю, что он у нас в кармане.

10

«Спать, — думал он. — Просто спать».

Вопреки ожиданиям, несколько часов до больницы не стали апофеозом одиночества, а возможно, Понимание — именно так, с большой буквы, — преследовало его в виде множества голосов по телефону и не давало отдохнуть эти несколько часов.

Все эти люди не то чтобы хотели попроситься, по крайней мере, этого нельзя было сказать по их голосу. Но все же на случай, если вдруг случится непредвиденное, они желали успокоить себя тем, что хотя бы поговорили с ним в этот последний вечер.

Первой позвонила Рената. Как кошка вокруг тарелки каши, она ходила вокруг да около: рассказала о летнем доме, который когда-то был их общим, о книгах, которые не читала, а лишь видела, о своем брате и невестке (брата он терпеть не мог, а с невесткой каким-то чудом раньше даже находил общий язык), и только потом, после двадцати минут пустой болтовни, она незаметно перешла к операции.

Страшно?

Нет? Ну что же. Конечно, она другого от него и не ждала. Может быть, он позвонит, когда все будет позади?

Он почти пообещал. Все что угодно, только бы она не начала жужжать, что им неплохо бы снова сойтись. Они не жили

вместе уже три года, и если он порой о чем-нибудь и жалел в своей жизни, то точно не о разводе с Ренатой.

«Возможно, только поэтому наш брак не был несчастным, — подумал он вдруг. — То есть как раз потому, что мы вовремя разошлись».

Рейнхарт как-то сказал, что депрессивным людям нужно держаться друг от друга подальше. Сумма всегда больше слагаемых. И намного больше.

Потом позвонил Малер. Не успел Ван Вейтерен закончить предыдущий разговор, как на проводе оказался старый поэт.

Видимо, он обмолвился о Понимании в клубе, да, конечно. Скорее всего, во время шахматной партии в прошлую субботу или неделей раньше. Во всяком случае, он не ожидал. С Малером они не были особенно близки — в общепринятом понимании, — или же их безмолвное общение в накуренном зале содержало нечто большее, чем он предполагал. Или позволял себе предполагать. Вообще-то он над этим не задумывался, но так или иначе звонок Малера стал сюрпризом.

— Думаю, что мы еще сыграем, — сказал Малер.

— Да, я скоро вернусь. Ничто так не повышает способности, как двухнедельное воздержание.

Малер рассмеялся своим глубоким смехом и пожелал ему удачи.

Напоследок позвонила, естественно, Джесс.

Издали слала дочерние объятия, но обещала через несколько дней навестить его с корзиной винограда, шоколадом и внуками.

— Ни за что, — протестовал он. — Держи детей за сто миль от зрелища синеющего старикашки! Они меня до смерти напугаются.

— Ерунда, — ответила Джесс. — Я потом свожу их в мороженицу, и они все забудут. Я знаю, что ты до смерти боишься операции, хотя конечно же станешь категорически это отрицать, если кто-то спросит.

— Стану категорически отрицать, — подтвердил Ван Вейтерен.

Как и Малер, она рассмеялась. Потом он поговорил на школьном французском с двумя трехлетними внуками, которые, разумеется, тоже грозились в скором времени его навесить. Если он правильно понял. И надо признать, они здорово переживали и даже попытались его подбодрить.

— Там делают укольчик, и человек засыпает, — сказал один.

— А мертвых они увозят в подвал, — успокоил другой.

Когда уже и это оказалось позади, пришла пора выезжать. Он, как всегда, оставил ключ госпоже Грамбовской, соседке снизу, и вокруг седовласой преданной служительницы веры, как ему показалось, в этот вечер витало примирение, словно сияющий нимб. Она взяла его ладонь в свои руки и осторожно ее погладила, прежде, за все годы, что он ее знал, она никогда не позволяла себе такого жеста.

— Прощайте и будьте осторожны.

«Похоже, что они все здорово разочаруются, если я выкарабкаюсь», — подумал Ван Вейтерен, садясь в такси. Кстати, недурное напутствие. Быть осторожным! Когда он будет лежать там, накачанный лекарствами и разрезанный, то, конечно, чертовски важно будет не допустить какой-нибудь неловкости. Надо запомнить.

Оказалось, что не позвонил только Эрих, но, может быть, он пытался днем. Матч против Мюнстера и поход в бар заняли почти весь день, в результате комиссар находился дома не больше двух часов. Надо думать, что в тюрьме пользоваться телефоном разрешают только в определенное время.

Медсестра привела Ван Вейтерена в выкрашенную светло-желтой краской палату с двумя кроватями, но вторая была пуста, так что он мог остаться наедине со своими мыслями.

А их было много — и самых разных. И достаточно назойливых, чтобы прогнать сон. Телефонные звонки напомнили о прошлом; ему не хотелось думать о нем, но мысли неслись туда, и вскоре комиссар стал вспоминать моменты боли и зернышки счастья, выпавшие ему в жизни, пытаясь понять, что же именно сделало его тем, чем он стал... если, конечно, можно ставить вопрос так по-детски. Во всяком случае, казалось, что время для раздумий более чем подходящее. «Я как будто сам себе сочиняю эпитафию, — подумал он вдруг, — собственный некролог, с перевернутыми знаками альтерации. Или знаками вопроса».

Прочь из памяти.

Ex memoriam.

Кто я? Кем я был раньше?

Естественно, ответов не появлялось; ясно было только одно — что здесь играло роль множество факторов. И все они каким-то мрачным образом тянули в одну сторону.

Отец: поистине трагическая фигура (хотя дети обычно слепы и не чувствуют трагизма), оказавшая на него огромное влияние. Он уверенно и непреклонно внушал сыну мысль о том, что от жизни ничего нельзя ждать. В ней нет

порядка, а есть только ощущения, произвол, случайности и мрак.

Да, приблизительно так, если он его правильно понял.

Его брак: двадцать пять лет жизни с Ренатой. В результате появились двое детей, наверное, это и есть самое главное. Один из них в тюрьме и вряд ли сойдет с кривой дорожки, но, разумеется, есть еще Джесс и внуки — неожиданный свежий побег на старом и больном древе. С этим никак не поспоришь.

Служба: хоть ничто его там не держало, все же тридцать пять лет бессменной работы, тридцать пять лет столкновений с обратной стороной жизни общества наложили на его личность определенный отпечаток.

Да, определенно, есть тут некая связь.

Ван Вейтерен просунул руку под простыню и пощупал живот. Там... она сидит где-то там, сразу за пупком и чуть справа, если он не ошибается. Именно там и будет разрез.

Он слегка надавил. Почувствовал, как возникает голод, как будто он нажал на кнопку; после шести ему есть запретили, а он ничего не ел с двенадцати. Сейчас, наверное, опухоль поглощает последние капли пива от «У Аденаара»... Он попытался представить себе этот процесс, но картинки получались странные и фантастические, очень далекие от реальности.

Пребывая в своих смутных воспоминаниях, он, видимо, уснул; какое-то время продолжался мрачный фильм о том, что происходит в просвете кишечника, но постепенно все прояснилось. Неожиданно восстановилась контрастность, и четко обозначилась ярко освещенная сцена: мистические фигуры в зеленом крались по больнице безмолвно, как в гипнотическом трансе. И только лязганье хирургических инструментов,

которые точили и бросали в железные лотки, время от времени нарушало полную тишину.

Увидев свое обнаженное, беспомощное тело лежащим на холодном мраморном столе, он вдруг понял, что все позади, это совсем не операция; он уже находится в хорошо знакомом холодном зале судмедэкспертизы, где так много раз видел за работой Меуссе и его коллег.

Ван Вейтерен приблизился к проворно режущим и ковыряющим фигурам и понял, что там лежит уже не он, а кто-то совершенно чужой, какой-то несчастный бедняга. А может, и не совсем чужой... что-то знакомое виделось в обезглавленном теле без рук и ног. Когда же комиссару наконец удалось протиснуться между Меуссе и его бледным толстяком ассистентом, имя которого ему никак не удавалось запомнить, оказалось, что работают те совсем не за столом, а прямо на земле в лесу. В канаве. И заняты они на самом деле не операцией и не вскрытием, а просто заворачивают тело в большой грязный ковер и вот уже поспешно тащат в заросшую канаву, где ему и место. Где всему место. Ныне и вовек.

Но вот уже он сам лежит в ковре. Он не может издать ни звука, не может даже дышать, но хорошо слышит их возбужденный шепот: здесь ему будет хорошо! Никто его здесь не найдет. Абсолютно ненужный человек. Зачем о таких беспокоиться?

И он закричал... Он кричал им, взывая к их совести. Да, именно это он кричал, но получалось, конечно, неважно, потому что ковер был толстым, а они уже уходили, да и кричать, не имея головы, оказалось очень трудно.

Женщина теребила его за плечо. Он открыл глаза и почти закричал, чтобы она возымела совесть, и тут понял, что проснулся.

Она что-то говорила, и казалось, что ее глаза полны сострадания. Или чего-то в этом роде.

«Я умер? — подумал Ван Вейтерен. — Она, во всяком случае, похожа на ангела. Так что всё возможно».

Ее рука сжимала телефонную трубку. Ему это показалось каким-то слишком уж мирским, и тут он понял, что, похоже, его еще не оперировали. Что только утро и всё еще впереди.

— Телефон, — повторила она. — Комиссар, вас просят к телефону. — Она протянула ему трубку и отошла от кровати.

Он откашлялся и попытался сесть:

— Да?

— Комиссар?

Звонил Мюнстер.

— Да, это я.

— Простите, что беспокоим вас в больнице, но вы сказали, что операция только в одиннадцать...

— А сейчас сколько? — Он поискал глазами на пустых стенах часы, но не нашел.

— Двадцать минут одиннадцатого.

— Вот как?

— Я просто хотел сказать, что мы знаем, кто это... Комиссару вроде это было интересно.

— Ты имеешь в виду труп в ковре?

На долю секунды ему вспомнился недавний сон.

— Да. Мы почти уверены, что это Леопольд Верхавен.

— Что? — На минуту в голове комиссара возникла пустота. Словно сознание спряталось за полированную стальную поверхность, которая ничего не отражала и не давала ни малей-

шего шанса проникнуть внутрь. — Черт возьми, что ты там такое говоришь?

— Ну да, Леопольд Верхавен. Это он. Думаю, комиссар его помнит?

Прошло три секунды. Стальная поверхность расплавилась и пропустила информацию.

— Ничего не предпринимайте, — сказал Ван Вейтерен. — Я сейчас приеду.

Он свесил ногу с кровати, но в тот же миг дверь в палату открылась и пропустила несколько одетых в зеленое фигур.

Трубка осталась лежать на кровати.

— Алло, — попытался продолжить разговор Мюнстер. — Комиссар, вы меня слышите?

Медсестра подняла трубку.

— Комиссара только что забрали на операцию, — вежливо объяснила она и отключила связь.

Часть III

24 августа 1993-го

11

Имелись два подходящих наблюдательных пункта и два возможных поезда.

Первый приходил в двенадцать тридцать семь, но он сидел на месте уже около одиннадцати. Разумеется, важно занять правильную позицию — столик у окна на веранде. Он приметил его несколькими днями раньше; оттуда был виден весь вокзал, особенно проход между стоянкой такси и киоском. Он не сводил с него глаз, здесь рано или поздно оказывался каждый приезжающий.

Если, конечно, он не предпочтет запрещенный путь через рельсы, но зачем ему это делать? Он живет в этой стороне, у него нет причин податься на север, так что, приехав сегодня, он обязательно здесь пройдет. Рано или поздно, как сказано. Вероятнее всего, без пятнадцати час.

Или через полтора часа.

Что он будет делать потом, неизвестно, но скорее всего — просто возьмет такси и проедет оставшиеся пятнадцать километров. В сущности, это второстепенно. Самое важное, чтобы он приехал.

Несомненно, потом все решится. Тем или иным образом.

Он заказал обед — ветчину, салат, хлеб, масло и сыр, — но за два часа едва притронулся к еде. Зато он выкурил пятнадцать сигарет, время от времени переворачивая страницы в книге, лежащей справа от тарелки, — прочитал на каждой лишь по паре строк, так и не составив никакого понятия о содержании. Никудышная конспирация. Кто угодно, присмотревшись, сразу понял бы, что здесь что-то не так. Он и сам это знал, но в то же время понимал, что не рискует.

Кто в этом мире будет к нему присматриваться?

Да никто, и это совершенно правильно. За обеденное время с одиннадцати до двух через вокзальный ресторан проходит двести — двести пятьдесят человек. Большинство, естественно, постоянные клиенты, но и случайных гостей бывает так много, что вряд ли кто-то запомнит обычного на вид человека, в вельветовых брюках и серо-зеленом свитере, сидящего у окна и не трогающего даже мухи.

Особенно если представить, сколько воды утечет. Он мысленно улыбнулся, когда об этом подумал. Если все получится, как задумано, то пройдет много времени. Месяцы. Возможно, годы. Очень много. В лучшем случае об этом вообще никто никогда не узнает.

Конечно, это было бы оптимально — чтобы вся история так и осталась в тайне, — но он понимал: глупо надеяться на

подобный исход. Лучше и умнее предвидеть варианты. Нужно сидеть спокойно и не привлекать внимания. Незнакомец, один из многих. Никем не замечен и всеми забыт.

Около двенадцати, когда большинство людей обедают, некоторые из посетителей пытались занять другую половину стола, но он всем отказывал. Вежливо объясняя, что место, к сожалению, занято, потому что он ждет знакомого.

Потом, в критические минуты, где-то без пятнадцати час, он почувствовал напряжение, что было неизбежно. Увидев, что из поезда вышли первые пассажиры, он придвинул стул ближе к окну и ненадолго потерял интерес к тому, что происходило вокруг. Необходима концентрация; возможно, именно узнавание — самое слабое звено в цепи. Прошло много времени, и неизвестно, насколько он мог измениться за эти годы. Разумеется, ни при каких условиях его нельзя пропустить.

Не дать ему пройти незамеченным.

Когда он увидел его на другой стороне улицы, то понял, что напрасно беспокоился.

Потому что это конечно же он. Он сразу узнал его — все такой же энергичный и жилистый, разве что чуть более сутулый, но не сильно. Волосы поседели и поредели. На лбу появились залысины. Несколько скованные движения.

Посерел и постарел.

Но нет сомнения, это — он.

Он вышел из здания вокзала и ступил на тротуар улицы. Остановился у стоянки такси, третий в очереди. Как и следовало ожидать. Поискал что-то в карманах — деньги или сигареты, да что угодно.

Так что только ждать. Собраться с мыслями, сесть в машину и следовать за ним. Торопиться некуда. Он хорошо знал путь.

Знал, что круг замкнется.

На секунду он почувствовал легкое головокружение, когда кровь отлила от головы, но быстро пришел в себя.

Такси отъехало. Обогнуло вокзал и проехало мимо кафе. В этот момент, увидев хорошо знакомое лицо меньше чем в двух метрах от себя, он понял, что проблем не будет совсем.

Никаких.

Часть IV

5-10 мая 1994-го

12

— Что ты думаешь? — спросил Роот.

Мюнстер пожал плечами:

— Не знаю. Но похоже, это все-таки он. Нужно подождать результата экспертизы.

— Какое-то мрачное место.

— Да. Как из легенды о призраках. Пройдемся до деревни? Здесь мы пользы не принесем. Все равно придется расспрашивать соседей.

Роот кивнул и молча пошел через лес по петляющей тропинке.

Через двести метров перед ними открылся вид: с обеих сторон дороги тянулись усадьбы, а чуть дальше виднелась деревня Каустин.

Они подходили к церкви и большой дороге.

— Сколько здесь живет человек? — поинтересовался Роот.

Мюнстер покосился в сторону кладбища, но потом решил, что вопрос касается еще не упокоившихся душ.

— Думаю, несколько сотен. Во всяком случае, тут есть школа и магазин. — Он кивнул в сторону дороги.

— Что скажешь? — спросил Роот. — Прозондируем слегка почву?

— Неплохо бы, — согласился Мюнстер. — Если уж в магазине ничего не знают, то где тогда?

В магазине неспешно рассматривали товар две посетительницы, и Мюнстер сразу понял, что это надолго. Пока Роот тщательно изучал ассортимент конфет и шоколадок, он осторожно отвел сухощавого хозяина в подсобку. Скорее всего, в этом не было необходимости — их въезд в деревню на пяти или шести полицейских машинах по пустынной лесной дороге вряд ли мог остаться незамеченным.

Тем не менее пока что было лучше, насколько это возможно, не афишировать цель визита. Все-таки личность убитого не установлена окончательно.

— Меня зовут Мюнстер, — представился полицейский, показывая удостоверение.

— Хорне. Янис Хорне, — назвалсЯ хозяин и нервно улыбнулся.

Мюнстер решил сразу перейти к делу:

— Вы знаете, кому принадлежит дом в лесу? Туда ведет дорога от церкви.

Хозяин молча кивнул.

— Так кому?

— Верхавену.

«Он побледнел, — подумал Мюнстер. — Взгляд блуждает. Почему он так нервничает?»

— Давно у вас этот магазин?

— Тридцать лет. До этого он принадлежал моему отцу.

— Вы слышали ту историю?

Он опять кивнул. Мюнстеру пришлось подождать несколько секунд.

— Что-то случилось?

— Мы пока не знаем, — пояснил Мюнстер. — Возможно. Вы не заметили ничего подозрительного?

— Нет... нет. А что это может быть?

Напряжение сгустилось вокруг Яниса Хорне, подобно ауре, и для этого могли быть веские причины. Мюнстер пристально посмотрел на него и продолжил:

— Леопольд Верхавен освобожден из тюрьмы в августе прошлого года... двадцать четвертого, если точнее. Мы думаем, что примерно в это время он вернулся в свой дом. Вы что-нибудь знаете об этом?

Хозяин магазина задумался, нервно потирая большими пальцами рук об указательные.

— Думаю, большая часть событий, происходящих здесь, в Каустине, вам известна. Так?

— Да...

— Ну? Вы знаете, вернулся ли он... тогда в августе или в другое время?

— Говорят...

— Что?

— Говорят, его кто-то видел в это время, да. — Хорне достал из кармана носовой платок и вытер пот над верхней губой.

— Когда?

— В какой-то день в августе прошлого года.

— А с тех пор его никто не видел?

— Не думаю.

— Так только один день? Вы это хотите сказать? Его видели один или несколько раз?

— Не знаю. Думаю, что один.

— Кто?

— Простите?

— Кто его видел?

— Мертенс, если я не ошибаюсь... Может быть, еще фрау Вилкерсон, я точно не помню.

Мюнстер записал имена в блокнот.

— Где я могу найти Мертенса и фрау Вилкерсон?

— Мертенс живет у Нидерманов за школой, но работает он на кладбище. Вы его, конечно, сможете найти там, если он... — Слов больше не было.

— А фрау Вилкерсон?

Хозяин магазина откашлялся и отправил в рот несколько пастилок.

— Она живет в доме перед лесом. Справа от дороги, что ведет наверх к Верхавену. Он что, опять?.. — Он проговорил это совсем шепотом.

Мюнстер покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Вряд ли.

— Хочешь? — Роот протянул ему половину шоколадки.

— Спасибо, нет, — отказался Мюнстер. — Допросил бабuleк?

— Ммм... — промычал Роот, жуя шоколад. — Несговорчивые элементы. Не откроют рта ни на миллиметр без присутствия адвоката. Куда мы теперь?

— В церковь. Говорят, один из служителей его видел.

— Идет, — согласился Рот.

Когда они подошли к церкви, Мертенс копал могилу, и Мюнстеру вдруг вспомнилось, как когда-то в школе он играл Горацио. Он улыбнулся воспоминанию. Наверное, руководитель театральной студии был прав, и «Гамлет» — это та пьеса, в которой можно найти ответы на все возможные вопросы.

Однако он не стал развивать эту мысль и спрашивать, кому предназначается могила.

— Можно задать вам пару вопросов? — начал на этот раз Рот. — Вы господин Мертенс, правильно?

Коренастый мужчина снял кепку и медленно выпрямил спину.

— Он самый, — ответил он. — Всегда к услугам полиции.

— Хм... — отозвался Мюнстер. — Дело касается Леопольда Верахена. Вы не видели его в последнее время?

— В последнее время? Что вы хотите этим сказать?

— Примерно в течение года, — уточнил Рот.

— Я видел его, когда он вернулся прошлым летом... Подождите, это было в августе, кажется. Но с тех пор он не объявлялся.

— Расскажите, как это было, — попросил Мюнстер.

Мертенс надел головной убор и вылез из пока еще неглубокой могилы.

— Ну, — начал он, — я видел его лишь раз. Я убирал грязь с кладбища. Он приехал на такси, вышел как раз вот здесь... а потом пошел через лес, то есть домой.

— Когда это было?

Мертенс задумался.

— В августе, как я и сказал. В конце месяца, если не ошибаюсь.

— И вы его видели только тогда?

— Да, только в тот раз. Черт его знает, куда он потом пропал. Видно, он как раз вышел на свободу. Об этом говорили в деревне, время было как раз подходящим...

— Вы не знаете, его еще кто-нибудь видел?

Он кивнул:

— Фрау Вилкерсон. Может, еще ее муж. Они живут в той стороне. — Он показал на серый дом на опушке леса.

— Спасибо, — поблагодарил Роот. — Позвольте позже отнять у вас еще немного времени.

— Что он натворил? — спросил Мертенс.

— Ничего, — ответил Мюнстер. — Вы его знали?

— Когда-то давно. Потом он растерял все связи.

— Я так и думал, — сказал Роот.

Супруги Вилкерсон, казалось, их уже ждали, что было неудивительно. Всего лишь в метрах десяти от дороги стоял их дом. Вилкерсон сидел за столом с чашкой кофе и печеньем, делая вид, что читает газету. Хозяйка решительно достала еще две чашки, после чего Мюнстер и Роот тоже сели.

— Спасибо, — сказал Роот. — Пахнет очень вкусно.

— Я сейчас отошел от дел, — начал Вилкерсон несколько неожиданно. — Теперь сын занимается хозяйством. Спина уже совсем плохая.

— Да, от спины всегда много неприятностей, — подтвердил Роот.

— Да, много, — согласился хозяин.

— Ну что ж, мы бы хотели задать несколько вопросов. По поводу Леопольда Верхавена.

— Пожалуйста, — сказала фрау Вилкерсон, садясь рядом с мужем. Видимо, это относилось и к блюду с печеньем, и к расспросам.

— Говорят, он вернулся в августе прошлого года, — начал Роот, беря печенье.

— Да, — подтвердила фрау Вилкерсон. — Я его видела. Вон там. — Она показала в сторону дороги.

— Расскажите, пожалуйста, что вы видели, — попросил Мюнстер.

Она осторожно глотнула кофе:

— Я просто видела, как он пешком поднимался на холм. Сначала я не поняла, кто это, а потом рассмотрела...

— Вы уверены?

— Кто еще это мог быть?

— Здесь обычно ходит немного народу? — поинтересовался Роот, беря еще печенье.

— Почти никто не ходит, — подтвердил мужчина. — Только Шермаки живут на полпути в деревню. Но наверх почти никто не ходит.

— Там нет других домов?

— Нет, — продолжил хозяин. — Дорога кончается за домом Верхавена через пятьдесят метров. Иногда здесь проходят охотники на фазана или зайца. Но это случается редко.

— Вы тоже его видели, господин Вилкерсон?

Женщина кивнула:

— Да, я позвала его, конечно. И мы вдвоем стояли и смотрели... Это было двадцать четвертого августа. Около трех ча-

сов или чуть позже. Он нес чемодан и полиэтиленовый пакет. Больше ничего... Он совсем не изменился. Я думала, он больше постареет.

— Ага, а потом? — сказал Роот.

— Что вы имеете в виду?

— Он, наверное, появился снова?

— Нет, — решительно ответил Вилкерсон. — Не появился.

Роот с задумчивым видом взял еще одно печенье.

— Значит, — подвел итог Мюнстер, — вы утверждаете, что Леопольд Верхавен прошел по этой дороге двадцать четвертого августа прошлого года... в день своего освобождения из тюрьмы... и что с тех пор вы его не видели?

— Да.

— Вам это не кажется странным?

Фрау Вилкерсон шумно глотнула кофе.

— Вокруг Леопольда Верхавена много такого, что кажется странным, — пояснила она. — А вы так не считаете? А что, собственно, произошло?

— Мы пока точно не знаем, — сказал Роот. — Кто-нибудь в деревне с ним близко общался?

— Нет, — ответил Вилкерсон. — Никто.

— Вы же понимаете, — добавила жена.

«Да, кажется, я начинаю понимать», — подумал Мюнстер. В этой маленькой аккуратной кухне ему вдруг стало тесно, и он решил, что стоит отложить дальнейшие расспросы до лучших времен.

Пока у них не появится больше информации, так сказать. По крайней мере, пока не будет точно известно, что *их* человек — Леопольд Верхавен.

Вернее, *их* труп.

Если бы он вдруг сейчас появился, то чертовски бы всех разозлил.

Хотя в глубине души Мюнстер все больше убеждался в том, что это он. Вряд ли кто-то другой. Были знаки и были признаки, как любит говорить Ван Вейтерен.

Роот как будто читал его мысли. В любом случае, блюдо с печеньем уже опустело.

— Мы, возможно, еще зайдем, — сказал он. — Спасибо за кофе.

— Пожалуйста, — ответила фрау Вилкерсон.

Перед тем как спуститься по лестнице, Мюнстер бросил вопрос наугад:

— Мы говорили с хозяином магазина. Он выглядел... мягко говоря, напряженным. Не знаете почему?

— Конечно знаем, — коротко ответила фрау Вилкерсон. — Беатрис была его кузиной.

— Беатрис, — повторил Роот на обратном пути. — Это первая. В тысяча девятьсот шестьдесят втором, кажется?

— Да, — подтвердил Мюнстер. — Беатрис в шестьдесят втором и Марлен в восемьдесят первом. Между ними почти двадцать лет. Странная эта история, понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Просто мне казалось, что это в прошлом. Теперь должен признаться, что совершенно в этом не уверен.

— Что инспектор имеет в виду? — спросил Мюнстер.

— Ничего. Посмотрим, что нам скажет наука. А вот и наши товарищи.

13

— Добро пожаловать в компанию, — поприветствовал Роот коллегу.

Де Брис сел на стул и закурил. Дым стал щипать Рооту глаза, но он решил не подавать вида.

— Не будет ли коллега так любезен объяснить мне ситуацию? — попросил де Брис. — Только медленно и доходчиво. Я всю ночь сидел в машине и охранял дом.

— Это что-то дало?

— Еще бы. Дом стоит на месте целый и невредимый. Кстати, сколько ты это растил?

— Что?

— То, что у тебя на лице... Это мне что-то напоминает, но не пойму что. А... точно! Пэта Вона!

— Черт возьми, о чем ты там болтаешь?

— Естественно, о моем морском свине. Был у меня такой в детстве. Он чем-то заболел и стал терять шерсть. Перед смертью он выглядел примерно так же, как ты.

Роот вздохнул:

— Здорово. Тебе сколько лет?

— Сорок, но чувствую себя на восемьдесят. А что?

Роот задумчиво почесал подмышки:

— Я хотел спросить: ты помнишь убийство Беатрис... или ты был маленьким и уже тогда глупым?

Де Брис покачал головой:

— Извини. Давай, что ли, начнем. Я не помню убийства Беатрис.

— А я прекрасно помню, — сказал Роот. — Мне было лет десять — двенадцать... ну, в шестьдесят втором. Каждый

день, с месяц или больше, пока шло дело, я читал о нем в газетах. Мы обсуждали те события в школе на уроках и переменах, черт возьми, да это одно из самых ярких воспоминаний детства.

— А мне было только восемь, а восемь и десять — это большая разница... да и жил я не в этом городе. Но я, конечно, читал об этом потом.

— Ммм... — промывчал Роот и отогнал рукой облако табачного дыма. — Я помню, тогда вокруг дела возникла особая атмосфера... Мой отец говорил о Леопольде Верховене за столом во время ужина. Он нечасто высказывался о подобных вещах, поэтому мы знали, что здесь что-то из ряда вон выходящее... Все интересовались этим убийством. Любой ребенок, поверь мне!

— Я понимаю, — кивнул де Брис. — Немного похоже, что о нем специально формировали отрицательное мнение.

— Да не немного, — заметил Роот.

Де Брис отошел и затушил сигарету в пепельнице.

— Расскажи с самого начала, — попросил он.

— О спорте тоже? Ты знаешь, что он был выдающимся бегуном в пятидесятых?

— Да, — ответил де Брис. — Но давай сначала об убийствах.

Роот полистал лежащий на столе блокнот:

— Хорошо. Начнем с шестнадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят второго года. В этот день Леопольд Верховен заявил в полицию, что пропала его невеста Беатрис Холден. На самом деле на тот момент она отсутствовала уже десять дней, они около полутора лет жили вместе... в том самом доме в Каустине. Без регистрации брака, можно добавить.

— Продолжай, — попросил де Брис.

— Примерно через неделю ее нашли убитой в лесу в паре километров от дома. Всю полицию, конечно, подняли на ноги, и постепенно появились подозрения, что Верховен сам может быть замешан в этом деле. Об этом говорило довольно многое, и в конце месяца его арестовали и предъявили обвинение в убийстве. Суд прошел очень быстро.

Его имя появилось в печати практически сразу, не так ли? Он все-таки оставался знаменитостью, и никто не считал нужным молчать. Если я не ошибаюсь, в нашей стране это первый случай, чтобы сообщили имя пока только подозреваемого... видимо, это и дало делу такую огласку. Кажется, в газетах оказалось каждое слово, произнесенное в зале суда... Журналисты сбежались со всей страны, всем скопом жили в «Конгер Палас» и каждый вечер писали отчеты... Кстати, его адвокат тоже в этом участвовал. Его звали Квентерран, странная фамилия. В результате первое убийство оказалось под невероятно пристальным вниманием прессы. Для думающего человека, должно быть, отвратительно, но я тогда многого не понимал. Нам было так мало лет.

— Да, — согласился де Брис. — И его осудили.

— Да, хотя он все отрицал.

— Невероятно. И сколько ему дали?

— Двенадцать лет.

Де Брис кивнул:

— Значит, он вышел в семьдесят четвертом. И когда опять?

— В восемьдесят первом. Он вернулся и снова занялся птицеводством...

— Птицеводством?

— Ну да. Производством яиц, если хочешь. Он был совсем не дурак вообще-то. Еще до убийства Беатрис он начал делать

из перьев веера... Был в этом деле пионером, что ли. Потом он придумал искусственное освещение для кур, так что они ночь принимали за день, и все такое. Сократил таким образом сутки на два часа и заставил их нести больше яиц... или что-то в этом роде.

— Надо же, — произнес де Брис. — Изобретательный дьявол.

— Конечно, — согласился Роот. — Он продавал яйца в Линзхаузене и в Маардаме... В первую очередь на рынках, как я понял. Да, он вполне встал на ноги.

— Сильный человек?

— Да... — Роот призадумался. — Именно сильный... даже нечеловечески в каком-то смысле.

Он замолчал, а де Брис опять закурил:

— Ну а убийство Марлен?

Де Брис выпустил тонкую струю дыма, и Роот закашлял.

— Ну ты, блин, чертов паровоз. Ах, да... в том же лесу опять нашли труп женщины. Почти что в том же месте. И через пару месяцев он снова сел. Через двадцать лет то есть.

— Он и тогда не признался?

— Признался? Нет, черт возьми. Ни на миллиметр не подвинулся. Утверждал, что только пару раз встретился с той девицей. Суд тоже был отвратительный, но мы поговорим об этом в другой раз. Во всяком случае, он уникален... Я бы сказал: был уникален.

— Почему?

— Никто другой в этой стране не получил максимальный срок два раза и при полном отрицании вины. Это просто единственный в своем роде случай.

Де Брис задумался.

— А что психиатрическая экспертиза?

— Проводилась оба раза, — сказал Роот. — Заключение: абсолютно вменяем. Не о чем и говорить.

— Он их насиловал?

Роот пожал плечами:

— Не знаю. По крайней мере, следов спермы не обнаружено. Хотя обе были голые, когда их нашли. Кстати, обе задушены. Один и тот же способ.

— Вот оно как! — Де Брис сцепил руки на затылке. — А теперь он сам там оказался. Дело темное, это как пить дать. А кстати, где наш Мюнстер?

Роот вздохнул:

— В больнице. Разве можно было не поделиться с комиссаром таким лакомым куском информации?

— Лакомый кусок? — удивился де Брис. — Тьфу, гадость.

14

Мюнстер снял с букета желтых роз бумагу и засунул ее в карман. Медсестра поджидала его с легкой улыбкой и, открыв дверь палаты, прошептала:

— Удачи!

«Может, и пригодится», — подумал Мюнстер, входя в палату. Кровать слева пустовала. Справа у окна лежал комиссар, и первое, что пришло в голову Мюнстера, был старый анекдот: «Почему жители города Ньюбаденберга такие неизлечимые идиоты? — Потому что в роддомах этого замечательного города поступают наоборот: выкидывают детей и воспитывают последы».

Стал Ван Вейтерен последом? Настолько плохо он все же не выглядел, однако было сразу ясно, что в бадминтон он сможет играть не скоро.

— Хм... — осторожно сказал Мюнстер, стоя у кровати.

Комиссар открыл глаза по одному. Прошло несколько секунд. Тогда он заговорил:

— Черт побери!

— Как вы себя чувствуете, комиссар?

— Приподними меня, — прошептал Ван Вейтерен.

Мюнстер положил цветы на одеяло и придал больному полусидячее положение при помощи трех подушек и собственных хриплых инструкций комиссара, лицо которого напоминало клубнику, пролежавшую в спирте около суток, да и чувствовал он себя, похоже, не лучше. Ван Вейтерен повторил свое приветствие:

— Черт побери!

Мюнстер протянул букет:

— Это от всех нас. Коллеги передают привет.

Он нашел вазу и вышел в коридор налить воды. Ван Вейтерен подозрительно наблюдал за его деятельностью.

— Угу, дай мне тоже немного.

Мюнстер налил ему воды из графина, стоящего на тумбочке, и, только выпив две кружки, комиссар смог говорить.

— Ты знаешь, я, видно, уснул, — поведал он.

— Да, после операций всегда хочется спать. Это нормально.

— Вот значит как?

— Рейнхарт шлет особый привет: советует вышибать клин клином.

— Спасибо. Ну что?

«Уже на крючке?» — удивился Мюнстер и сел на стул для посетителей. Он открыл портфель. Достал конверт и прислонил его к вазе:

— Здесь лежат вырезки из газет. Вернее их ксерокопии. Получение судебных протоколов займет некоторое время, но я постараюсь принести их завтра.

— Хорошо, — сказал Ван Вейтерен. — Я все посмотрю, когда ты уйдешь.

— Комиссар, может быть, лучше сначала как следует отдохнуть, когда...

— Заткнись, — перебил его Ван Вейтерен. — Не болтай ерунду, Мюнстер. Я с каждой секундой чувствую себя лучше. А голова у меня, черт возьми, всегда была в порядке. Рассказывай, что вы успели!

Мюнстер вздохнул и начал рассказ. Доложил о поездке в Каустин и осмотре дома Верхавена.

— Мы еще не получили ответа из лаборатории, но тем не менее всё говорит о том, что это Верхавен. Кажется, он пробыл дома всего один день... в августе прошлого года. Мы нашли газету, кое-какие продукты питания с датой изготовления и еще некоторые мелочи. Всё от двадцать четвертого числа, это день его освобождения. Несколько свидетелей видели, как он вернулся... внизу в деревне то есть. Возможно, он успел переночевать, это видно. По крайней мере, он лег в постель. Тюремная одежда осталась на месте.

— Хм... подожди... Хотя нет, продолжай!

— Мы не нашли ничего примечательного. Ничего, что указывало бы на то, что он умер там, то есть ни следов крови, ни орудия убийства, ни признаков борьбы. Но, конечно, прошло восемь месяцев.

— Время лечит, но не все раны, — сказал Ван Вейтерен и погладил себя по животу.

— Согласен. Может, что-то и есть. Увидим. Его могли убить и там в тот же день... или ночь, а разделать где-то еще. Где угодно.

— Хм... — снова произнес Ван Вейтерен, и Мюнстер облокотился о стену и замолчал. — Подними-ка меня! — приказал комиссар, и Мюнстер повторил процедуру с подушками. Ван Вейтерен, корчась, сел под другим углом. — Болит, — прокомментировал он, показывая взглядом на живот.

— А вы, комиссар, ждали чего-то другого?

Ван Вейтерен пробормотал что-то неразборчивое и выпил еще два глотка воды.

— Хейдельблум, — выдал он наконец.

— Что?

— Так звали судью, — пояснил Ван Вейтерен. — Хейдельблум. Он рассматривал оба дела. Ему, должно быть, уже за семьдесят, но ты должен его найти.

Мюнстер записал имя.

— Говорят, он дядька неплохой, — добавил Ван Вейтерен. — Жалко, что Морт уже умер.

Комиссар Морт был предшественником Ван Вейтерена и, как Мюнстер понял, занимался вторым делом. А может быть, и обоими. Сам Ван Вейтерен не играл главной роли ни в одном из них, это Роот уже проверил.

— А потом, конечно, мотив.

— Мотив? — удивился Мюнстер.

Комиссар кивнул.

— Я устал. Изложи, пожалуйста, свои мысли по поводу мотива.

Мюнстер немного подумал. Прислонился головой к стене и взглянул на ничего не говорящий квадратный рисунок лампы на потолке.

— Ну, — начал он, — есть несколько вариантов.

— Например?

— Во-первых, какая-нибудь тюремная история. Что-то могло произойти, пока он мотал срок. Какое-нибудь происшествие.

Ван Вейтерен кивнул.

— Правильно, — согласился он. — Тебе надо выяснить, чем он занимался за решеткой. Кстати, где он сидел?

— В «Ульментале», — ответил Мюнстер. — Роот туда уже едет.

— Хорошо. А еще? Я имею в виду мотив!

Мюнстер откашлялся. Подумал еще немного.

— Да, если это не связано с тюрьмой, то, возможно, идет из прошлого.

— Возможно, — согласился Ван Вейтерен, и Мюнстеру показалось, что сероватая бледность на секунду сошла с его лица. — Каким образом? — продолжал комиссар. — Черт возьми, интендант, не говори, что не думал об этом! Прошло уже больше суток, как вы узнали.

— Только половина с тех пор, как появилась уверенность, — стал оправдываться Мюнстер.

Ван Вейтерен усмехнулся.

— Мотив! — повторил он. — Давай думай!

— Кто-то мог решить, что наказания тюремным сроком недостаточно, — предположил Мюнстер.

— Возможно.

— Кто-то мог его ненавидеть. Может, кто-то из родственников убитых ждал, когда он вернется... Вообще-то сложно проникнуть в тюрьму и там кого-то убить.

— Очень сложно. Если не нанять кого-нибудь, кто уже сидит. Там есть такие, кого можно уговорить. Другие варианты?

— Это не варианты.

— Давай излагай все равно.

— У нас нет никаких доказательств.

— Но я все равно хочу услышать.

Кровь вновь прилила к лицу комиссара. Мюнстер откашлялся.

— Хорошо. Есть все же небольшая вероятность, что он был невиновен.

— Кто?

— Верховен, конечно.

— Действительно?

— Хотя бы в одном из убийств, и если это каким-то образом связано... — Мюнстер запнулся, но Ван Вейтерен молчал. — Но это только предположение...

Дверь слегка приоткрылась, и в палату заглянула усталая медсестра:

— Позвольте вам напомнить, что время посещения истекло. Доктор Ратенау через пару минут придет осматривать пациента.

Комиссар злобно взглянул на медсестру, ее голова тут же исчезла, и дверь закрылась.

— Предположение, да. Вы позволите мне, интендант, высказать несколько предположений здесь, в доме для обреченных?

— Конечно, — сказал Мюнстер, вставая. — Разумеется.

— И если, — продолжал Ван Вейтерен, — окажется, что бедный старикан провел в тюрьме двадцать четыре года за то, чего не делал, тогда...

— Тогда?

— Тогда, черт меня побери, это будет самый крупный судебный скандал в этой стране за сто лет. Да какие сто лет, за всю историю!

— У нас нет никаких доказательств, — повторил Мюнстер, продвигаясь к выходу.

— Кальпурния, — проговорил Ван Вейтерен.

— Что? — не понял Мюнстер.

— Так звали третью жену Цезаря, — объяснил комиссар. — Достаточно лишь подозрения¹. А оно есть и здесь. — Он постучал пальцем по голове.

— Я понимаю. До свидания, комиссар. Я найду завтра после обеда, как обещал.

— Я позвоню сегодня вечером или завтра утром и продиктую, что мне нужно, — произнес Ван Вейтерен. — Скажи Хиллеру, что с сегодняшнего дня этим делом занимаюсь я.

— Будет сделано, — ответил Мюнстер, выскальзывая за дверь.

«Ну что ж, — подумал Мюнстер, пока ждал лифт. — По крайней мере, он почти не изменился».

15

Первый ассистент криминальной полиции Юнг посмотрел на часы и вздохнул. Он договорился встретиться с Мадлен Хугстра у нее дома в четыре часа и, чтобы не прийти слишком рано, решил провести сорок пять минут в баре в том же квар-

¹ Цезарь развелся со второй женой Помпеей, когда на нее пало подозрение в связи с другим мужчиной.

тале в пригороде Грунстада. Дорога заняла меньше времени, чем он рассчитывал, и стало ясно, что его по-прежнему преследует привычный страх опоздать.

Он сел за столик у окна с большой чашкой шоколада. Через полупрозрачную занавеску виднелись нечеткие контуры прохожих на тротуаре, и на минуту ему показалось, что он смотрит старый сюрреалистический фильм. Он тряхнул головой. Какой, к черту, фильм? Это просто усталость. Обычная то-скливая усталость копа.

Он помешал напиток в чашке и решил набросать вопросы в блокноте. Открыв блокнот, Юнг увидел, что тот с глоссарием французских глаголов — видно, он случайно унес его после того, как помогал с французским Софи.

Софи была тринадцатилетней дочерью Маурейн, с которой он с недавнего времени встречался.

В сущности, не так уж и недавно, хотя случались эти встречи довольно редко. Пока он сидел, пытаясь убить время, в голове стали роиться мысли, получится ли из этого что-то серьезное. Между ним и Маурейн. Он попробовал разобраться, есть ли у него самого такое желание.

И в первую очередь есть ли оно у Маурейн?

А может, лучше ничего и не желать. Отказаться от пирожного и довольствоваться изюминками, которые перепадают. Как всегда, одним словом. Именно как всегда.

Он вздохнул и попробовал шоколад.

Но Маурейн ему нравилась. Ему нравилось сидеть вечерами с Софи и помогать ей с математикой или французским... или чем угодно, что зададут; он помогал ей пока всего три-четыре раза, но успел впервые в жизни ощутить себя в некотором роде в роли отца.

И ему это нравилось. Это была новая для него ипостась. Она дарила ему чувство уверенности и защищенности, которыми до этого жизнь его не особенно баловала.

Пока неясно, насколько это действительно получилось, но что-то все-таки есть.

— Несомненно, *est*, — пробормотал он сам себе, одновременно удивляясь, откуда в его голове взялось такое идиотское выражение.

Вспоминая эти непритязательные вечера, это простое и значительное — просто помогать и брать на себя немного ответственности за подросткового ребенка... тут надо признаться, он надеялся, что однажды Маурейн спросит его напрямую.

То есть попросит остаться. Продолжать так во всем остальном. Переехать к ним и начать жить втроем одной семьей.

В какие-то дни эта мысль его до смерти пугала, и он понимал, что сам никогда не сможет об этом заговорить. И все же эта мысль не покидала его.

Как род тайной надежды — сокровенной мечты, смутность и хрупкость которой так велика, что никогда он не решится взять ее в руки и взглянуть на нее поближе. И никогда как следует не разглядит.

Жизнь вообще непредсказуема, и, конечно, далеко не всегда можно вернуться назад.

«Черт, что я хочу этим сказать?» — подумал он.

Он снова взглянул на часы и закурил. Еще пятнадцать минут. Он не горел желанием опрашивать госпожу Хугстра; если он правильно понял, речь шла о пожилой даме из высших слоев общества...

Строгая, избалованная женщина, с морем прав и отсутствием обязанностей. По крайней мере, так звучал ее голос по телефону. Хотя это и несколько озадачивало, если учесть ее связь с Верховенном.

Кажется, тот не был представителем высшего общества?

В любом случае, она его будет пристально рассматривать. Почувствует этот стойкий запах холостяка — смесь табака и дешевого одеколона, заметит пятна на брюках и перхоть на плечах. Отнесет его к определенной категории, осознает свое превосходство и установит легкую, но заметную дистанцию, что на самом деле значит только то, что в ее круге полицейских воспринимают как род слуг. Которых эти люди наняли охранять себя и другие ценные для общества вещи — деньги, предметы искусства, право свободно располагать своим имуществом и тому подобное.

«Черт, — подумал он. — Это никогда не пройдет. Похоже, я буду мять в руке свою грязную шапку и кланяться до самой смерти.

Извините, что я врываюсь. Простите, что я должен побеспокоить вас, задав несколько вопросов. Простите, что моего отца выгнали с работы в типографии и он спился.

Нет-нет, мне, право, очень жаль, госпожа, видимо, я ошибся... Конечно, я хочу, чтобы меня похоронили на собачьем кладбище, там мне и место!»

Он допил шоколад и встал из-за стола.

«Я слишком много думаю, — решил он. — В этом вся проблема».

«Надеюсь, она хотя бы не станет угощать меня ромашковым чаем», — закончил он свои размышления.

Госпожа Хугстра слегка приоткрыла дверь и сняла цепочку, только когда он показал удостоверение.

— Простите, я от природы очень осторожна, — объяснила она, открывая дверь полностью.

— Осторожности много не бывает, — сказал Юнг.

— Пожалуйста, проходите.

Она первой прошла в гостиную, обставленную массивной мебелью. Знаком пригласила его сесть в одно из двух плюшевых кресел, которые, как троны, возвышались у камина. Рядом стоял основательно накрытый стеклянный столик с чашками, блюдами, булочками, печеньем, маслом, сыром и вареньем.

— Я пью ромашковый чай, — сказала она. — Для желудка. Полагаю, это не совсем мужской напиток. Могу предложить вам кофе или пиво.

Юнг с благодарностью сел. Признал, что несколько предвзято судил об этой полноватой миниатюрной женщине. Что его опасения преувеличены и их источником был он сам. Видимо, как всегда.

Без сомнения, впечатление такое, что здесь присутствовала человечность. И тепло.

— С удовольствием выпил бы пива, — сделал он выбор.

«А возможно, и что-то еще, — подумал он, глядя ей вслед. — Что-то очень знакомое. Неужели банальное чувство вины?»

— Пожалуйста, рассказывайте, — попросил Юнг.

Блокнот с вопросами лежал пока в кармане. Вероятно, он и не понадобится совсем.

— С чего мне начать?

— С самого начала, наверное.

— Да, видимо, так будет лучше всего.

Госпожа Хугстра глубоко вздохнула и поудобнее устроилась в кресле:

— Мы никогда особенно не ладили. Понимаете, мы совсем перестали общаться после этих... историй с убийствами, но, по правде говоря, мы и до них почти не виделись. — Она сделала глоток чаю. Юнг положил кусок сыра на сухарик и ждал. — Нас было трое в семье. Мой старший брат умер два года назад, мне самой осенью исполнится семьдесят пять. Леопольд был, как говорится, последышем. Когда он родился, мне исполнилось семнадцать... и я и Жак уехали из дому до того, как он пошел в школу. Потом умерла мать. Ему было всего восемь... когда они остались вдвоем с отцом.

— В Каустине?

— Да, отец работал кузнецом... но в то время он конечно же воевал. Его демобилизовали за полтора года до конца войны, чтобы он мог растить Лео. Я тоже ему помогала, но я вышла замуж и родила своих детей. Мы жили в Швейцарии, ездить оттуда было непросто... Муж открыл свою фирму, и моя помощь ему тоже требовалась.

«Да, — подумал Юнг. — Чувство вины, видно, присутствует всегда».

— Но вы жили не в том доме, который потом принадлежал ему... Я имею в виду в детстве?

— Нет, мы жили в деревне. Кузница разрушена, но наш дом до сих пор стоит, — ответила госпожа Хугстра, и Юнг кивнул. — Леопольд купил этот дом, когда вернулся. Это было после завершения спортивной карьеры.

— Расскажите об этом, — попросил Юнг. — Я весь внимание.

Мадлен Хугстра вздохнула:

— У Лео было не самое счастливое детство. Он рос очень одиноким мальчиком. С трудом учился в школе и непросто ладил с детьми, насколько я помню, но об этом вам лучше расскажут другие. Он все равно бросил учебу после шестого класса. Около года работал в кузнице с отцом, а потом переехал в Оберн. Просто взял и уехал... должно быть, у них с отцом произошла размолвка, но мы не знаем почему. Ему было всего лет пятнадцать-шестнадцать. Если не ошибаюсь, это произошло в тысяча девятьсот пятьдесят втором году.

— Кажется, в Оберне он зажил неплохо?

— Да, неплохо. Он не боялся никакой работы, а ее хватало в то время на всех. А потом он вступил в спортивный клуб и начал бегать.

— Заниматься легкой атлетикой, — поправил Юнг, который интересовался спортом. — Он был блестящим легкоатлетом, да, я, конечно, слишком молод, но я читал о нем. В беге на средние дистанции и дальше.

Госпожа Хугстра кивнула:

— Да, в середине пятидесятых у него было несколько хороших лет. Казалось, что всё идет как надо.

— Он, кажется, установил несколько рекордов? Национальный рекорд, вроде на полторы или на три тысячи метров, если я не ошибаюсь.

Она пожала плечами с несколько извиняющимся видом:

— Простите, инспектор, но я не очень интересуюсь спортом. Все равно потом эти результаты пропали.

Юнг кивнул.

— Да, это был довольно крупный скандал. Пожизненно дисквалифицирован; должно быть, для него это оказалось

тяжелым ударом... ужасно тяжелым. Вы общались в тот период?

Госпожа Хугстра опустила глаза.

— Нет. Не общались. Ни я, ни брат, — ответила она и на некоторое время замолчала. Юнг ждал. — Но это не только наша вина. Лео сам так хотел. Он был одиночкой, ему нравилось быть наедине с собой... причем всегда, с самого детства. Конечно, хотелось бы, чтобы все сложилось иначе, но что мы теперь можем сделать? А тогда мы что могли? — В ее голосе вдруг появилась сильная усталость.

— Не знаю, — сказал Юнг. — Вы можете продолжать?

Она отпила немного чаю и возобновила рассказ:

— Лео все бросил и вернулся в Каустин. Купил этот дом — видимо, ему удалось скопить некоторую сумму... и работая, и при помощи спорта... Его осудили и за допинг, и за... Как это теперь называется? Нарушение спортивных правил?

Юнг снова кивнул.

— Я читал об этом, — сказал он. — Он попался на чемпионате Европы, когда упал в забеге на пятитысячметровую дистанцию. Ему обещали в случае победы крупную сумму, разумеется, втайне... И тут в больнице обнаруживают амфетамин и что-то еще. Кажется, он был одним из первых, кого поймали в Европе на допинге. Но простите, госпожа Хугстра, продолжайте.

— Так что, он купил этот дом. Когда мы были детьми, его называли «Густая тень», не знаю почему. Конечно, стоит он несколько в стороне от других. Он пустовал пару лет. Полагаю, он купил его недорого. И начал заниматься курами. Лео работал в этой отрасли в Оберне и видел воз-

возможности... Он мог быть довольно предприимчивым, если хотел. Обладал чутьем к коммерции... — Она снова замолчала.

Юнг сделал глоток пива и спросил:

— А потом появилась Беатрис?

На ее лице отразилось отчаяние.

— Мы должны говорить и об этом, инспектор?

«Не знаю, — подумал он. — К тому же я пока не инспектор. И может быть, никогда им не стану».

— Может быть, всего пару коротких вопросов? — предложил он.

Он кивнула и сцепила руки на коленях. Он нащупал во внутреннем кармане блокнот, но снова решил подождать.

— Вы с ней встречались?

— Только когда она была маленькой. Я видела ее девочкой в Каустине. Они были ровесники... учились в одном классе.

— Она тоже не осталась в деревне?

— Нет. Она уехала, а вернулась через несколько месяцев после Леопольда. Вроде жила какое-то время в Ульминге... и бросила там мужа.

Юнг задумался. Он вдруг перестал понимать, что ему нужно на самом деле. К чему все эти расспросы и что они могут дать? Ведь не может же эта пожилая, бедная сестра Верхавена быть каким-то образом замешана в этом деле? Зачем сидеть здесь и мучить ее расспросами, заставляя вспоминать то, о чем она старалась забыть?

Хотя, конечно, никогда не знаешь.

— Она была красива? — спросил он наконец, когда пауза затянулась.

Она не сразу ответила.

— Да. С мужской точки зрения, она была очень красива.

— Но вы ведь ее никогда не видели.

— Только на фотографиях. В газетах.

Он сменил тему. Полностью.

— Почему вы так долго не обращались в полицию, госпожа Хугстра?

Он слотнула:

— Я ничего не знала. Поверьте мне, инспектор. Я понятия не имела о том, что с ним случилось. Мы не поддерживали отношения... совсем... вы должны понимать.

— Вам не кажется странным, что ваш брат пролежал восемь месяцев мертвым и никто его не хватился?

— Согласна. Мне жаль... Это просто ужасно.

— Вы навещали его в тюрьме?

— Однажды на первом сроке. Но он решительно дал понять, что не желает дальнейших посещений.

— И вы с уважением отнеслись к его желанию?

— Да, с уважением.

— И ваш брат?

— Да. Он один раз попытался навестить его после второго раза, но Лео не захотел его видеть.

— Вы переписывались?

Он помотала головой.

— Но вы следили за домом?

— Нет, вовсе нет. У меня просто был ключ. Я была там два раза за последние двенадцать лет. Второй раз за неделю до его освобождения... Он написал открытку, в которой попросил оставить ему ключ.

— И на этом все?

— Да, — она посмотрела на него виновато, — боюсь, что на этом все.

«Тьфу ты, — думал Юнг через четверть часа, переходя наискосок улицу. — Надо не забыть позвонить сегодня вечером сестре. Так и правда жить нельзя».

Кстати, и Маурейн лучше тоже позвонить, если не просто так, то хотя бы по проводу блокнота с глоссарием.

Проехав уже несколько километров, Юнг вспомнил, что так и не спросил о несчастном случае с яичком, но, как ни размышлял над этим вопросом, он никак не мог понять, какое это может иметь значение. В любом случае для обсуждения этой детали можно воспользоваться телефоном.

И тогда не нужно будет сидеть так близко от нее.

«Видно, я все же немного стеснителен», — подумал он и включил радио.

16

По дороге в «Ульменталь» инспектор Роот почему-то задумался о расстояниях; позже он поймал себя на том, что эти мысли возникли, когда он проезжал Линзхаузен и бросил взгляд на названия «Каустин» и «Берен», помещенные на одном указателе.

Каустин — 16 километров.

Берен — 38 километров.

Хоть и в разные стороны, естественно. Каустин в направлении север-запада, Берен скорее прямо на юг. Даже его зача-

точных знаний геометрии хватило на то, чтобы рассчитать, что расстояние между этими населенными пунктами не меньше... пятидесяти километров.

Почему убийца решил бросить тело именно там? В Берене. Маленьком городке с... сколько их там? Двадцать пять тысяч жителей? Ну не более тридцати тысяч, это точно.

Чистая случайность?

Очень возможно. Если целью убийцы было отвезти тело как можно дальше от Каустина, чтобы связь с Верхавеном прервалась... да, тогда этого, наверное, достаточно. С другой стороны, естественно, большее расстояние послужило бы такой цели еще лучше.

Потому что похоже, что Верхавена действительно убили в собственном доме. Можно исходить из этого предположения? Или нельзя? В деле по-прежнему много неясного. Или он мог покинуть дом не замеченным соколиным взглядом фрау Вилкерсон? А вдруг это случилось в другом месте?

Разумеется, преступник тоже мог уйти. Например, ночью. Или через лес. Глаза имеет только дорога в деревню, да и сама деревня, конечно.

Верхавен вполне мог и сам добраться до Берена... или другого места... и там встретить убийцу. Без сомнения.

Он свернул на шоссе.

Следующий вопрос. Как? Как в таком случае он добрался в Берен... или куда-то еще?

Своей машины у него больше не было. Значит, автобусом или на такси, больше, наверное, нечем... А если так, то выяснить это будет не так уж сложно. По крайней мере, со временем.

Пока им удавалось держать на расстоянии средства массовой информации; конечно, это радовало, если принять во внимание обстановку вокруг расследования, но рано или поздно все равно придется прибегнуть к их помощи. И само собой, со временем сарафанное радио из Каустина разнесет слухи по округе. А вскоре новость распространится по всей стране, и это будет и хорошо, и плохо одновременно. Как всегда.

«Журналисты, они как коровье дерьмо», — говорил обычно Рейнхарт. Роот не то чтобы восхищался подобными высказываниями, но все же считал, что в них есть доля истины.

«Так что, если есть некий шофер, — думал Роот, — или водитель автобуса, который вспомнит пассажира, отправившегося из Каустина как-то августовским вечером или ранним утром, возможно, впрочем... почему бы и не в Берен, да, тогда бы, конечно, количество вариантов заметно сократилось».

Круг бы немного сузился.

Он поддал газу и похлопал по рулю.

На данный момент без ответа остается множество вопросов. И из каждого дурацкого вопроса вытекает по три новых. Или больше.

Как медуза Горгона, или как там ее звали.

«Ай, лучше подумать о чем-нибудь другом», — решил он и провел рукой по бороде. Или скорее ее пригладил.

Как там сказал де Брис? Издыхающий морской свин?

Зато до «Ульменталья» осталось восемнадцать километров. Надо будет перекусить на ближайшей заправке, хотя бы в этом нет никаких сомнений.

Кабинет директора тюрьмы Бортсмы был светлым, просторным и даже в некоторой степени уютным, благодаря укра-

пенным спортивными дипломами и перекрещенными теннисными ракетками стенам. Сам Бортсма оказался плотным мужчиной в синей футболке поло, как предположил Роот, около пятидесяти лет, с загорелыми руками и молодящими его волосами цвета льна.

У большого панорамного окна с видом на верхний край тюремной стены, обрамленной колючей проволокой, и свободную долину за ней стоял красный пластиковый стол с легкими стальными стульями с желтыми и синими сиденьями. На одном из них сидел полноватый лысеющий мужчина с пятнами пота под мышками. Лицо его выражало недовольство.

Роот и директор тоже сели.

— Йоппенс, наш куратор, — представил его директор.

— Роот.

Они пожали друг другу руки.

— Инспектор хочет задать несколько вопросов о Леопольде Верховене, — пояснил Бортсма. — Я подумал, что неплохо бы и Йоппенсу поприсутствовать. — Он кивнул в сторону куратора. — Пожалуйста, инспектор.

— Спасибо, — начал Роот. — Опишите его, пожалуйста, кратко.

— Да, — отозвался куратор, — если кого-то и можно описать кратко, так это его. Вы можете получить исчерпывающее описание за полминуты... в письменном виде на половине страницы.

— Вот как? — удивился Роот. — Что вы хотите этим сказать?

— Я наблюдал за Верховеном на протяжении одиннадцати лет и за это время не узнал о нем ничего больше того, что мне стало известно в первую встречу.

— Одиночка, — пояснил директор Бортсма.

— Он вообще ни с кем не общался, — продолжил Йоппенс. — Ни с одним из заключенных, ни с кем на воле, ни с охранниками, ни со мной — ни с кем.

— Звучит необычно, — сказал Роот.

— Он мог просидеть все это время и в одиночной камере, — продолжил Йоппенс. — Ему это было безразлично. Полный интроверт. Чертовски заикленный на самом себе... хотя, конечно, своеобразный.

— Он не нарушал дисциплину? — спросил Роот.

— Никогда, — ответил Йоппенс. — И ни разу не улыбнулся.

— Он принимал участие в мероприятиях?

Куратор покачал головой:

— Раз в неделю плавал. Два раза ходил в библиотеку. Читал газеты и брал книги... Не знаю, можно ли это назвать мероприятиями.

— Но вы, должно быть, с ним разговаривали?

— Нет, — ответил куратор.

— Он отвечал, когда к нему обращались?

— Конечно. Доброе утро, спокойной ночи и спасибо.

Роот задумался. «Да, стоило провести за рулем целый день ради этого, — подумал он. — Придется поговорить еще немного. Раз уж я здесь».

— Ни с кем близко не общался во всей тюрьме?

— Нет, — ответил Йоппенс.

— Ни с кем, — подтвердил Бортсма.

— Письма?

Куратор немного подумал.

— Получил всего два... Думаю, от родственников. Сам отправил открытку за пару недель до освобождения.

— За двенадцать лет?

— Да. Открытка была его сестре.

— Тогда свидания?

— Два, — ответил Йоппенс. — Вначале как-то приехал брат. Верхавен не стал с ним встречаться. Даже не вышел в комнату для свиданий... Я тогда еще не работал, но мне рассказывал мой предшественник. Брат прождал его там целый день...

— А второе?

— Простите?

— Второе свидание. Вы сказали, что их было два.

— Это была женщина. В прошлом году, кажется... или нет, года два назад.

— Что за женщина? — спросил Роот.

— Понятия не имею.

— Но к ней он вышел?

— Да.

Некоторое время Роот рассматривал ракетки и дипломы.

— Мне кажется, все это довольно странно, — сказал он. — У вас много таких заключенных?

— Ни одного, — ответил директор. — Я никогда не встречал ничего подобного.

— Чудовищное самообладание, — сказал куратор. — Мы говорили о нем с коллегами, все с этим согласились... то есть внешнее. Внутри, конечно, явно какая-то загадка.

Роот кивнул.

— Почему к нему такой интерес? — поинтересовался директор. — Или это нельзя разглашать?

— Не то чтобы... — ответил Роот. — Рано или поздно все станет известно. Мы нашли его убитым.

Тишина, которая повисла в комнате, напомнила Рооту внезапное отключение света.

— Это просто... — Куратор потерял дар речи.

— Но что, черт возьми... — начал было директор Бортсма.

— Об этом не следует распространяться до поры до времени, — прервал его Роот. — Если нам удастся поработать еще несколько дней в спокойной обстановке, без охоты на нас журналистов, мы будем благодарны.

— Разумеется, — ответил Бортсма. — Как он умер?

— Мы не знаем, — ответил Роот. — У нас пока нет головы, рук и ног. Кто-то его расчленил.

— Ой, ой, ой, — сказал Бортсма, и Рооту показалось, что его загар поблек на пару тонов. — Это не тот ли, о ком писали газеты?

— Именно он.

— И когда же он умер? — спросил куратор Йоппенс.

— Уже довольно давно, — ответил Роот. — Он пролежал восемь месяцев, прежде чем его обнаружили.

— Восемь месяцев? — воскликнул Йоппенс и наморщил лоб. — Видно, это произошло вскоре после освобождения.

— Мы думаем, что в тот же день.

— Его убили в тот же день?

— Вероятно.

— Хм... — задумался Бортсма.

— Да, у нас тут все же в некотором роде безопасно, — заметил Йоппенс.

Повисла неловкая пауза. Роот почувствовал, что голоден, и подумал, почему ему, во имя всего святого, ничего не предлагают.

— Его отпускали на волю?

— Он никогда не просился, — объяснил Бортсма. — А мы никого не принуждаем.

Роот кивнул. О чем бы еще спросить?

— Значит, у вас нет никаких подозрений... — сказал он задумчиво, — никаких идей, кто бы мог желать ему смерти?

— А у вас есть? — спросил куратор.

— Нет, — признался Роот.

— И у нас нет, — сказал директор. — Ни малейшей догадки. Здесь он вообще ни с кем не общался. Ни по-хорошему, ни по-плохому... Видно, кто-то его поджидал.

Роот вздохнул:

— Видимо, так. — И на некоторое время замолчал. — Кстати, та женщина. Которая его навещала... в позапрошлом году... или когда там это было... Кто она?

Бортсма, посмотрев на куратора, сказал:

— Я не знаю.

— И я не знаю, — добавил куратор. — Надо посмотреть в журналах, если интересно.

— Почему бы нет? — согласился Роот.

Две сотрудницы архива довольно долго искали нужную запись, но в конце концов им удалось ее найти.

5 июня 1992 года. Пятница.

Анна Шмидт.

— Адрес? — спросил Роот.

— У нас его нет, — ответила та, что постарше. — Адрес не требуется.

— Только имя?

— Да.

Роот вздохнул:

— Как она выглядела?

Обе пожали плечами:

— Спросите об этом у охранников.

— Можно узнать, кто в тот день дежурил и кто мог ее видеть?

— Конечно.

Это тоже оказалось небыстро. Но Роот хотя бы успел заглянуть в столовую и купить пару бутербродов с сыром, пока они искали нужные фамилии.

— Вы Еммелин Вайгерс?

— Да.

— Вы дежурили пятого июня тысяча девятьсот девяносто второго года?

— Да, наверное.

— В тот день навестили Леопольда Верхавена. То есть это довольно-таки необычно.

— Да.

— Вы это помните?

— Да, хорошо помню.

— Но прошло почти два года.

— Я помню, потому что навестили именно его. Мы даже говорили об этом. Он был немного... особенный, вы, наверное, слышали.

— Его не навещали?

— Никогда.

— Вы можете описать посетительницу?

— Боюсь, что не очень хорошо. Не помню точно. Довольно пожилая, во всяком случае. Около шестидесяти, наверное... болезненного вида. Она была с клюкой.

— Вы бы ее узнали?

Она немного подумала:

— Нет, не думаю. Нет.

— Сколько они разговаривали?

— Точно не помню. Пятнадцать — двадцать минут, если не ошибаюсь. Не все время, это точно.

— Все время?

— Разрешается полчаса по правилам.

— Не было ли чего-то особенного, чтобы вам вспомнилось, когда вы об этом думаете? Какой-нибудь детали или чего-то еще?

Она подумала секунд десять.

— Нет, — сказала она наконец. — Ничего.

Роот поблагодарил и вышел.

Еще полчаса у него ушло на то, чтобы выйти из учреждения и добраться до дома номер четыре по аллее Раугенс в самом городке Ульменталь. Он припарковался у белого домика. Собрался с мыслями, вышел из машины и направился к выложенным камнем воротам. Позвонил.

— Да?

— Господин Шервуз?

— Да.

— Меня зовут Роот. Криминальный инспектор Роот. Я звонил вам.

— Входите. Или вы предпочитаете посидеть в саду? Погода сегодня хорошая.

— Да, с удовольствием.

— Красиво, когда цветут каштаны, — заметил Шервуз, наливая в два больших бокала пиво.

— Да, — согласился Роот. — Очень.

Они выпили.

— Что там насчет Верховена?

— Вы дежурили, несли внешнюю вахту, как это называется, пятого июня тысяча девятьсот девяносто второго года. В тот день Верховена навестила женщина. Конечно, прошло два года, но все же, может быть, вы ее помните?

Шервуз сделал еще глоток:

— Я именно об этом и подумал, когда вы позвонили. Она приехала на такси. Довольно пожилая. С трудом передвигалась... опиралась на костыли или на один костыль. Господи, это то, что мне запомнилось. Я могу ошибаться... вдруг это совсем другой человек?

— Почему вы вообще ее запомнили?

— Конечно потому, что она шла к нему.

— Вот как. Вы ее раньше не видели?

— Нет.

— Не обратили внимания на что-нибудь еще?

— Нет... не думаю.

— Вы видели, как она уезжала?

— Нет, должно быть, я сменился. По крайней мере, я не помню.

— Вы бы ее узнали?

— Нет, точно не узнал бы.

Прошло несколько секунд. Потом Шервус спросил с плохо скрываемым любопытством в голосе:

— Что он наделал?

— Ничего. Он мертв.

Ужин в привокзальном ресторане не вызвал у Роота одобрения, и, когда он наконец снова сел за руль, уже начало смеркаться.

«Да, сегодня от меня было много пользы, — подумал он. — Ну просто колоссально много».

И когда он начал считать, сколько денег налогоплательщиков он потратил и сколько еще их будет потрачено в будущем на это сомнительное расследование, то заметил, что злится.

Особенно при мысли, в какую сумму Леопольд Верхавен уже обошелся государственному бюджету. За всю свою жизнь.

Убил двух женщин. Его ловили, два раза судили на очень громких процессах, а потом держали в тюрьме почти четверть века. А теперь нашелся кто-то, кто поставил на этом точку.

Не лучше ли было бы, если бы полиция сразу сделала то же самое?

Поставили бы точку. Или нарисовали прочерк и притворились, что никогда не находили расчлененного трупа в ковре. Кому нужно тратить столько сил, чтобы найти убийцу, который по какой-то необъяснимой причине решил прервать эту одинокую преступную жизнь?

Черт возьми, кого волнует то, что Верхавен мертв?

Есть хоть один такой человек? Кроме того, кто его убил, конечно.

Роот в этом сомневался.

Но где-то глубоко таились и другие мысли, возможно, что-то, почерпнутое им из Устава криминальной полиции, он точно не помнил, ведь они были смутны. Но их суть можно было выразить одной из формулировок Ван Вейтерена:

«Если убийца сидит за компьютером где-нибудь в Тимбукту, нужно ехать туда на первом же такси. В конце концов, мы не коммерческая организация!»

Кто-то спросил: «А где, собственно, Тимбукту находится?»

На что Ван Вейтерен ответил: «Об этом знает таксист».

«Наверное, лучше всего придерживаться такой позиции, — подумал Роот. — Трудно предугадать последствия каких-либо отклонений».

17

Ван Вейтерен достал пачку ксерокопий газетных статей и начал просматривать.

Надо признать, Мюнстер не поленился. Не меньше сорока — пятидесяти страниц из разных газет, в первую очередь, конечно, из «Неуве блатт» и «Телеграаф». Разложены в хронологическом порядке: сначала спортивная история, напоследок комментарии к приговору по делу о Марлен. Все скрупулезно датировано.

Интересно, это сам интендант потратил столько времени на удовлетворение его любопытства или пришлось попотеть какой-нибудь дотошной библиотечарше в отделе периодической печати? Он больше склонялся ко второму варианту...

Но кто знает? Все-таки Мюнстер — это Мюнстер.

Он начал с предыстории. С блестящей, но короткой карьеры на беговой дорожке. Если все подсчитать, получается не больше двух лет? Два удачных года перед тем, как фортуна изменила ему.

«Новый рекорд Верховена!» — кричал заголовок большой статьи от двадцатого августа тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, с нечеткой фотографией молодого человека, который с победным выражением на лице смотрел прямо в камеру.

Он не выглядел особенно потрясенным, да и сам не производил потрясающего впечатления, как показалось Ван Вейтерену. Но сжатые губы явно говорили о серьезности и решительности, а темные глаза уверенно смотрели вперед, навстречу будущим рекордам и дальнейшим триумфам.

Он некоторое время рассматривал лицо двадцатидвухлетнего юноши и пытался увидеть хоть что-то — разглядеть в этих застывших чертах будущее... узнать судьбу, угадать насильника и убийцу.

Разумеется, это невозможно.

Трудно сосредоточиться на задаче, если уже посмотрел ответ. Когда знаешь, что искать, найти нетрудно... Нет, в этих глазах не было ничего, кроме банальной, слегка показной самоуверенности, решил Ван Вейтерен. Которую считают признаком силы и мужественности, да и бог знает чего еще. Она неизменно присутствует у всех современных героев. А если подумать, то и у античных тоже. Ван Вейтерен никогда не был большим поклонником спорта и считал, что воображать, будто греческий метатель диска чем-то принципиально отличается от русского хоккеиста, просто

еще один способ реализовать свою потребность в самообмене. Спорт есть спорт.

Признав этот факт, он начал читать.

«Весь этот год любители легкой атлетики, бесспорно, возлагали большие надежды на Леопольда Верхавена. Но кто мог ожидать, что этот невероятно талантливый двадцатидвухлетний спортсмен из Оберна уже в этом году поставит рекорд?»

Однако он всех удивил, а мы совсем не против обмануться! Блестящий рекорд, установленный на дистанции 1500 метров в воскресенье на стадионе „Верхайм“, предварил вчерашнее колоссальное спортивное событие, когда результат был улучшен до 3.41,5, причем последние 600 метров Верхавен бежал в гордом одиночестве.

Никто из других участников на этом славном стадионе просто не смог за ним угнаться, когда на второй половине дистанции он увеличил скорость. Его легкий и быстрый, как ветер, победоносный шаг, внешне без усилий льющийся темп и ритм бега дают ощущение тактической гениальности...»

Читать дальше Ван Вейтерен не стал. Он попытался вспомнить, что сам делал тем августом более тридцати пяти лет назад... но пришел лишь к выводу, что были летние каникулы после сумбурного года в университете. До того как он все это бросил и поступил в полицейскую академию, значит, скорее всего, летняя работа у Куммермана, то есть тот проклятый пыльный склад, или в лучшем случае отдых на берегу моря у родственников.

Да, необычайно важная информация. Он перешел к следующей вырезке.

Написано примерно годом позже. Восемнадцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. Три колонки в «Телеграф» с фотографией, сделанной на финише забега на полторы тысячи метров. Видимо, это его любимая дистанция, так сказать коронный номер... или как это называется у бегунов? Торс наклонен вперед, чтобы как можно раньше порвать финишную ленту, длинные волосы развеваются на ветру, рот открыт, невидящий взгляд... или просто он таким кажется...

«Верхавен на пути к европейскому рекорду?» — гласил следующий заголовок. Ван Вейтерен начал читать.

«3.40,4! Таков новый рекорд Верхавена на дистанции 1500 метров, поставленный вчера во время блестящего забега на международных соревнованиях на стадионе „Кюндерплатс“. Уже пробежав 800 метров, наш новый король средних дистанций сказал соперникам: „Спасибо за компанию“ — и через два круга в полном одиночестве показал время, которое до сих пор превзошли только француз Жази и венгерский спортсмен Рожавельди¹. Время Верхавена шестое за всю историю, и нет сомнений, что в будущем году этот талантливейший двадцатитрехлетний бегун будет нашей главной надеждой на Олимпийских играх в Риме. По крайней мере, в легкой атлетике, где наши спортсмены до сих пор сильно уступали британцам, французам и американцам. Вчерашние соревнования также продемонстрировали, что...»

«Май пятьдесят девятого, — подумал Ван Вейтерен и отложил статью. — То есть за три месяца до того, как мыльный пузырь лопнул».

¹ Рожавельди Иштван (Венгрия) р. 30 марта 1929 г. в Будапеште. Один из лучших бегунов Европы на средние дистанции в 50-е годы.

Он взял следующую копию, вот оно! Скандал уже разразился, и на этот раз статья вышла на первой полосе.

«Верхавен — мошенник!» — кричал жирный заголовок над четырьмя колонками текста, внизу на нечеткой фотографии можно было разглядеть человека, которого несли на носилках. Судя по всему, в легкой суматохе.

Ван Вейтерен читал возмущенную статью о забеге на полторы тысячи метров в августе пятьдесят девятого года, когда Верхавен средь бела дня, не добежав до финиша и до близкого европейского рекорда всего два круга, упал без сознания на выходе с южного поворота трассы стадиона «Рихтер» в Маардаме.

Он еще раз взглянул на дату: статья написана через два дня после соревнований. Когда все раскрылось.

Когда стало известно о допинге и черных гонорах.

Когда закончилась сказка.

Верхавен-мошенник.

«Можно ли считать это предысторией Верхавена-убийцы? — подумал Ван Вейтерен. — Или Верхавена — дважды убийцы?»

Если ли связь между этими событиями? Конечно, не прямая, но все же что-то вроде причины и следствия. Не скрывался ли уже убийца в мошеннике? И правомерно ли вообще ставить вопрос таким образом?

Он почувствовал, что устал. Собрал мятые бумаги и сложил обратно в конверт.

«Есть ли вообще смысл в подобных размышлениях?» — спросил себя комиссар. Почему его мозг выдает такие мрачные идеи? Хочет он того или нет. Неужели нет более надежных фактов, о которых бы стоило подумать?

Или он только пытается убедить себя самого, что ведет это расследование?

Некоторое время Ван Вейтерен слушал воркование голубей за окном. Мысли унесли его прочь, и он несколько минут думал о символах мира, о падении Европы, о двуликом нацизме, после чего вернулся к реальности. Потому что, в конечном счете, как там дела с нашим подозрением? С этой смутной идеей, которая, однако, витала в воздухе и не давала покоя.

Не нужно ли вообще-то найти для нее основания?

Не правда ли, как все же легко постороннему наблюдателю сделать такой поспешный вывод? Мошенник — убийца. Построить зыбкие мосты над воображаемыми пропастями. Найти связи там, где их нет и не было. К тому же неизвестно, как на самом деле обстояло дело с этим обманом. Действительно ли вся эта история имела ту степень важности, которую ей придали спортивные боги и гуру того времени, тех безмятежных пятидесятых? Или начала шестидесятых?

Ему в это не верилось. Не бегал же парень быстрее из-за денег? Амфетамин или что-то подобное, конечно, могли придать скорости, но в наши дни вряд ли это привело бы к пожизненной дисквалификации.

Он сомневался. Он явно не был знатоком в этой области, но Роот или Хейнеман наверняка смогли бы пролить свет на эти спортивные аспекты.

Но вопрос все равно оставался открытым: насколько важна роль Верховена-мошенника в становлении Верховена-убийцы?

То есть в глазах окружающих. Журналистов. Обывателей. Полиции, служителей правосудия и присяжных. В глазах судей.

И судьбы Хейдельблума?

Этот вопрос, скорее всего, требовал неспешного обдумывания.

Он приложил ладони к болезненному шву, закрыл глаза и решил, что утро вечера мудренее.

18

Приложив некоторые усилия, де Брис получил себе в помощники ассистента криминальной полиции Эву Морено. По крайней мере, на ближайшие дни для следственной работы на месте, и, когда они вечером пробирались по красивой, но петляющей вдоль побережья дороге в Каустин, ему показалось, что это предприятие ее хотя бы не раздражает.

Конечно, могло быть и хуже. Наверное, можно себе позволить небольшую дозу самонадеянности? Де Брис остановился возле школы, и они некоторое время сравнивали нарисованный от руки план с местностью.

— Сначала Гельнахт? — предложила Морено, показав взглядом направление. — Она вроде поближе.

— Ваше желание для меня закон, — ответил де Брис, включая передачу.

Ирмгард Гельнахт приготовила кофе в беседке за большим деревянным домом. Знаком пригласила их сесть на желтые качели под навесом, а сама устроилась в одном из двух старых шезлонгов.

— Красивые вечера в это время года, — начала она разговор. — Нужно стараться как можно больше бывать на воздухе.

— Да, начало лета — самое прекрасное время, — согласилась Эва Морено. — Все кругом расцветает.

— У вас тоже есть сад?

— К сожалению, нет, но надеюсь, когда-нибудь будет.

Де Брис слегка покашлял.

— Да, простите, — сказала фрау Гельнахт. — Конечно, не об этом мы собирались говорить. Пожалуйста, начинайте.

— Спасибо, — сказала Эва Морено. — Это свой ревень у вас в пироге?

— То есть вы были ровесниками, — констатировал де Брис.

— Не совсем. Я на год старше... родилась в тридцать пятом. Леопольд в тридцать шестом. Но мы учились в одном классе, в то время в деревне в каждом классе учились дети, родившиеся в течение трех лет... наверное, сейчас так же... так что я его помню. Пять лет вместе в школе так легко не забываются.

— Какое он производил впечатление?

— Он был одинок. Это без сомнения. Одинокий и замкнутый. Почему вас это интересует? Это правда то, что говорят? Он мертв?

«Завтра все равно, наверное, это уже будет в газетах», — подумал де Брис.

— Мы пока не можем ответить на этот вопрос, фрау Гельнахт, — ответил он, приложив палец к губам. — Мы будем благодарны, если наш маленький разговор останется между нами.

Ему показалось, что в его голосе прозвучала та скрытая угроза, которой он хотел добиться.

— У него были друзья? — спросила Морено.

Фрау Гельнахт задумалась.

— Нет, не думаю. Ну, может быть, в первые годы. Он немного общался с Питером Воленцом, если я не ошибаюсь, но

они потом переехали... в Линзхаузен. После этого, кажется, он ни с кем не дружил.

— Его дразнили... или что-то в этом роде? — спросила Морено. — Издевались, как это сейчас называют?

Фрау Гельнахт опять задумалась.

— Нет. В самом деле, нет. Мы... все... его уважали, что ли. Иногда, конечно, бывали ссоры... тогда он становился жутко злым, я помню. С виду тихий, но под этой непроницаемой оболочкой скрывалась недюжинная сила.

— В чем это выражалось?

— Простите?

— Эта сила. Что он делал?

— Ну, я точно не знаю, — засомневалась фрау Гельнахт. — Некоторые его боялись... Иногда случались драки, он был сильным, очень сильным, хотя внешне не был ни крупным, ни плотным.

— Вы не помните конкретных случаев?

— Нет... хотя да. Я помню, как он выбросил одного мальчика из окна, когда разозлился.

— Из окна?

— Да, но это не было так ужасно, как звучит. Всего лишь с первого этажа, совсем не опасно.

— Понимаю.

— Но внизу стояли велосипеды, так что мальчик все же поранился...

Де Брис кивнул.

— Как его звали? — спросила Морено.

— Не помню. Может быть, один из братьев Лейссе или Коллерин, который сейчас работает мясником. Наверное, так.

Де Брис сменил тему:

— Беатрис Холден. Вы ее помните?

— Конечно, — ответила фрау Гельнахт и выпрямилась в кресле.

— Как вы можете ее описать?

— Лучше бы никак. О мертвых плохо не говорят, как водится.

— А если мы попросим настойчиво?

По губам Ирмгард Гельнахт скользнула улыбка.

— В таком случае Беатрис Холден была потаскухой. Думаю, что это описание подходит ей достаточно хорошо.

— Она была потаскухой уже в школе? — уточнила ассистент Морено.

— С самого начала, — подтвердила Ирмгард Гельнахт. — Не думайте, что я такая ханжа и моралистка, раз это говорю. Беатрис Холден была ужасно вульгарной женщиной. Дешевкой. Ей повезло с внешностью, и она всю этим пользовалась, чтобы все мужчины плясали под ее дудку... или парни в то время.

— Они были влюблены в нее?

— Все до одного. Думаю, и учитель тоже. Он был молод и не женат, на самом деле это очень печально.

— Она потом уехала, так?

Фрау Гельнахт кивнула:

— Сбежала с мужчиной, когда ей не исполнилось и семнадцати. Жила в двух-трех местах, потом через несколько лет вернулась с ребенком.

— С ребенком?

— Да, с девочкой. Ее забрала бабушка. Мать Беатрис.

— Когда это произошло? Задолго до того, как она сошлась с Верхавеном?

— Нет, не очень. Кажется, в тысяча девятьсот шестидесятом, в то же время, когда он вернулся... Во всяком случае, она прожила со своей девочкой у матери не больше полугода... Отец ушел в море, как это называлось, но его никто никогда не видел ни до, ни после. А через несколько месяцев она переехала к Верховену в «Густую тень».

— В «Густую тень»?

— Да, так называли его дом. «Густая тень»... Не спрашивайте почему.

Де Брис кивнул и записал в блокнот.

— Что стало с дочерью? — спросила Морено. — Она взяла ее с собой?

— Нет, — решительно ответила Ирмгард Гельнахт. — Не взяла. Девочка осталась у бабушки... Быть может, это оказалось и к лучшему в результате. Она хоть выросла человеком.

— Как они жили? — спросил де Брис. — Я имею в виду Верховена и Беатрис.

Фрау Гельнахт немного подумала, прежде чем ответить.

— Не знаю, — сказала она. — Потом о них, конечно, жутко много судачили. Некоторые утверждали, что с самого начала было понятно, как все обернется... или что в любом случае все было бы неладно, но я не знаю. Людям так легко бывает понять, когда они уже знают, чем все кончится. Правда ведь?

— Без сомнения, — согласился де Брис.

— Само собой, у них бывало всякое до того, как он ее убил, кажется, они довольно много пили, но в то же время он был предприимчив. Он много работал, хорошо зарабатывал на своих курах... Но, конечно, они ссорились. Это нельзя отрицать.

— Да, это мы поняли, — сказала Морено.

Воцарилась небольшая пауза, пока фрау Гельнахт подливала кофе. И тогда, слегка наклонившись вперед, де Брис задал свой главный вопрос:

— А что происходило в тот период до ареста Верховена? То есть после того, как нашли Беатрис... в те десять дней... или сколько их было? Вы можете это вспомнить?

— Ну... — начала Ирмгард Гельнахт, — мне кажется, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

— Что думали в округе? — пояснила Морено. — Кого подозревали, когда говорили об этом в деревне? До того как узнали.

Фрау Гельнахт немного посидела молча, с наполовину поднятой чашкой кофе в руке.

— Да, — сказала она, — наверное, все разговоры велись в этом направлении.

— В каком направлении? — спросил де Брис.

— Что, конечно, это был сам Верховен. Во всяком случае, никто здесь в Каустине не удивился, когда его арестовали... и когда осудили тоже.

Де Брис снова что-то записал в блокнот.

— А теперь что говорят? — спросил он. — Теперь вы уверены, что это сделал он?

— Абсолютно уверена, — ответила она. — Без сомнений. Кто же иначе это мог быть?

«Беседа, о которой, кажется, стоит серьезно подумать», — решил де Брис, когда они уже садились в машину.

Так как это не мог быть никто другой, тогда, конечно, Верховен!

Интересно, можно ли надеяться на то, что полиция и прокуратура рассуждали не так, как фрау Гельнахт? Неплохо бы

проверить, как у них обстоят дела с этим. А каковы были вещественные доказательства? Что сыграло, в конце концов, против него, если он и правда отрицал свою вину до последнего?

Де Брис не знал ответа.

— А ты что думаешь? — спросил он у Эвы Морено.

— Кажется, все ясно как белый день, — ответила она. — Даже, наверное, слишком ясно. Займемся Мольтке сейчас?

19

«Верхавен задержан! Сенсационное развитие дела о Беатрис!» — кричал заголовок статьи на передовице «Неуве блаатт» от тридцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят второго года. Ван Вейтерен выпил полчашишки воды и начал читать.

«Сам Верхавен лишил жизни свою невесту Беатрис Холден?»

Во всяком случае, руководитель следствия по известному происшествию в Каустине комиссар Морт и прокурор Хагендек полагают, что есть основания его подозревать. Причем они настолько серьезны, что вчера был выдан ордер на арест бывшего члена сборной по легкой атлетике. Во время пресс-конференции Хагендек необычайно сдержанно отвечал на вопросы об основаниях для такого решения, однако он считает, что уголовное дело будет возбуждено по истечении обязательного двенадцатидневного срока.

Ни полиция, ни прокурор не сообщили на пресс-конференции в Маардаме, появились ли новые обстоя-

тельствва или улики, проливающие свет на это загадочное дело.

Леопольд Верхавен свою вину не признал. Его адвокат Пьер Квентерран утверждает, что его клиент не имеет отношения к убийству, а его заключение под стражу является исключительно реакцией на широкое освещение следствия в прессе.

„Полиция в отчаянии, — объявил Квентерран журналистам. — Общественность и правосудие требуют результата, и, вместо того чтобы признать свою некомпетентность, руководство следствия предоставило им козла отпущения...“

Комиссар Морт расценивает высказывание Квентеррана как „полную чушь“».

«Но что-то в этом есть», — подумал Ван Вейтерен и взял следующую статью того же экземпляра «Неуве блатт», только из середины.

Там давалось краткое описание событий с самого «мрачного начала», как выразился автор.

6 апреля

«Солнечный, ветреный субботний день. Рано утром Леопольд Верхавен, как он сам утверждает, отправляется в Линзхаузен и Маардам по делам и возвращается только вечером. Беатрис Холден в это время исчезла, как сообщил потом сам Верхавен, но он подумал, что она „куда-то уехала“. Однако с этого момента никто Беатрис Холден не видел. Кто-то из соседей встретил ее до полудня, через несколько часов после того, как уехал Верхавен, на дороге домой. Она навещала в деревне свою мать и дочь. Ничто не указывает на

то, что она могла после этого самостоятельно и самовольно уехать далеко из дома».

«„Самостоятельно и самовольно“ — каков стилист!» — подумал Ван Вейтерен. Он продолжил читать.

16 апреля

«Верхавен заявляет в полицию, что его невеста исчезла неделю назад. Вопрос, почему он так долго не обращался в полицию, Верхавен оставляет без комментариев. Он, однако, не верит, что „с ней могло произойти что-то плохое“».

22 апреля

«Пожилая пара находит мертвое тело Беатрис Холден в лесу всего в полутора километрах от дома Верхавена. Тело обнажено, смерть наступила в результате удушения и, вероятно, не в месте обнаружения трупа».

22—29 апреля

«Полиция усиленно расследует обстоятельства убийства. Проводятся тщательная экспертиза вещественных доказательств, опрос около ста жителей Каустина».

30 апреля

«Леопольд Верхавен задержан по подозрению в убийстве, возможно непреднамеренном, собственной двадцатитрехлетней невесты».

На этом история кончалась. Ван Вейтерен положил статью вниз стопки и посмотрел на часы.

Полдвенадцатого. Наверное, скоро обед. Впервые после операции он почувствовал намек на голод. Неужели это признак выздоровления?

Однако пока все идет по плану.

Во всяком случае, так с энтузиазмом утверждал молодой хирург с румяными щеками, когда сегодня утром во время осмотра тыкал его в живот своими мягкими, похожими на сосиски пальцами. Послеоперационный период займет шесть — восемь дней, потом комиссар с новыми силами сможет вернуться к своей обычной жизни.

«С новыми силами? — думал Ван Вейтерен. — Откуда он знает, что они появятся?»

Он повернул голову и посмотрел на великолепие цветов. На тумбочке теснились три букета — ни больше ни меньше. Первый — от коллег, второй — от Ренаты, третий — от Джесс и Эриха. Кстати, после обеда Джесс обещала прийти с близнецами. Что еще можно желать?

В коридоре послышался грохот каталки с едой. Скорее всего, рассчитывать можно только на легкий диетический супчик, но оно и к лучшему.

Он пока не чувствовал в себе силы съесть настоящий, сочащийся кровью бифштекс.

Он зевнул и вернулся мыслями к Верховену. Попытался представить эту маленькую, всеми забытую деревню в начале шестидесятых.

Что там можно было наблюдать?

Обычное дело, старое как мир? Вероятно.

Ограниченность. Подозрительность. Зависть. Сплетни.

Да, в общем и целом, так оно и есть.

Особенность Верховена?

Кажется, он был нелюдимым, и им был нужен как раз такой. Идеальный убийца? Да, похоже, так оно и выглядело.

Что доказывало его вину? Он попытался вспомнить обстоятельства дела, но возникал целый ряд вопросов, ответов на которые не было.

Можно ли было противостоять этой полуправде, которая откуда-то взялась? Началась просто травля, он помнил... множество статей о компетентности полиции и суда в прессе. Или скорее некомпетентности. Пресса неистовствовала. Если не найден убийца, оставалось только судить себя.

Так как там обстояло дело с вещественными доказательствами? Разве обвинение основывалось только лишь на косвенных уликах? Нужно изучить судебный протокол, его обещал принести Мюнстер, это точно. Только сначала употребить немного пицци. Там точно были один или два очень зыбких пункта... Всего один раз они обсуждали это с Муртом, и совершенно ясно, почему его предшественник не желал об этом говорить.

А второй историей, делом об убийстве Марлен, Ван Вейтерен занимался немного больше, и разве тогда тоже расследование не оставляло желать лучшего? Он принимал участие в следствии, но только в одном аспекте. Он не присутствовал в зале суда. Руководил тем делом тоже Мурт.

Леопольд Верхавен? Черт возьми, абсолютно точно, эта страница судебной истории не желает, чтобы ее внимательно перечитывали.

Или все это только фантазии? Может, просто мозг требует каких-то извращенных мыслей, пока хозяин, лежа, смотрит в потолок и ждет, что кишка срастется? Чего-то в меру гадкого. Например, старого судебного скандала, прямо как в детек-

тиве Жозефины Тей¹, как он там назывался? Здесь в изоляции, вдали от внешнего мира, где от него требуется только лишь поменьше двигаться и не возбуждаться.

Ну почему именно мозгу так трудно дается вегетарианство?

Как там сказал Паскаль? Что-то вроде того, что мировое зло происходит от неспособности людей спокойно сидеть в пустой комнате.

«Дьявол, что за жизнь! — подумал он. — Вкатите наконец каталку и дайте вонзить зубы в реальный суп из шпината!»

20

— Да, о нем рассказывали всякие истории, — поведал Бернارد Мольтке, прикуривая новую сигарету.

— Вот как, — подхватил де Брис. — И что это за истории?

— Разные. Трудно сказать, какие из них появились до убийства Беатрис, а какие после. Какие из них настоящие, так сказать. В основном о нем говорили во время суда... В эти месяцы мы встречались в деревне, как никогда, часто. Потом как-то все затихло. Как будто даже закончилось... В какой-то мере так оно, в общем, и было.

— Вы можете привести в пример какую-нибудь историю? — попросила Морено. — Лучше, если настоящую.

Бернارد Мольтке задумался.

— Про кошку. Ее я точно слышал намного раньше. Говорили, что он голыми руками задушил кошку.

¹ Жозефина Тей — один из псевдонимов шотландской писательницы Элизабет Макинтош (1897—1952).

Де Брис почувствовал, что по его спине пробежал холодок, и увидел, как вздрогнула ассистент Морено.

— Почему он это сделал? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Мольтке. — Говорят, он свернул ей шею, как-то так... Ему было лет десять — двенадцать.

— Фу! — отозвалась Морено.

— Да. Может быть, он это сделал на спор. Мне лично так кажется.

— Это достаточная причина?

— Не спрашивайте, — ответил Бернард Мольтке. — Многие говорили, что он такой.

— А что вы можете сказать о Беатрис Холден?

Мольтке глубоко затянулся, погружаясь в воспоминания:

— Чертовски красивая была женщина. Немного взбалмошная, конечно, но боже мой... да-да. Кстати, волосы у нее были такого же цвета, как у вас, девушка. — Он подмигнул Морено, которая ни на мгновение не отвела взгляда, к большому удовольствию де Бриса.

— Почему она жила с Верховеном? — спросила она. — Кажется, он не был очень популярен у женщин.

— Не скажите, — запротестовал Мольтке, погладив ямочку на подбородке. — Не скажите. Никогда не знаешь, чего хотят женщины. Правильно, интендант?

— Это точно, — подтвердил де Брис.

— А что можно сказать о Марлен? — невозмутимо продолжала опрос Морено. — Я полагаю, тот же тип породистой лошади?

Мольтке усмехнулся, но сразу стал серьезен:

— Конечно, она тоже. Только постарше. Ужасно, что он их обеих убил.

— Вы видели Марлен Нитш? — спросил де Брис.

— Только один раз. Они не очень долго встречались до того, как... всё закончилось.

— Понимаю, — сказал де Брис. — Вы давали свидетельские показания на первом суде, это так?

— Да.

— Какого рода показания вы дали?

Мольтке на секунду задумался.

— Черт возьми, — сказал он. — Я работал у Верхавена как раз в те дни, когда это случилось. Делал освещение в курятнике... Он экспериментировал с суточным ритмом, поэтому ему требовалась помощь по электрике.

— Вот как, — сказал де Брис. — Вы были там в ту субботу, когда она пропала... если ему верить то есть?

— Да, в субботу я работал несколько часов. Закончил около часа. Наверное, я был последним, кто видел ее в живых... кроме убийцы, конечно.

— Убийцы? — переспросила Морено. — Вы имеете в виду Верхавена?

— Да, наверное, его.

— Вы не совсем уверены, — отметил де Брис.

Он снова помолчал.

— Ну да, с годами я стал увереннее. После убийства Марлен и вообще...

— Но в суде вы были свидетелем защиты, правильно?

— Да.

— На чем основывались ваши показания?

— Как вам сказать. — Он достал из лежавшей на столе пачки новую сигарету, но не закурил, а так и остался сидеть, держа ее в руке. — Я работал у него почти неделю после этого...

с понедельника до четверга, предполагалось, что я мог заметить странности в его поведении.

— А вы не заметили?

— Нет. Он вел себя как обычно.

— Как обычно? — удивилась Морено. — Но как-то он отреагировал на ее исчезновение?

— Нет. Он сказал, что она куда-то уехала, но куда — он не знает.

— Вам это не показалось странным?

Мольтке пожал плечами:

— В то время меня спрашивали об этом по десять раз в день. Я уже забыл, что на самом деле тогда думал, но, скорее всего, я просто об этом не задумывался. Они оба были немного странные, и он, и Беатрис... Все это знали, никого не удивил бы ее отъезд на пару дней.

Они немного помолчали. Мольтке закурил, де Брис затушил свою сигарету.

— А в ту субботу, когда вы видели ее в последний раз... Как она себя вела? — спросила Морено.

— Как обычно, и она тоже, — сказал Мольтке без тени сомнения. — Разве что ходила немного обиженная... Они поругались за неделю до этого. У нее не совсем прошел синяк под глазом, но в остальном ничего особенного. Я ее почти не видел. Она зашла в курятник, когда вернулась из деревни, мы перекинулись парой слов.

— Сколько было времени?

— Около двенадцати.

— Вы ушли около часа?

— Да, чуть позже часа.

— О чем вы говорили?

— О погоде и ветре. Ничего серьезного. Она предложила кофе, но я уже заканчивал работу, поэтому отказался.

— Ничего другого?

— Ничего.

— Когда вы ушли, она осталась?

— Конечно. Она что-то делала на кухне. Я заглянул туда пожелать хороших выходных.

Де Брис кивнул:

— На суде, если позволите к этому вернуться, вы сказали, что не считаете Верховена виновным в смерти Беатрис.

Мольтке глубоко затянулся и выпустил дым, прежде чем ответить.

— Да, — подтвердил он. — Я и на самом деле не считал.

— И сейчас не считаете? — спросил де Брис. — На самом деле?

— Не знаю. Понимаете, в этой деревне легче жить, если считать его виновным. Он правда мертв, как все говорят?

— Кто говорит?

— Жители деревни, конечно.

— Да, — кивнул де Брис. — Правда. Он мертв.

— Ну да, — вздохнул Бернارد Мольтке. — Все там будем.

— Что будем делать теперь? — спросила Морено. — Думаю, пора возвращаться в город.

Де Брис посмотрел на часы:

— Половина седьмого. Может, хотя бы посмотрим на дом? Ты его не видела.

— Хорошо, — согласилась Морено. — У меня в девять встреча, и мне хотелось бы успеть припудрить нос.

— Мне бы ты понравилась и без всякой пудры.

— Спасибо. Приятно, что у тебя не очень завышенные требования.

— Нужно учиться довольствоваться тем, что есть, — ответил де Брис.

— Мрачное место, — отметила Морено, когда они подъезжали к дому через лес. — Хотя когда-то он, наверное, выглядел лучше.

— Это точно. Здесь никто не жил лет двенадцать-тринадцать. Это накладывает отпечаток... Смотри! Мы успеем спросить еще одного человека?

— Разве что кратко.

Де Брис сбавил скорость и притормозил рядом с мужчиной, который, согнувшись, обдирал краску с забора.

— Добрый вечер, — поздоровался де Брис через опущенное стекло. — Можно вам задать несколько вопросов?

Мужчина выпрямился:

— Добрый вечер. Пожалуйста. Хорошо постоять хоть немного прямо.

Де Брис и Морено вышли из машины. Как оказалось, Клаус Шермак жил в этом доме всего около года и к тому же был слишком молод, чтобы иметь собственные воспоминания о судебных процессах над Верхавеном. Но посвятить пару минут разговору всегда можно.

— Мы переехали сюда, когда родился третий, — сказал он, жестом показав на сад и дом, где двое мальчишек пытались съехать на педальной машине по пандусу для инвалидной коляски, который вел на крыльцо. — Мы решили, что в городе душновато. А здесь все же свежий воздух...

Морено кивнула:

— Вы не работаете в деревне?

Шермак помотал головой:

— Нет. Я работаю в университете. Занимаюсь историей Средних веков и Византией.

— Мы хотели спросить про Леопольда Верхавена и его дом в лесу, — пояснил де Брис. — Вы его ближайшие соседи, не считая дома напротив вашего...

— Вилкерсоны, правильно. Да, мы поняли, что что-то случилось.

— Случилось, — подтвердил де Брис. — Но вы, наверное, не можете сообщить нам ничего интересного?

Шермак покачал головой:

— Боюсь, что не смогу. Мы были в отпуске, когда он вернулся в прошлом августе... Мы о нем только слышали. А что, собственно, произошло?

— Он погиб. При невыясненных обстоятельствах. И если вы не станете немедленно сообщать об этом в газеты, мы вам будем благодарны.

— Хорошо, не буду, — сказал Шермак. — Даю вам слово.

— Спасибо за помощь. — Де Брис остановил машину у дома Морено на Кеймер Плейн. — Жаль, что у тебя нет времени, мы могли бы немного выпить. Иногда бывает полезно спокойно посидеть и проанализировать впечатления.

— Извини. Обещаю в следующий раз планировать свой день лучше. Кстати, разве ты не женат?

— Есть немного, — признался де Брис.

— Я так и думала. Пока! — Она выскочила из машины. Хлопнула дверью и помахала ему рукой на прощание.

Де Брис немного посидел, глядя ей вслед. «Завтра суббота, — подумал он. — Выходной, черт его подери!»

21

Ван Вейтерен с усмешкой закончил читать аналитический обзор дела о Беатрис из воскресного номера «Алгемейне», выполненный С. П. Якобсом. Он с раздражением нажал на кнопку для вызова медсестры, которая показалась в дверях палаты через полторы минуты.

— Я хочу пива, — сказал Ван Вейтерен.

— Здесь не ресторан, — устало ответила женщина и убрала непослушную прядь с лица.

— Я это заметил. Но дело в том, что доктор Бугенмуттер... или как там его зовут, черт возьми... прописал мне пиво в составе диеты. Это ускоряет процесс заживления. Не возражайте, а принесите мне бутылку.

— Уже за полночь. Может, вам лучше поспать?

— Поспать? — возмутился Ван Вейтерен. — Я расследую преступление. Вы должны быть мне чертовски благодарны. Между прочим, речь идет об убийце двух женщин. А вы теперь мешаете следствию... Ну?

Она со вздохом исчезла, а через пару минут вернулась с бутылкой и стаканом.

— Вот так бы сразу. Хорошая девочка.

Она зевнула:

— Вы сможете налить сами?

— Постараюсь, — пообещал Ван Вейтерен. — Я позвоню, если вдруг промахнусь.

Во время чтения последних четырех-пяти вырезок комиссар предвкушал, как прохладная, бодрящая струя пива потечет по его горлу, но реальность превзошла все его ожидания.

Ван Вейтерен довольно рыгнул. «Божественный напиток, — подумал он. — Теперь посмотрим! Что мы имеем?»

Не так уж много, однако. И в то же время много в количественном отношении. Газеты громко трубили о первом процессе, и это мягко говоря.

До сих пор он прочел только малую толику, но выбор Мюнстера был продуманным и показательным: огромное множество инсинуаций и домыслов по поводу характера Верховена, довольно подробные записи судебных прений. И все более ясные прогнозы относительно виновности.

Верховен. Это должен быть Верховен.

Однако фактов немного. Как он и предполагал, вещественных доказательств — раз-два и обчелся. В сущности, их почти нет. В целом дело основано только на косвенных уликах, но даже их явно недостаточно. Неоспорим тот факт, что, если быть точным, недостает и того и другого.

Никаких конкретных доказательств.

И, собственно, почти никаких косвенных улик, указывающих на Верховена.

Ничего.

Но его все равно осудили.

«Естественно, в результате законного суда и следствия, — подумал Ван Вейтерен и приложился к бутылке. — Я мог бы отдать часть пива, чтобы только там побывать».

Но, черт возьми, почему его осудили?

Конечно, газеты и общественное мнение оказывали некоторое давление, но не настолько же слаба судебная система.

Нет. Здесь что-то другое, он это чувствовал.

Характер.

Леопольд Верхавен как человек и как личность. Его прошлое. Его поведение в суде. Общественному мнению удалось проникнуть в сознание присяжных и служителей Фемиды. Вот в чем тут дело.

Вот почему его осудили.

Потому что Верхавен был одиночкой. Рассмотрев его через призмы и лупы глазами всех этих журналистов, Ван Вейтерен не мог прийти к другому заключению.

Человек, выпавший далеко за пределы общества, человек, от которого проще всего было отвернуться.

Не такой, как все.

Убийца?

Сделать мысленно этот шаг очень легко, он понял это за долгие годы жизни, а если шаг уже сделан, то ступить обратно совсем не просто.

А роль?

Не здесь ли скрыта вся суть?

Это странное обстоятельство, о котором не поленился написать ни один журналист. Что Верхавену вовсе не претит роль подозреваемого. Наоборот. Кажется, что ему нравится сидеть за решеткой, находясь под пристальным взглядом журналистов. Не то чтобы он зазнался или почувствовал себя королем, но все же: что-то было в его поведении... одинокий и сильный актер в роли трагического героя. Так его воспринимали, а он и хотел казаться таким.

По крайней мере, что-то в этом роде.

Не поэтому ли его осудили?

«Если бы только я был там и мог на него посмотреть, мне бы всё стало ясно», — подумал Ван Вейтерен и допил бутылку.

Сама история внешне казалась и простой, и непостижимой одновременно.

В ту субботу Верхавен вернулся домой около пяти, по свидетельству соседей и его самого. Беатрис дома не было, и на этом всё. Но только по его словам. Никто из соседей не видел их обоих позже в те выходные. Электрик Мольтке оставил Беатрис в субботу в час дня, а Верхавена видели в деревне в воскресенье после шести вечера. Больше ничего. В остальном — никакой информации.

Масса времени. На что угодно. Единственное, что показала судмедэкспертиза, это что Беатрис убили в промежуток с субботы по воскресенье. Ее задушили и изнасиловали. Или, может быть, наоборот. Изнасиловали и задушили. Она была голой; половой акт имел место, но следов спермы не обнаружено.

«Но если, — размышлял Ван Вейтерен, — преступление совершил кто-то другой, то очень даже возможно, что это произошло как раз в эти послеполуденные часы — между часом и пятью. С момента ухода домой Мольтке и до прихода Верхавена».

Или что ее выкрали в это время.

Неопровержимо?

«Еще бы!» — решил он. С грустью глянул на пустую бутылку и перешел к чтению протокола из зала суда.

«День второй. Прокурор Хагендек допрашивает обвиняемого Леопольда Верхавена.

24 мая. 10.30 утра

Х.: Вы утверждаете, что невиновны в смерти вашей невесты Беатрис Холден. Это правда?

В.: Да.

Х.: Расскажите о ваших отношениях.

В.: Что вы хотите знать?

Х.: Например, как вы познакомились.

В.: Мы встретились в центре Линзхаузена. Мы были одноклассниками. Он поехала ко мне домой.

Х.: Уже в первую встречу? У вас сразу начались отношения?

В.: Мы знали друг друга давно. Ей был нужен мужчина.

Х.: Когда она к вам переехала?

В.: Через неделю.

Х.: То есть это было в...

В.: Ноябре шестидесятого года.

Х.: И она жила у вас с того времени?

В.: Конечно.

Х.: Все время?

В.: Она навещала иногда свою мать и дочь. Один раз ночевала в Ульминге. В остальном да, все время.

Х.: Вы обручились?

В.: Нет.

Х.: Вы собирались пожениться?

В.: Нет.

Х.: Почему?

В.: Мы были вместе не для этого.

Х.: Для чего вы были вместе?

(Ответ Верховена стерли.)

Х.: Понимаю. Вы ссорились?

В.: Иногда.

Х.: Случалось ли, что вы ругались?

В.: Случалось.

Х.: Бывало, что вы били Беатрис?

В: Да. Ей это нравилось.

Х: Ей нравилось, что вы ее бьете?

В: Да.

Х: Откуда вы знаете? Она это говорила?

В: Это было заметно. По ним это видно.

Х: По кому ним?

В: По женщинам.

Х: Она тоже вас била?

В: Пыталась, но я сильнее.

Х: Вы выпивали вместе?

В: Да, немного.

Х: Как часто?

В: По субботам мы немного выпивали, потому что я не работал в воскресенье.

Х: Не работали? Вам не нужно было следить за курами?

В: Нужно было, но я не ездил к клиентам.

Х: Понятно. Расскажите, что произошло в субботу, тридцатого марта. То есть за неделю до исчезновения Беатрис.

В: Мы немного выпили. Поссорились. Я ее побил.

Х: Почему?

В: Она меня дразнила. Думаю, она хотела, чтобы ее наказали.

Х: Как она вас дразнила?

В: Она издевалась.

Х: Вы побили ее так сильно, что она искала защиты у соседей. Времени было три часа ночи. Она была голой. Как вы это объясните?

В: Она была пьяна.

Х: Но ведь это не говорит о том, что она хотела наказания?
(Верхавен не ответил.)

Х: Вам не кажется, что вы перестарались, когда побили вашу невесту так, что она была вынуждена бежать к соседям?

В.: Ее никто не заставлял это делать. Она была пьяна и в истерике. Потом она вернулась.

Х.: Что происходило в течение следующей недели? Вы ее били еще?

В.: Нет, насколько я помню.

Х.: Насколько вы помните?

В.: Да.

Х.: Как такое можно забыть?

В.: Я не знаю.

Х.: Что вы делали в субботу, шестого апреля, когда вернулись домой?

В.: Приготовил еду. Поел.

Х.: Ничего больше?

В.: Ходил к курам.

Х.: Где была Беатрис, когда вы вернулись?

В.: Не знаю.

Х.: Что вы хотите этим сказать?

В.: Что я не знаю.

Х.: Ей не следовало быть дома?

В.: Наверное, следовало.

Х.: Вы что-нибудь планировали на этот день?

В.: Нет.

Х.: Она не собиралась куда-то поехать?

В.: Нет.

Х.: Навестить мать и дочь, например?

В.: Нет.

Х.: Вы не удивились, что ее нет дома?

В.: Не особенно.

Х.: Почему?

В.: Я обычно ничему не удивляюсь.

Х.: Расскажите, что было дальше в эти выходные.

В.: Ничего особенного.

- Х: Что вы делали?
В: Был дома. Смотрел телевизор. Спал.
Х: И вам не было интересно, где ваша невеста?
В: Нет.
Х: Почему?
В: Они приходят и уходят.
Х: Кто?
В: Женщины. Они приходят и уходят.
Х: Расскажите, чем вы занимались в воскресенье.
В: Я был дома. Ничего особенного не делал. Занимался курами.
Х: Что вы думали о местонахождении Беатрис?
В: Не знаю.
Х: А может быть, вы знали, где она?
В: Нет.
Х: Может, вы знали, что она убита и лежит в лесу в километре от дома?
В: Нет.
Х: Вы этим не интересовались не потому ли, что убили ее?
В: Я ее не убивал.
Х: Но вы не скучали по ней?
В: Нет.
Х: Вы не искали ее у матери, например?
В: Нет.
Х: У вас есть телефон, господин Верховен?
В: Нет.
Х: То есть вы совсем не беспокоились о Беатрис?
В: Нет.
Х: А на следующей неделе? Вы по-прежнему не скучали по ней?
В: Нет.
Х: Вы не спрашивали себя, куда она могла деться?

В.: Нет.

Х.: Вам нравилось ее отсутствие?

(Верхавен не ответил.)

Х.: Я повторяю вопрос: вам нравилось ее отсутствие?

В.: Может, поначалу.

Х.: У вашей невесты была в то время работа?

В.: Именно тогда — нет.

Х.: А где она вообще работала?

В.: У Кауница. Продавала растения в Линзхаузене. Но только иногда.

Х.: Когда вы заявили в полицию о пропаже Беатрис Холден?

В.: Во вторник, шестнадцатого апреля.

Х.: Где?

В.: В Маардаме, конечно.

Х.: Почему вы это сделали именно в тот день? Если вы не волновались?

В.: Просто пришло в голову. Когда я проезжал мимо здания полиции.

Х.: Значит, вы по-прежнему не думали, что с ней что-то случилось?

В.: Нет, почему бы мне об этом думать?

Х.: Вам не кажется, что это было бы естественно?

В.: Нет. Она обычно справлялась.

Х.: Но не в этот раз.

В.: Но не в этот раз.

Х.: Как вы узнали, что ее нашли мертвой?

В.: Полицейские приехали и рассказали мне.

Х.: Как вы на это отреагировали?

В.: Я расстроился.

Х.: Расстроились? Обер-констебль Вейс утверждает, что вы вообще никак не отреагировали. Что вы поблагодарили его и попросили уйти.

В: А я должен был расплакаться у него на плече? Я обычно не перекладываю свои проблемы на других.

Х: Вам не кажется, что вы вели себя странно после исчезновения Беатрис?

В: Нет, не кажется.

Х: Вы понимаете, что другие могут так считать?

В: Мне не важно, что думают другие. Пусть думают что хотят.

Х: Вот как. И вы абсолютно уверены в том, что не убивали вашу невесту?

В: Да. Это не я.

Х: Вы бывали в той части леса, где нашли убитую?

В: Обычно нет.

Х: Вы там были когда-нибудь?

В: Возможно.

Х: Но не в те выходные, когда она пропала?

В: Нет.

Х: Что вы думаете о ее смерти, господин Верховен?

В: Ничего.

Х: Но что-то ведь вы должны думать?

В: Это мужчина. Какой-нибудь психопат, которому не найти женщину.

Х: Вы себя таковым не считаете?

В: У меня нет трудностей с женщинами.

Х: Спасибо. Господин судья, на данный момент у меня больше нет вопросов к подсудимому».

Ван Вейтерен убрал кипу бумаг в тумбочку.

Времени почти час. «Надо поспать», — промелькнула в голове мысль.

«Верховен?» — промелькнула следом другая.

Черт возьми, почему он не присутствовал на суде! Если бы только он посвятил пару часов истории с Марлен, тем более что он немного участвовал в следственной работе... Может быть, достаточно было бы один раз посмотреть ему в глаза.

Всего несколько минут у камеры предварительного заключения — и он бы знал.

Знал бы, стоит ли это гложущее подозрение хоть чего-то. Имеет ли оно право на существование, или Верховен просто тот примитивный насильник и убийца, за которого его выдают.

То есть виновен или невиновен?

Невозможно определить. Как тогда, так и сейчас.

Но, так или иначе, факт остается фактом: кто-то ждал его из тюрьмы.

Кто-то его убил и расчленил тело. Кто-то хотел, чтобы его не смогли опознать. Похоже, что убийца преследовал эту цель.

И наконец, у кого-то должен быть мотив.

Какой?

И этот вопрос без ответа. И даже без всякого намека на ответ.

Он выключил лампу. Закрыв глаза и неожиданно для себя подумал о Джесс и близнецах. Думал он о них по-французски.

Удивительно, на что способен мой мозг в такой поздний час...

Хотя их послеобеденный визит не остался незамеченным.

Одно разбитое оконное стекло, один порезанный палец, сломанный штатив для капельницы и еще кое-какой мелкий

ущерб. Улыбки персонала становились все более натянутыми по мере того, как шло время и близнецы вели себя всё шумнее, а инциденты следовали один за другим.

«Дьявол, как она это выдерживает? — подумал он, позволив себе в темноте слабо улыбнуться. — Видимо, ей перепало кое-что от силы духа ее отца.

Sans doute, oui¹».

22

— Реквием Госсекса? — переспросил темноволосый юноша и поднял очки на лоб. — Вы сказали «реквием Госсекса»?

— Да, — подтвердил Мюнстер. — Разве такого нет?

— Есть, конечно. — Он кивнул, старательно листая папку. — Его просто нет у нас. Есть одна запись в исполнении Хора французского радио пятьдесят девятого года, кажется... но не на компакт-диске. Наверное, вам лучше спросить в магазине Лауденера.

— Лауденера?

— Да, в центре на Карлплац. Если у них нет, то можно поискать у антикваров. Пластинку выпустила студия «Вертик».

— Большое спасибо. — Мюнстер вышел из магазина.

На улице он взглянул на часы и понял, что вряд ли успеет зайти в магазин на Карлплац. Встреча с судьей Хейдельблумом была назначена на шесть, и что-то ему подсказывало, что старый законник не простит опоздания.

«Хотелось бы, чтобы комиссар удовольствовался Бахом или Моцартом, — подумал он, садясь в машину. — Какого

¹ Без сомнений, да (*фр.*).

черта ему в больнице слушать эти древние похоронные марши?»

Мюнстер остановился на Гайдерстраатт в районе Воосхейм, но довольно далеко от дома Хейдельблума. «И уж точно судья не одобрит, если я приду раньше», — подумал он и решил, что может позволить себе совершить прогулку по фешенебельному кварталу, где раньше ему никогда не приходилось бывать.

Просто для этого не было повода. Если в Воосхейме и существовала преступность, то на более высоком, можно сказать изысканном, уровне, и простому интенданту криминальной полиции там совершенно нечего было делать.

Построенные в конце прошлого или в начале этого века дома тянулись вдоль западного края городского лесопарка; многие из довольно щедро нарезанных участков граничили прямо с лесом, и их владельцы, даже не выезжая из города, могли наслаждаться природой. В целом, домов было не больше шестидесяти — семидесяти, теперь, конечно, на одном таком участке уместились бы три-четыре современных здания. Мюнстеру было известно, кого эти цветущие изгороди и увенчанные медной ковкой стены скрывают от посторонних глаз. Здесь жили сливки общества. Вышедшие на пенсию главные врачи и профессора, старые генералы, бывшие министры и бизнесмены прежнего поколения. Может быть, какой-нибудь дворянский род, уставший от собственного поместья и жизни в деревне. Ясно было и то, что средний возраст здешних жителей приближался скорее к ста, чем к пятидесяти годам. И в этом отношении судья Хейдельблум не был исключением.

«Вымирающая раса, — думал Мюнстер, проходя по благоухающей жасмином улице, когда вдруг услышал за одной из

изгородей детский смех и плеск воды. — Скорее правнуки, чем внуки», — решил он.

Ну да, часть домов, наверное, перешла кому-то по наследству.

Он подошел к резиденции Хейдельблума и позвонил в колокол у ворот. Через некоторое время послышалось шуршание гравия, и показалась служанка в черной юбке и блузке, фартуке и белом чепчике.

— Да?

— Интендант криминальной полиции Мюнстер. У меня назначена встреча с господином судебным советником.

— Пожалуйста, следуйте за мной. — Она открыла калитку.

Служанка была полновата и с красивыми рыжими волосами. На взгляд Мюнстера, ей можно было дать не больше девятнадцати-двадцати лет.

Как забавно устроена жизнь!

Судья Хейдельблум принял его в библиотеке. Сквозь открытые стеклянные двери в сад были видны газон и фруктовые деревья, и контраст между улицей и домом казался резким до пародии. За окном — зеленеющая распускающаяся жизнь, ароматы трав и пение птиц; внутри дома — темный дуб, кожа, камчатная ткань и старые книги. А также довольно резкий запах темно-зеленых сигар; одна из них и сейчас дымилась в гранатового цвета порфировой пепельнице, которая стояла перед Хейдельблумом на столе.

Мюнстеру показалось, что и внешне, и запахом они немного напоминают те тонкие сигары, которые курил комиссар.

Ему предложили сесть в кожаное кресло в классическом английском стиле, очевидно придвинутое к столу специально

для этого случая, и когда Мюнстер в него опустился, то обнаружил, что лысый птичий череп старого судьбы возвышается на полметра над его головой.

Разумеется, неслучайно.

— Спасибо за то, что согласились принять меня и позволили задать вам несколько вопросов, — начал он.

Хейдельблум кивнул. На самом деле он очень неохотно согласился на эту встречу, и то только тогда, когда вмешались с уговорами Хиллер и Ван Вейтерен.

«У него не все в порядке с головой, — предупредил комиссар. — По крайней мере, время от времени точно, поэтому спрашивай осторожно».

— Ситуация такова, — продолжил Мюнстер, — что для нас очень ценно ваше мнение. Вряд ли найдется кто-то, кто лучше вас владеет информацией по делу Леопольда Верхавена.

— Совершенно верно, — согласился Хейдельблум, протягивая руку за сигарой.

— Вы слышали, что его нашли мертвым?

— Да, начальник полиции мне сообщил.

— Честно говоря, мы оказались в тупике, подыскивая мотив, — продолжил Мюнстер. — Одна из теорий, которой мы придерживаемся, заключается в возможной связи этого убийства с делами об убийствах Беатрис и Марлен.

— Каким образом? — спросил Хейдельблум неожиданно резким голосом.

— Мы не знаем.

Повисла пауза. Хейдельблум затянулся и положил сигару обратно в пепельницу. Мюнстер выпил немного содовой из

стоящего рядом стакана. Комиссар посоветовал ему не раздражать старого судью и дать достаточно времени на обдумывание и воспоминания. Бесплезно устраивать перекрестный допрос восьмидесятидвухлетнему старику.

— Это было последнее дело в моей практике, — объяснил Хейдельблум и откашлялся. — То есть дело о Марлен. Хм... Самое последнее...

В его голосе появилась стыдливая нотка... или это Мюнстеру только показалось?

— Я понимаю.

— Хм... — повторил Хейдельблум.

— Нам очень интересно услышать ваше мнение о нем.

Хейдельблум поднял руку к воротнику рубашки и указательным и средним пальцами слегка ослабил узел темно-синего платка.

— Я стар, — сообщил он. — Мне осталось жить всего одно лето, в лучшем случае два... — Он замолчал, как будто нащупывая нить.

Мюнстер поднял глаза и посмотрел на темные ряды переплетов за его спиной. Интересно, сколько из этих книг он прочел? И сколько из этого он помнит?

— Меня это уже не волнует.

— Что вас не волнует?

— Леопольд Верхавен. Вы слишком молоды, чтобы понять. Это было мучительно... Обе эти проклятые истории. Мне хотелось избежать хотя бы второго дела, но в то же время нехорошо было бы свалить его на какого-нибудь другого беднягу. Еще я надеялся, что оно расставит точки над «i»... Избавит меня от сомнений, которые оставались после первого трибунала.

— Трибунала?

— Называйте это как хотите. В любом случае, это треклятая история, и не цитируйте меня.

— Я не журналист.

— Да, конечно. — Хейдельблум взял сигару.

— Вы хотите сказать, что считаете Верховена невиновным?

Хейдельблум покачал головой:

— Нет, черт возьми. Я ни разу не осудил человека, не считая его виновным. Ни разу в жизни! Но он был... загадкой. Да, загадкой. И это вам тоже не понять, для этого нужно было находиться там и видеть его. Парень был загадочен с головы до ног. Я проработал с молотком в руке больше тридцати лет и многое повидал, но никогда не видел никого похожего на Леопольда Верховена. Никого.

— Пожалуйста, расскажите об этом.

— Хм, ну да... вам это не понять. Удивительно, что он прошел психиатрическую экспертизу. Если бы у него нашли психические отклонения, это бы что-то объяснило, но об этом не было и речи.

— А что именно было в нем необычного? — спросил Мюнстер.

Хейдельблум задумался.

— Многое. Например, его не волновал исход дела. Я долго размышлял над этим — и уверен, что Леопольду Верховену было совершенно безразлично, оправдают его или нет. Абсолютно безразлично.

— Довольно странно, — согласился Мюнстер.

— Конечно странно, черт возьми. Я о том и говорю.

— У меня сложилось впечатление, что ему нравилось быть обвиняемым, — сказал Мюнстер.

— Без сомнения. Он явно наслаждался тем, что сидел, как паук, в центре сети правосудия... Неоспоримо в главной роли. Естественно, он это не демонстрировал, но я-то видел. Ему хотелось быть в центре внимания, и он это получил...

— Неужели ему это нравилось настолько, что он был готов даже сесть за решетку на двенадцать лет... вдобавок еще и два раза?

Хейдельблум вздохнул:

— Хм... в том-то и вопрос.

Мюнстер немного помолчал; из сада доносился звук льющейся из распылителя воды.

— Когда он услышал приговор, черт меня побери, мне показалось, что по его губам скользнула улыбка. Оба раза. Что вы на это скажете?

— Как обстояло дело с доказательствами вины? — осторожно спросил Мюнстер.

— Слабо, — ответил Хейдельблум. — Но, на мой взгляд, их было достаточно. Я приговаривал людей и при меньшем количестве улик.

— На двенадцать лет?

Хейдельблум не ответил.

— Во второй раз та же история? — спросил Мюнстер.

Хейдельблум пожал плечами:

— В той или иной степени. Оба раза только косвенные улики. Сильные прокуроры, Хагендек и Кислинг. Защитники выполняли свои обязанности, но не более того. В истории с Марлен доказательств нашли побольше. Много свидетелей, совпадения, информация о встречах, времени, о том о сем... реконструкция событий. Фактически просто мозаика. В первый раз опереться было практически не на что.

— И все же его осудили. Разве это не странно? — спросил Мюнстер и в то же время подумал, что это очень смело с его стороны.

Но Хейдельблум, казалось, не заметил его осторожной провокации. Согнувшись, он сидел за столом и смотрел в сад, погруженный в свои мысли. Так прошло полминуты.

— Двое хотели его освободить, — сообщил он вдруг.

— Простите?

— Фрау Панева и фабрикант хотели его отпустить... двое из пяти присяжных, но мы их уговорили.

— Вот как? На каком из процессов?

Но Хейдельблум на вопрос не ответил.

— Нужно отвечать за свои действия, — сказал он и нервно почесал висок и щеку. — Именно это некоторые никак не хотят понять.

— И никто не воздержался?

— Я никогда этого не допускал при вынесении приговора, — ответил Хейдельблум. — Решение суда должно быть единогласным. Особенно по делу об убийстве.

Мюнстер кивнул. «Очень понятная точка зрения», — подумал он. Интересно бы это выглядело, если бы Верховена осудили на двенадцать лет тюремного заключения с соотношением голосов два к трем. Вряд ли бы это подняло авторитет судебной системы в целом.

— А были другие подозреваемые?

— Нет, — ответил Хейдельблум. — Это бы в корне изменило ситуацию.

— Каким образом?

Он, казалось, не услышал вопроса.

«Или он просто-напросто игнорирует то, что не хочет слышать», — подумал Мюнстер и решил попробовать надавить на старого судью еще немного. Видимо, надо ковать железо, пока оно не остыло окончательно. На долгий разговор в любом случае не стоило рассчитывать.

— Значит, на данный момент можно предположить возможность того, что Верхавен на самом деле был невиновен?

Снова воцарилась тишина. Потом Хейдельблум глубоко вздохнул, и Мюнстеру показалось, что свой ответ он сформулировал заранее... и даже задолго до этой встречи, намного раньше, чем могла зайти речь о посещении полиции. Резюме... последнее, хорошо взвешенное высказывание относительно дела Леопольда Верхавена.

— Я думаю, что он убийца. Когда нет отпечатков пальцев, нужно определиться. В этом задача ведомства. Я по-прежнему думаю, что Верхавен виновен. В обоих убийствах. Однако я скажу неправду, если буду утверждать, что я в этом уверен. Прошло так много времени, и я настолько близок к могиле, что не боюсь теперь это сказать. Я не знаю... я не знаю, действительно ли Леопольд Верхавен убил Беатрис Холден и Марлен Нитш. Но я думаю, что это сделал он. — Хейдельблум сделал небольшую паузу, взял из порфировой пепельницы остаток сигары и снова посмотрел через открытые двери в сад. — И я надеюсь, что это он, потому что если это не так, то выходит, что Верхавен ни за что ни про что просидел в тюрьме почти четверть века, а настоящий убийца гуляет на свободе.

В его голосе слышалась сильная усталость, но Мюнстеру все же удалось задать последний вопрос:

— Вы исходите из того, что мы имеем дело с одним и тем же убийцей в обоих случаях?

— Да, — ответил Хейдельблум. — В этом я достаточно твердо уверен.

— В таком случае, — резюмировал Мюнстер, — я бы сказал, что человек, с которым мы имеем дело, убийца не дважды, а трижды.

Но судья Хейдельблум уже потерял интерес к разговору, и Мюнстер понял, что пора оставить его в покое.

Когда дети наконец улеглись спать и они с женой сели пить на кухне вечерний чай, Мюнстер достал две фотографии Верхавена: одна — сделанная на каких-то спортивных соревнованиях до допингового скандала, а вторая — снятая пару лет спустя, в конце апреля шестьдесят второго года, когда двое полицейских вели его в камеру предварительного заключения.

На обеих фотографиях свет сбоку падал на лицо Верхавена, а он спокойно, слегка прищурившись, смотрел прямо в камеру. На губах намек на улыбку. Какая-то насмешливая серьезность.

— Что бы ты сказала об этом человеке? — спросил он жену. — Ты умеешь читать по лицам?

Синн положила фотографии на стол и присмотрелась:

— Кто это? Он мне почему-то кажется знакомым. Это актер, так ведь?

— Как тебе сказать... не знаю. Хотя да, вообще-то ты права. Наверное, его действительно можно назвать актером.

Часть V

24 августа 1993-го

23

Разжечь огонь в печи удалось не сразу — дрова не занимались, пока он не прочистил дымоход. Печь слегка подымила, но потом появилась хорошая тяга. Он открыл кран, но вода не пошла; пришлось сходить к лесному роднику. Он поставил на плиту объемистый чайник, рядом небольшой кофейник. Включил холодильник. Электричество дали, как он и распорядился. И об этом он позаботился.

Когда вода нагрелась, он налил полный таз, вынес его на крыльцо и помылся. Солнце еще не закатилось за край леса. Оно мягко пригревало, пока он стоял там в одних трусах; августовские шмели жужжали над метровым кустом резеды у забора, пахло спелыми яблоками, которые уже начали падать на землю, появилось чувство, что все только начинается.

Жизнь. Мир.

Только надо совершить задуманное, и тогда он сможет спокойно жить в своем доме на холме. У него появлялись некоторые сомнения, но этот теплый, спокойный вечер их развеял. Это неслучайно.

Это знак. Или один из них.

Он вылил остатки воды на голову. Неважно, что трусы намокли, он их быстро снял и голый вернулся в дом.

Там он полностью переоделся. Одежда в комодке была почти не ношенной, разве что немного странно пахла, но, черт возьми, она лежала здесь двенадцать лет.

Столько же, сколько сидел он сам. То же ожидание заперти.

Около семи он приготовил ужин. Яичница с колбасой, хлеб, лук и пиво. Поел, как он любил, сидя на ступеньке крыльца, с тарелкой на коленях и бутылкой на перилах. Вымыл за собой посуду, подобрал в огонь дров и попытался настроить телевизор. Появлялись помехи, и удалось поймать лишь один иностранный канал без звука. Он выключил телевизор и достал радио. Здесь получилось лучше. Он сидел в плетеном кресле у очага с пивом и сигаретой в руках и слушал восьмичасовые новости. В голове не укладывалось, сколько пролетело лет с тех пор, как он сидел тут в последний раз; казалось, это было несколько недель, максимум месяцев назад, но он знал, что именно так и проходит жизнь. Никакого размеренного течения, ничего вечного. Борьба и броски... возвращения и препятствия. Но все же время оставило на нем свой след, что проявлялось в усталости и вынужденной скованности движений.

И в душевном гневе. В этом упрямо не гаснущем огне. Он понимал, что нужно как можно скорее совершить задуман-

ное. Лучше всего в ближайшие дни. Он узнал все, что нужно. Нет никаких причин откладывать.

Он сидел так, пока в очаге не осталась лишь горстка тлеющих углей. Уже стемнело, пора было ложиться спать, но до этого нужно было еще заглянуть в курятник... просто посмотреть, что от него осталось. Он не собирался начинать это дело снова, абсолютно точно, но вряд ли бы он смог уснуть, не взглянув хоть одним глазком.

Он взял газовый фонарь и вышел на крыльцо. Слегка задрожал от вечернего холода, постепенно опустившегося на двор, с минуту колебался, не надеть ли свитер, но решил не возвращаться и пошел так. До курятника не больше тридцати метров, а потом он снова окажется в тепле.

Не успел он пройти и половины пути, как понял, что в темноте не один.

Часть VI

11–15 мая 1994-го

24

— А это еще зачем? — спросил де Брис, указывая на магнитофон.

— Это комиссар, — вздохнул Мюнстер.

— В каком смысле?

— Как руководитель следствия, он не хочет пропустить ни слова из этого совещания... это его слова. Я пытался его урезать, но вы же его знаете...

— Как он? — спросила Морено.

— Поправляется, без сомнения. Но ему придется провести в больнице еще хотя бы дня три-четыре. Как говорят врачи. Сестры уже давно бы его вышвырнули из отделения, была бы на то их воля.

— Ай-ай, — сказал Роот и почесал в бороде. — Придется отдать язык, чтоб сохранить зуб?

— Наверное, — согласился Мюнстер и включил магнитофон. — Сопецаание в среду, одиннадцатого мая. Присутствуют: Мюнстер, Роот, де Брис, Юнг и Морено...

Тут в дверь постучали, и показалась голова Рейнхарта.

— У вас есть еще одно место?

— ...и Рейнхарт, — сказал Мюнстер в микрофон.

— А ты что тут делаешь? — спросил Роот. — У тебя что, закончились расисты?

Рейнхарт помотал головой:

— Нет. Просто немного интересуюсь Леопольдом Верхавеном. Почитал о нем кое-что. Если вы, конечно, не возражаете.

— Нет, — ответил де Брис. — Садись рядом с комиссаром.

— С комиссаром?

— Да, вон он стоит поскрипывает.

— Понятно, — сказал Рейнхарт и сел. — В наших рядах отсутствующий.

— Начнем с опознания, — начал Мюнстер. — Полагаю, об этом расскажет Роот.

Роот откашлялся:

— Да. Мы прояснили историю с одним яичком. Когда Верхавену было около десяти лет, он попал в аварию... на велосипеде въехал в каменную стену, и между ног ему попал руль.

— Ой! — отозвался де Брис.

— Одно яичко оказалось ушиблено, и со временем его пришлось ампутировать. Меуссе констатировал у трупа отсутствие одной семенной железы. На основании этих и других данных мы можем с большой вероятностью утверждать, что это он. То есть Верхавен.

— Оpozнание по косвенным признакам? — спросил Рейнхарт.

— Да, можно и так сказать, — ответил Роот. — Если уж это озвучивать. Естественно, его сестра не смогла понять, он ли это, да и никто бы не смог. Но все сходится. Все имеющиеся факты указывают на него: освобождение, свидетельства односельчан, следы в доме, то, что никто его с тех пор не видел, — но все же есть некоторая вероятность, что это кто-то другой. Тогда вопрос — кто, да и куда тогда делся Верхавен?

Несколько секунд все молчали.

— Если Верхавен не жертва, — предположил Юнг, — то тогда он, возможно, убийца.

Мюнстер вздохнул:

— Наверное, так. Но насколько велика вероятность найти еще одного бедолагу без яичка, чтобы его убить? И зачем? Нет, я действительно думаю, что эту версию не стоит рассматривать. Будем считать, что труп все же Леопольда Верхавена. Кто-то убил его двадцать четвертого августа прошлого года... в день его возвращения из тюрьмы. Или вскоре после этого.

— Есть ли в доме следы борьбы? — спросил Рейнхарт.

— Нет, — ответил Роот. — Никаких. Мы не знаем и способа убийства. Его могли убить там, а потом увезти. Одежда, в которой он приехал, на месте... Конечно, он мог переодеться, но похоже, что он успел лечь спать.

— Убийца мог прийти ночью с чем-то вроде трубы, — дополнил Мюнстер. — Вполне возможный вариант.

— Хотя соседи с другой стороны леса ничего не видели, — констатировал Роот. — Но даже фрау Вилкерсон может иногда потерять бдительность. Если они с мужем не сменя-

ют друг друга на посту у кухонного окна. А это тоже возможный вариант.

— Мотив, — продолжил Мюнстер, когда все налили себе кофе. — Конечно же это самое сложное из всего. Мы даже не знаем, какие вопросы задавать экспертам лаборатории... Может быть, было бы легче, найди мы еще какие-то части тела, но при существующем положении вещей приходится домысливать. А что думаете вы, Роот?

Роот быстро проглотил половину «царского» пирожного:

— Думаю, можно считать, что кто-то ждал его возвращения. К тому же этот кто-то сильно торопился и имел веские причины покончить с ним как можно скорее.

— Хм... — отозвался Рейнхарт. — Какие такие причины?

— Я не знаю, — ответил Роот. — Позвольте мне еще немного порассуждать. Есть два факта, говорящие в пользу того, что дело обстоит именно так, как я сказал. Во-первых, Верховена убили сразу же после освобождения... Скорее всего, в день его возвращения домой. Во-вторых, прошлой зимой кто-то звонил в тюрьму «Ульменталь» и спрашивал, когда его освободят. В июле звонили снова, чтобы уточнить... Чурбаны из тюремного руководства обнаружили эти сведения вчера. Когда я туда ездил, они об этом и словом не обмолвились.

— Тот же человек? — спросил Рейнхарт.

— В этом они не уверены, да это с них и не потребуешь. В любом случае, оба раза звонил мужчина. Назвался журналистом.

Опять на несколько секунд воцарилась тишина.

— И чем же этому человеку помешал Верховен? — спросила Морено.

— Хм... — задумался Роот. — Без понятия. Можно предположить, что это как-то связано с убийствами Беатрис и Марлен... Но это вовсе не обязательно.

— Чушь, — заявил Рейнхарт.

— Почему чушь? — Роот оскорбленно почесал в бороде.

— Ясно как белый день, что это связано. Вопрос только как.

Мюнстер посмотрел на собравшихся за овальным столом. «Несомненно, если бы Рейнхарт всерьез вмешался, то значительно усилил бы группу», — подумал он.

Де Брис закурил.

— Мы не можем слегка ускориться? — поинтересовался он. — Таким образом, как я вижу, у нас два варианта. Полагаю, в этом мы согласны.

— О'кей, — сказал Роот. — Извини за занудство. Убийца Верхавена сделал это... или потому что его ненавидел... и хотел наказать еще больше. Кому-то показалось, что двадцать четыре года в тюрьме недостаточно. Окончательный приговор, так сказать... Или же кому-то было что скрывать.

— Что? — спросил Рейнхарт.

— Что-то, о чем знал Верхавен, — продолжал Роот, — и что он мог использовать против убийцы, выйдя на свободу. Или, по крайней мере, убийца предполагал, что он это использует...

— Что? — повторил Рейнхарт.

— Этого мы не знаем. В любом случае, для убийцы было жизненно важно, чтобы это не стало известно.

— Если вернуться к тому, что это убийство связано с двумя предыдущими, то остается только один вариант, — сказал Мюнстер.

— Вы хотите сказать?... — начал Рейнхарт.

— Да, — ответил Роот, — именно. Если мы правы, то велика вероятность того, что Верховен невиновен в убийствах, за которые был осужден... и что он каким-то образом узнал, кто настоящий убийца. Вот так. Хотя, конечно, это очень тонкая нить.

В комнате снова стало тихо. Слышались только монотонный шорох магнитофона и потрескивание в трубке Рейнхарта.

— Как? — продолжил Мюнстер через полминуты. — Как он мог это узнать?

Он ясно чувствовал, что и у него самого, и у всех остальных данная идея вызывает сильное неприятие. И спасибо за это дьяволу. Хотя ни один из них лично не участвовал в расследовании, двадцать четыре года Верховен отсидел благодаря работе их предшественников. Это естественно.

Коллективная вина? Унаследованное чувство вины? Не это ли чувство можно было уловить в дымном воздухе комнаты? По крайней мере, Мюнстер чувствовал в воцарившемся молчании сопротивление.

— Да, — спохватился Роот. — У нас есть та женщина.

— Женщина? — спросил Рейнхарт.

— К нему приезжала женщина. Пожилая женщина, которая передвигалась при помощи палочки... Это произошло примерно за год до освобождения. Они запомнили ее, потому что она была его единственной посетительницей за весь срок.

— За двенадцать лет, — уточнил де Брис.

— Кто она? — спросила Морено.

— Мы не знаем, — ответил Роот. — Нам не удалось ее найти. Она позвонила за несколько недель до приезда и договорилась о визите... в мае девяносто второго. Она назвалась Анной Шмидт, но, вероятнее всего, имя вымышленное. Мы поговорили с десятком Анн Шмидт, но, честно говоря, бесполезно.

Мюнстер кивнул:

— Ну да. Похоже, Верховен относится к тому типу людей, которые могут сколь угодно долго молчать о том, что знают. Неудивительно, что он ничего не рассказал ни тюремщикам, ни полиции. Кажется, он за все это время не поговорил ни с одним человеком.

— Так и есть, — согласился Роот. — Удивительный дьявол, но это мы уже поняли.

— Друзья и родственники? — продолжил Мюнстер. — Я имею в виду жертв.

Ассистент Юнг открыл свой блокнот:

— Боюсь, что и здесь ничего особенно ценного. Мы со Стаффом нашли большинство из них. У Беатрис Холден в живых только дочь, если не считать владельца магазина, но он приходится ей троюродным братом или кем-то в этом роде, и они никогда не были близки. Дочери тридцать пять лет, у нее четверо собственных детей, которые, кажется, и не подозревают, кто их бабушка... да и необязательно их в это посвящать, как мне показалось.

— А по второй что? — спросил Мюнстер. — По Марлен Нитш?

— Есть брат и бывший любовник. Оба не сильно симпатизируют Верховену. И оба сами очень скользкие типы. Карло Нитш пару раз сидел... Скупка краденого и кражи со взломом. Мартин Кунтце, бывший любовник, алкоголик и вдобавок инвалид.

Рейнхарт помрачнел:

— Я его знаю. Пытался использовать его как наживку в паре дел наркоторговцев несколько лет назад, и должен сказать, безуспешно.

— Они живут здесь в городе, — продолжал Юнг, — и мне не кажется, что они связаны с убийством. У Марлен Нитш были связи с мужчинами, но жила она только с Кунтце и еще с одним. Его зовут Педдеки. Обитает в Линзхаузене и, кажется, не сильно горюет. Да и когда ее убили, тоже не печалился. — Он перевернул страницу блокнота. — То же можно сказать и обо всех остальных, с кем мы говорили. Марлен Нитш явно была женщиной своеобразной.

— Еще есть родственники? — спросил Рейнхарт.

— Есть, — ответил Юнг. — В том числе одна сестра в Одессе. Мюнстер вздохнул.

— Никто не хочет искупаться в Черном море? — спросил он и добавил: — Может быть, сделаем перерыв, чтобы размяться? Кстати, мне надо поменять кассету.

— Разве что маленький, если можно, — попросил Рейнхарт. — Мне нужно сбегать к Хиллеру за несколькими санкциями до того, как он уйдет.

— Пять минут, — объявил Мюнстер.

25

— Ну, а что можно сказать о деревне? — спросил Мюнстер.

— Гадюшник, — ответил де Брис. — Ассистент Морено и я провели там два полных дня, и мы оба убеждены, что это редкостная дыра.

— Я родилась в похожем местечке, — продолжила Морено. — Боссенвиоле в окрестностях Рейнау. Должна сказать, что мне там многое показалось знакомым. Все друг друга знают. Каждый в курсе того, чем занимаются соседи. Никакой свободы в личной жизни. Нужно быть как все, не выделяться, не

оступаться... Это трудно описать, но думаю, все понимают, о чем речь.

— Конечно, — согласился Мюнстер. — Я тоже родился в деревне. В детстве так жить еще можно, а для взрослого человека может стать невыносимо. Как в гетто. Но в Каустине вы не заметили ничего особенного... что как-то отличало бы его от подобных местечек?

Морено заколебалась:

— Ну да. — Она осторожно прикусила нижнюю губу. — Я не знаю. Тень Верховена, конечно, там витает, и это неудивительно. Говорят, что после второго убийства делегация жителей ходатайствовала о переименовании деревни.

— Переименовании? — удивился Роот.

— Да. Они хотели отказаться от названия «Каустин». Видимо, считали, что все его связывают с Верховеном и судебными процессами... чувствовали, что живут в деревне убийц. В магазине есть список подписавшихся под петицией.

— Их можно понять, — сказал Мюнстер. — Но если все же немного конкретизировать... Что мы имеем?

— Ну, — начал де Брис, — мы опросили примерно двадцать человек. Большинство из них старики. Они прожили всю жизнь в этой деревне и хорошо помнят обе истории. Вообще оттуда немногие уезжают, да и приезжают тоже, в целом, можно сказать, там живет человек шестьсот. Хотя расположена деревня, без сомнения, очень живописно... озеро, лес, красивый вид и все такое.

— Многие говорили о Верховене неохотно, — продолжила Морено. — Казалось, что им хочется обо всем забыть, как будто для них в этой истории есть что-то постыдное... как-то так.

— А что-то большее есть? — перебил Рейнхарт.

— Что ты хочешь сказать?

Рейнхарт поковырял спичкой в трубке.

— У вас не появилось ощущение, что они... что-то скрывают? Хотя это ничего не объясняет, просто вопрос об атмосфере, ничего больше. Во всяком случае, женщина бы почувствовала.

— Спасибо, — сказал де Брис.

«Прекратили бы вы ругаться», — подумал Мюнстер. Ему совершенно не хотелось стирать часть записи на кассете.

— Возможно, — сказала Морено после короткой паузы. — Но тогда это очень смутное ощущение. Как будто у каждого по скелету в шкафу, образно говоря, конечно, и все как бы боятся друг друга. Это тоже часть синдрома, так? Нет, я не уверена.

Мюнстер вздохнул:

— Должно быть, вы на них слегка надавили?

— Естественно, — ответил де Брис. — Мясник очень скользкий тип, например. У него в деревне не меньше двух любовниц. По крайней мере, так было в прошлом. Кажется, он пару раз встречался с Беатрис Холден до того, как она западала на Верхавена, но это не точно. Она была красива. И не так чтобы недоступна.

— У них были бурные отношения с Верхавеном, если я правильно понял? — спросил Рейнхарт.

— Да, можно и так сказать, — ответила Морено. — В их отношениях было что-то от дружбы кошки с собакой. Время от времени они ссорились. Как раз за неделю до убийства она среди ночи постучала в дверь к соседям и попросила защиты. Явно после хорошей взбучки... Она пришла голой, просто завернувшись в одеяло.

— Они ее пустили?

— Конечно. Уложили спать на диван. Она была пьяна и утверждала, что утром заявит на Верховена в полицию. За побои и все остальное.

— А утром она, как ни в чем не бывало, завернулась в одеяло и вернулась к нему, — закончил де Брис.

— Тьфу, черт, — сказал Рейнхарт. — Вот она, болезненная бледность лишних раздумий.

— Непостоянство имя тебе, женщина. — Морено слегка улыбнулась.

— Хм... — задумался Мюнстер. — Есть еще что-нибудь ценное?

— Множество рассказов о его детстве и школьных годах. Школьный сторож до сих пор жив. Ему почти девяносто, но он в удивительно здравом уме и не против поговорить. Верховен всегда был белой вороной, по всем свидетельствам. Одинокий. Необщительный. Но сильный духом. Товарищи его уважали... Это многие подтверждают.

Мюнстер кивнул.

— Есть такие, кто считал его невиновным, — сказал де Брис. — Но встать посреди магазина и сказать, что Верховен невиновен, это примерно то же самое что приехать в Тегеран и во всеулышание заявить, что аятолла наделал в штаны.

— У аятоллы нет штанов, — поведал Юнг, — у них такие черные балахоны, как они там называются...

— Да-да, — подтвердил Мюнстер.

— Невиновность Верховена означает, что придется искать кого-то другого.

— Что? — не понял Роот.

— Искать в деревне другого убийцу. Чертовски очевидно, что жители это осознают. Или подозревают. Чем меньше деревня, тем быстрее эти подозрения появляются.

— Точно, — согласилась Морено.

— Ну что ж, — сказал Мюнстер, выключая магнитофон, когда остальные вышли из комнаты. — Что ты думаешь?

— Ничего, — вздохнул Роот. — Или, скорее, все что угодно. Я бы много отдал за пару хороших советов по этому делу. На чем нам, черт возьми, сосредоточиться?

— Не знаю. Я чувствую, что Хиллер хочет забрать у нас людей. Останемся с тобой вдвоем... Ну и конечно, руководитель следствия. — Он кивнул в сторону магнитофона.

— Если мы не найдем что-то свежее, — заметил Роот.

— Скорее, если газеты не поднимут бучу. Они в любом случае напишут обо всем завтра. Может, это и хорошо. Нам нужна помощь.

— А ты-то что думаешь на самом деле? — поинтересовался Роот перед тем, как они разошлись к своим машинам на парковке. — Ты и правда полагаешь, что где-то в этой дыре разгуливает трижды убийца? Мне это напоминает ужасно плохое кино.

— И оно не станет лучше, если жители к тому же знают, кто убийца, — сказал Мюнстер. — Да, я бы такое сразу выключил.

Роот задумался.

— Может, мы и сами сейчас сидим в кино. Иногда бывает очень трудно выбраться, если сидишь в середине ряда.

— Это точно, — согласился Мюнстер.

Они немного постояли молча.

— Может, выпьем пива? — предложил Роот.

Мюнстер посмотрел на часы:

— Не успею. Мне нужно к нашему больному. После восьми к нему не пускают.

— Жалко, — сказал Роот и пожал плечами. — Передавай ему привет. Иногда мне кажется, что он бы здесь пригодился.

— Согласен, — признался Мюнстер.

«Почему я наврал? — думал Мюнстер по дороге в пригород. — Почему я не мог просто сказать, что тороплюсь домой к Синн и детям? Зачем я приплел комиссара?»

Они договорились, что Ван Вейтерен получит свои кассеты завтра после завтрака. И если теперь он не хотел обидеть Рота отказом, то почему встреча со старым прооперированным копом показалась ему более уважительной причиной, чем желание быть с женой и детьми?

Хороший вопрос.

Он решил подумать о чем-нибудь другом.

26

Ван Вейтерен свернул «Алгемейне» и бросил на пол. Поставил кассету, надел наушники и откинулся на подушки.

Концерт для виолончели Эльгара. Солнце и теплый ветер в лицо. Не так уж и плохо.

Вряд ли кому-то из пациентов удавалось вот так нежиться на балконе, это он понял.

Но с другой стороны, это далеко не единственное правило, которое он нарушил за те пять дней, что пролежал здесь. Во-

обще устав больницы во многом оставлял желать лучшего, хотя понемногу персонал уже начинал понимать что к чему. Каждый раз по одному пункту.

— Но не более получаса, — предупредила сестра Теровиан и почему-то показала ему четыре пальца руки.

— Посмотрим, — ответил он.

В этом случае можно полежать три четверти часа. Видно, они поняли, что лучше держать его за пределами помещения.

Он вернулся к только что прочитанному. На самом деле не так уж и много. Конечно же на передовице жирный заголовок, потом две колонки текста, но до странного мало предположений. Фактически вообще ни одного.

Четвертый раз, значит. Именно так. Верхавен начал карьеру бегуна в двадцать лет, и четыре раза статьи о нем занимали передовицу газет.

В конце пятидесятых о нем писали как о короле средних дистанций. Сначала короле, а потом мошеннике.

Как об убийце в начале шестидесятых.

Снова как об убийце через двадцать лет.

И теперь в начале девяностых как о жертве. Можно предположить, что в последний раз.

«Логическое развитие и предсказуемый конец?» — размышлял Ван Вейтерен, слегка увеличив громкость, чтобы заглушить шум автобусов на Палитцерлаан.

Закономерный конец пропадающей жизни?

Трудно сказать.

Что за судьба была уготовлена Леопольду Верхавену? Были ли вообще какие-то варианты в этом странном и непонятном переплетении линий?

Интересно, можно ли снять о его жизни фильм и с его помощью ответить на эти вопросы? О среде и влиянии среды вообще? Непростая проблема, но хорошая постановка вопроса. Так что это — один из вариантов приспособления?

Или просто череда несчастливых стечений обстоятельств? Мрачная история о своеобразном человеке, ужасная смерть которого так же бессмысленна, как и вся его жизнь?

Не та жизнь, о которой снимают фильмы.

Комиссар закусил зубочистку и продолжил размышления.

Разве не каждая жизнь достойна того, чтобы ее запечатлели в том или ином виде искусства, если на то пошло? Может, есть специальный жанр для каждого человека? Например, его собственная жизнь.

В чем ее можно отобразить? В небольшой симфонии? Бетонной скульптуре? На половине листа бумаги?

«Кто знает?» — подумал он.

Вот он лежит здесь и до бесконечности перебирает все эти бесплодные вопросы. Претенциозные и непонятные, они роятся в его голове, чтобы тщеславно и по-идиотски мешать партии виолончели.

«Лучше бы покурить и выпить пива, — подумал он. — Дьявол, это намного лучше».

Вместо сестры Теровиан на пороге показался Мюнстер. Комиссар выключил плеер и снял наушники.

— Все хорошо? — спросил Мюнстер.

— Что ты имеешь в виду? Черт возьми, конечно нет. Лежу тут в одиночестве и ни на что другое не годен. Вы куда-нибудь продвинулись?

— Не совсем. Кажется, здесь на солнышке не так уж плохо.

— Тепло и липко. Надо бы пива. Ну?

— Что значит «ну»?

— Ты принес кассеты, например?

— Принес... обе. Трудновато оказалось найти Госсека, конечно, но он был у Лаудерна. — Мюнстер достал из пакета две кассеты и протянул комиссару. — Красная с совещания...

— Ты думаешь, я не смогу отличить реквием от болтающих копов?

— Надеюсь, сможете.

— Я прочитал «Алгемейне», — невозмутимо продолжил Ван Вейтерен. — Что пишут в других газетенках?

— Примерно то же самое.

— Никаких домыслов о мотиве?

— Нет, по крайней мере в тех, что я просмотрел.

— Странно.

— Почему?

— Наверное, еще напишут. Мне все стало ясно. Вчера я изучил дело о Марлен. Готов поспорить, что он невиновен в обоих. Что поставишь, интендант?

— Ничего, — ответил Мюнстер. — Мы тоже стали склоняться к этой мысли. Не знаем только, что предпринять дальше.

— Черт возьми, конечно, не знаете, — буркнул комиссар. — Я вам еще не дал указаний. Завези-ка меня в палату, мы там со всем разберемся. Печально, что они тут выкидывают пациентов на балкон и оставляют лежать там до бесконечности. Настоящая душегубка...

Мюнстер открыл двери и начал вталкивать железную кровать в помещение.

— С чего начнем? — спросил он, когда комиссар оказался в палате.

— Откуда ж я знаю? Дай мне послушать кассету и приходи через пару часиков, тогда я тебе точно скажу.

— Хорошо.

— За это время узнай, можно ли найти этого человека. — Ван Вейтерен протянул Мюнстеру сложенный вчетверо лист бумаги.

— Леонора Кончис, — прочел Мюнстер. — Кто это?

— Женщина, с которой встречался Верхавен в семидесятых годах.

— Она жива? — автоматически задал вопрос Мюнстер.

— Можешь начать с того, чтобы это выяснить, — ответил комиссар.

Часть VII

24 апреля 1962-го

27

И снова она просыпается.

Темнота и тяжесть от его присутствия давят на грудную клетку. Она скованно приподнимается на локте и пытается разглядеть фосфоресцирующие стрелки часов.

Полчетвертого. Или чуть меньше, насколько ей видно. Воздух в комнате душный и спертый, несмотря на приоткрытое окно. Она садится. Некоторое время нащупывает ногами на шершавом полу тапочки.

Встает и осторожно выходит из комнаты. Снимает с крючка поношенный махровый халат. Закрывает дверь и прикладывает ухо к прохладному дереву. Даже отсюда слышно его тяжелое, иногда прерывистое дыхание.

Она замерзла, поэтому надевает халат. Начинает медленно спускаться по лестнице.

Вниз. Это самое сложное. Боль в тазобедренных суставах отдает и вверх и вниз. Пронизывает позвоночник до самой шеи, а внизу достигает подъема стоп и пальцев ног. Удивительно, насколько эта боль упорна.

И усиливается с каждым шагом.

С каждым днем. Все мучительнее. Все труднее не косолапить и не горбиться.

Все больнее ходить.

Она садится за кухонный стол. Подпирает голову руками и чувствует, как боль понемногу отступает. Как эти волны отливают полностью еще до того, как она начинает думать о другом.

О том самом.

Три раза ей сегодня снился этот кошмар. Три раза.

Все та же ужасная мысль. Та же навязчивая картина.

Как он пришел и рухнул всей тяжестью своего тела рядом с ней, а она притворилась спящей. К ней он не прикоснулся. Даже не положил руки на бедро или плечо. Вот что она с ним сделала. Теперь он ее вообще не трогает, и она знает, что это победа, которой она достигла в сложившейся ситуации. И достигла собственными силами.

Оставлена в покое. Ее тело оставлено в покое. Ныне и навсегда.

Никогда больше она этому не подвергнется.

Между ними, как темная пленка, висит молчаливое соглашение, но только теперь она поняла, какова его цена. Каков груз, оказавшийся на другой чаше весов.

За все надо платить, но у нее не было другого выхода. Она не виновата в том, что ей пришлось принять это решение и так себя вести, — слишком хорошо она знает, что будет, ес-

ли снова отдаться этому мужчине, который все же ее муж и отец ее ребенка. Есть и предписание врача, это не только она... это может стоить ей и здоровья, и рассудка, и, возможно, той небольшой оставшейся способности передвигаться. По крайней мере, если это принесет плод. Ей нельзя снова рожать. Еще раз испытать этот ужас.

Там за лонной костью находятся ворота жизни, которые с момента той ужасной ночи родов нужно держать закрытыми и защищенными, как святое место.

Святое место?

Да, ее мысли и правда идут в этом направлении, поймет ли кто почему?

Поймет ли Бог, или ее мать, или другая женщина?

Нет, никто не поймет. Она одинока в своем решении. Больная женщина с мужем и ребенком. И наконец-то он понял и принял существующее положение вещей. Никогда больше она не подпустит его к себе, и теперь наконец его руки и все его тело перестали тщетно молить и искать ее в темноте. Наконец он понял, что надо покориться.

Но цена?

Она и раньше понимала, что придет час расплаты за этот покой. А теперь? Почему цена так высока?

Эта мысль ужасает. Это даже не мысль, лишь фрагмент сна... картина, запавшая в сознание так ярко и с такой необъяснимой ясностью, что она сама ничего не поняла.

Вернее, поняла, но не осознала.

Увидела, но не приняла.

Она поднимается, зажигает свет над раковиной и наливает воды в кастрюльку.

Пока вода закипает, пока она стоит и смотрит, как со дна поднимаются пузырьки и лопаются на поверхности, она думает об Андреа.

Андреа спит в комнате за стеной детским безмятежным сном. Два года — если точно, то два года и два месяца, а сегодня ночью ей хочется быть точной — она спит под одеялом, которое бабушка связала крючком, и посасывает два пальца. Ей не нужно смотреть, чтобы видеть. Образ дочери витает везде и возникает перед глазами в любой момент без особых усилий с ее стороны.

Андреа. Единственный ребенок, которого им суждено иметь. То, что она выжила, просто чудо, и перед этим меркнет все остальное.

«Все?» — спрашивает она себя, зная ответ заранее.

«Да, все», — отвечает она, снимая с плиты кастрюлю.

Она отпивает чай и приоткрывает занавеску. В темном окне отражаются ее лицо и часть интерьера кухни. Она закрывает окно.

«Я не смею думать, — формулирует она мысленно свою позицию. — Не могу вспоминать. Должна отстраниться от этого. Когда в голове возникают эти картины, я должна научиться мысленно закрывать глаза».

Должна.

Ее уже нашли. Так сказала в магазине фрау Малинска с плохо скрываемым истеричным торжеством в голосе.

Они нашли ее около Гольдмарского болота.

Мертвой.

Задушенной.

Голой.

И вдруг в пустой кухне ее пронизывает такая дрожь, что она опрокидывает чашку на стол. Горячий чай течет по клет-

чатой клеенке. Стекает тонкой струйкой ей на правое бедро, но проходит несколько секунд, прежде чем она заставляет себя остановить этот поток.

Это было в ту самую субботу. Восемнадцать дней назад или что-то в этом роде. Как раз с того момента она пропала, эта потаскуха, именно тогда, должно быть, все произошло.

В ту субботу во второй половине дня. Эта картина тоже ясно стоит перед глазами. «Пойду нарублю немного хвороста», — сказал он ей, но в голосе и взгляде чувствовалось что-то узнаваемое, что-то, что она очень хорошо в нем понимала, если хотела.

Но почему она обязана это делать? Все дело в Андреа — как тогда, так и сейчас. Почему она должна понимать то, что не хочет?

Он вернулся поздно, и она сразу поняла: что-то случилось. Неизвестно что, но что-то случилось.

Она видела это по его большим беспокойным рукам, которые не находили себе места. По венам, пульсировавшим на висках. По его взгляду, который взывал о помощи и облегчении боли.

По страху, который пронизывал его тело.

Она видела, но еще не понимала что.

А теперь она знает. Она вытирает рукой бедро и чувствует, как снова возникает боль. Знает, что ей нельзя знать.

Никто не должен это знать. И она сама меньше всех. Образ Андреа влетает на кухню и целительным бальзамом ложится на жгучую рану жуткой догадки.

Ангел утешения.

Дитя забвения.

Ничего не произошло. Нет никаких предчувствий.

Только она.

Она снова встает. Подходит к шкафу и достает две таблетки из банки коричневого стекла. Запивает водой прямо из ладони.

От боли.

От бессонницы.

От снов, предчувствий и догадок.

«Почему?» — спрашивает она себя, снова поднимаясь по лестнице.

Я так молода. Я только начала жить, но уже связана по рукам и ногам.

Этим мужчиной.

Этой дочерью.

Этим больным телом.

Этим решением вечно молчать?

Часть VIII

16–22 мая 1994-го

28

С небольшого расстояния Мюнстер дал бы Леоноре Кончис лет тридцать — тридцать пять.

Когда он подошел ближе, то понял, что для большей достоверности нужно прибавить хотя бы лет двадцать.

Возможно, иллюзию создавало и то обстоятельство, что она позволила побеседовать с ней в этой плохо освещенной конторе, где в каждом углу стояло по такому длинному дивану, что им приходилось повышать голос, чтобы друг друга услышать.

«Ее молодость существует в сумерках», — подумал Мюнстер.

Искать ее пришлось довольно долго. Отчасти оттого, что она больше десяти раз переезжала с тех пор, как встречалась с Верховеном в конце семидесятых, отчасти оттого, что она переменяла фамилию.

Но это всего лишь раз. Теперь ее звали ди Гоаччи, и вместе со своим пожилым супругом-корсиканцем она держала магазин яркой дамской одежды в центре Грунстада.

— Леопольд Верхавен? — переспросила она, положив одну затянутую в черный нейлон ногу на другую. — Почему вы меня допрашиваете?

— Это не допрос. Я просто хочу задать несколько вопросов.

Она закурила и поправила кроваво-красную кожаную юбку:

— Тогда давайте. Что вы хотите узнать?

«Не имею никакого понятия, — подумал Мюнстер. — Просто комиссар заставил разыскать вас».

— Расскажите о ваших отношениях, — попросил он.

Леонора Кончис выпустила дым через нос и приняла скужающий вид. Она явно не испытывала особой симпатии к полицейским в целом, и Мюнстер понял, что в этом ее вряд ли удастся переубедить.

— Я и сам считаю не очень приятным копаться в чужих вещах, — объяснил он. — Мы могли бы сделать это по-быстрому, и тогда я сразу оставлю вас в покое.

Сказанного оказалось достаточно. Она кивнула и облизала губы наигранным, хорошо отработанным движением языка.

— Хорошо. Вы хотите узнать, можно ли его причислить к квалифицированным женоубийцам? Меня об этом спрашивали и раньше.

Мюнстер кивнул:

— Я понимаю.

— Не знаю, что вам сказать. Мы встречались всего несколько месяцев. Я познакомилась с ним случайно, как раз когда распался мой второй брак. Я была очень подавлена и нужда-

лась в мужчине, который бы обо мне заботился... вдохнул в меня жизнь, так сказать.

— Ему это удалось?

Она пожала плечами:

— Вы женаты, интендант?

— Да.

— Мне не нужно выбирать выражения?

— Нисколько.

— Тогда попробуем. — Она сделала гримасу, которая, возможно, представляла собой улыбку. — Леопольд был очень грубым любовником. Поначалу мне это нравилось, наверное, это было как раз то, что мне требовалось на тот момент. Но бурный секс хорош только первые несколько раз, а потом хочется чего-то более спокойного, чувственного, вдумчивого... ну, вы понимаете. Ясно, что еще это бывает полезно, чтобы освежить долгие отношения, но каждый раз... ну уж нет, спасибо.

— Это точно. — Мюнстер слотнул. — То есть он был все время таким?

— Да, — ответила Леонора. — Это стало раздражать. Я ушла от него через пару месяцев. Да и место, где он жил, настоящая дыра... прямо посреди леса, да и вообще. Хотя, наверное, тогда я нуждалась именно в этом... лес, природа и все такое.

«Только я с трудом представляю тебя в курятнике», — подумал Мюнстер и почувствовал, что у него подергивается уголок губы.

— Но у него не было явной склонности к насилию?

— Нет, — решительно ответила она. — Он был замкнутым и очень невоспитанным типом, но я никогда не испытывала рядом с ним беспокойства или страха.

— Вы знали, что он сидел за убийство?

Она кивнула:

— Он рассказал об этом после нашей первой ночи. Объяснил, что на самом деле был невиновен.

— Вы ему поверили?

Она засомневалась, но только на секунду.

— Да. Я не думаю, что Леопольд Верхавен мог убить женщину таким способом. Он был своеобразным, это без сомнения, но он не был убийцей. Я говорила то же самое на втором суде, но, естественно, никто меня там не слушал. Его осудили уже заранее.

Мюнстер кивнул.

— Вы не общались после того, как расстались?

— Нет. Кто его убил? Вы ведь это хотите узнать или как?

— Да, — ответил Мюнстер. — Именно это. У вас есть предположения на этот счет?

Женщина покачала головой:

— Никаких. — Она затушила сигарету. — Интендант, надеюсь, на этом все? У меня есть неотложное дело.

— Думаю, что да. — Мюнстер протянул свою визитную карточку: — Позвоните, если вспомните что-то важное.

— Что, например?

«Откуда я знаю?» — подумал Мюнстер, поднимаясь с дивана.

Когда он вышел на площадь, на улице шел дождь. Мелкий и теплый весенний дождь, почти как очищающая купель. Полная противоположность Леоноре ди Гоаччи. Он постоял, подставив лицо теплым мягким каплям, прежде чем открыть дверцу и сесть в машину.

Снова два часа езды.

Не особенно ценный вечер, надо признать. Хотя в каждом деле поначалу так и бывает. В той или иной степени. Вопросы, вопросы и еще раз вопросы. Бесконечная череда разговоров и допросов, и каждый из них на первый взгляд совершенно бесполезный и ничего не говорящий, пока наконец не всплывет то самое, важное. Чаще всего, когда этого меньше всего ожидаешь. Какая-нибудь связь или случайный ответ... тот самый неожиданный, лишь слабо мерцающий в темноте знак, который нельзя пропустить. Мимо которого можно пройти, запутавшись в зарослях незначительных деталей и других утомительных вещей.

Он зевнул и выехал с площади.

«Ну а этот разговор может что-нибудь дать?» — подумал он.

То есть что-то большее, чем еще одно маленькое подтверждение гипотезы о невинности Верховена? А это мы уже, кажется, для себя решили. Или нет?

Он попробовал вместо этого подумать о будущем.

Всего на два дня вперед, если быть точным. Именно тогда Ван Вейтерен выйдет из больницы, если все сложится согласно прогнозам. И если они с Роотом поначалу втайне и мечтали сами раскрыть это дело, то теперь надо было выкинуть эти надежды за борт. Во всяком случае, хотя бы частично.

«И все же приятно представить, как комиссар наконец-то возьмется за это дело всерьез», — подумал Мюнстер. Значит, уже с пятницы. Трудно сказать, что это будет значить на практике, но поведение комиссара что-то выдавало. В последнее посещение Мюнстер сделал кое-какие наблюдения и выводы.

Конечно, все это были мелочи, но заметные. И вдруг его осенило: это, видимо, то же мерцание в темноте... например, эта дурацкая необъяснимая загадочность. Раздражительность и обидчивость. Бурчание и ворчание.

Очевидно, это обычные сигналы.

Слабые, как уже говорилось, но присутствующий рядом некоторое время мог их ясно почувствовать.

Рейнхарт в таких случаях обычно говорил, что комиссар в стадии «проклевывания», причем совершенно независимо от Верховена, его кур и всего остального, с ним связанного.

«Интересно, а нельзя на него воздействовать лампами, чтобы ускорить процесс?» — улыбнулся Мюнстер своей умной мысли.

Вот бы, правда, ускорить его мыслительный процесс таким способом. Ведь именно так поступал Верховен?

Или Ван Вейтерену просто не по себе лежать там взаперти? Да, персоналу больницы надо воздать должное в любом случае — потому что они его выдержали. За то, что его просто-напросто не вышвырнули или не бросили в комнату для грязного белья. Надо не забыть принести им хотя бы цветов в пятницу во время выписки. Будет нелишним слегка смягчить их мнение о комиссаре...

Потом он оставил мысли о работе. Начал думать о Синн и предстоящем вечере. Разве это не намного важнее?

Они пойдут в театр, потом вкусно поужинают в «Ла Каналле». Бабушка с дедушкой побудут с детьми. Потом они заедут за ними в маленькую квартирку родителей Синн в центре города. Да, иногда все-таки в жизни попадается ложка меда.

Доводы обвинения, составленные прокурором Кислингом по делу об убийстве Марлен Нитш, занимали восемнадцать листов, исписанных мелким почерком. Ван Вейтерен все внимательно прочитал, глубоко вздохнул и снова вернулся к реконструкции событий — попытке объяснить судьбе Хейдельбуму, присяжным и другим заинтересованным лицам, что же все-таки произошло в то роковое утро в сентябре восемьдесят первого года.

«...и поэтому позвольте мне теперь перейти к описанию событий, которые произошли в ту пятницу почти три месяца назад, а именно 11 сентября.

Около 7.30 утра Леопольд Верхавен выезжает из своего дома в Каустине в принадлежащем ему зеленом мини-фургоне марки „Тротта“ модели 1960 года, чтобы доставить яйца своим клиентам, а это примерно десять магазинов в Линзхаузене и Маардаме. Последним из адресов в то утро, как обычно, стал торговый центр на Крегер Плейн в Маардаме.

Как мы знаем, личность Верхавена хорошо знакома всем работающим в этом торговом центре и другим людям, имевшим к нему какое-либо отношение. Согласно его собственным показаниям и показаниям ряда других людей, он выходит из магазина чуть позже 9.30, закончив там свои дела. Свой автомобиль он припарковал позади здания на улице Крегерлаан, откуда ранее выгрузил несколько коробок с яйцами. Однако в тот день он не возвращается напрямиком к автомобилю, а выходит через центральный вход на площадь. Он направляется к газетному киоску возле магазина „Годман“, покупает газету и идет обратно в сторону Звилле. Возле фонтана он встречает знакомого Арона Катца и перебрасывается с ним парой слов. После этого он снова идет по

направлению к площади и как раз на углу Крегер Плейн и Звилле встречает Марлен Нитш. К тому моменту они примерно полтора месяца состояли в сексуальной связи: встречались и ночевали друг у друга — как в доме Верховена в Каустине, так и в квартире госпожи Нитш в центре Маардама.

Они останавливаются и разговаривают несколько минут, как показал сам Верховен и подтвердили несколько свидетелей, в том числе Арон Катц. Они медленно идут по Звилле и сворачивают на Крегерлаан, где стоит автомобиль Верховена. Свидетель Елена Клименска видела, как они разговаривали у машины примерно с 9.50 до 9.55. Сам обвиняемый отрицает как этот факт, так и то, что потом Марлен Нитш села в его автомобиль. Однако не менее трех разных, не связанных друг с другом свидетелей сообщили, что видели довольно узнаваемый автомобиль Верховена на пути из Маардама. Двое из них дали присягу, что рядом с водителем на пассажирском месте сидела женщина, описание которой точно совпадает с описанием убитой Марлен Нитш. Третий свидетель, фрау Боссен из Карнаха, из религиозных соображений отказалась дать клятву, но тем не менее сообщила, что на девяносто пять процентов уверена в том, что Верховен был в машине не один, хотя сам он утверждает обратное.

У нас нет свидетелей того, что в дальнейшем произошло в ту трагическую пятницу, однако не представляет затруднений восстановить возможный ход событий. Естественно, мы не можем знать, о чем говорили Леопольд Верховен и Марлен Нитш в Маардаме и в автомобиле, но мы с большой вероятностью можем предположить, что разговор касался вещей сексуального характера. Возможно, обвиняемый пытался склонить госпожу Нитш к действиям, которых она не желала. Но, как говорилось ранее, это только предположение, не связанное с самим вопросом виновности.

Обычно Верхавен едет из Маардама через Боссинген и Лер, без сомнения, это наиболее рациональный путь, если следовать в Каустин, но в этот раз, вместо того чтобы ехать к дому напрямую, Верхавен направляется к югу на Вюрмс, вероятно свернув вправо на перекрестке у деревни Коррим. Примерно в середине пути между Корримом и Вюрмсом он сворачивает на узкую пустынную дорожку, которая уходит в лес и заканчивается примерно через двести метров. Тот самый лес, дамы и господа, в котором в 1962 году нашли тело Беатрис Холден, в смерти которой Леопольд Верхавен был признан виновным, за что отбыл двенадцать лет тюремного заключения.

Верхавен останавливает автомобиль возле вырубки; проезжавший по большой дороге велосипедист видел машину вскоре после 11.00. Он принуждает Марлен Нитш к половой связи и совершает убийство в виде удушения во время или сразу после полового акта. Он прячет тело под хворостом и ветками, где его четыре дня спустя и обнаружил хозяин этого участка леса господин Ниммерлет.

После преступления Верхавен немедленно отправляется домой. Его машину видел сосед вскоре после 11.00. Обвиняемый не смог предоставить приемлемого объяснения, почему именно в то утро дорога из Маардама в Каустин по времени заняла у него на полчаса больше в сравнении с другими днями. Что касается госпожи Нитш, то после того, как фрау Клименска видела ее за разговором с Верхавеном у торгового центра в Маардаме, другие свидетели ее видели живой в фургоне Верхавена. Поэтому можно считать несомненным тот факт, что она действительно выехала из Маардама в автомобиле своего убийцы. Обвиняемый утверждает, что расстался с ней на улице Звилле, но это доказывает только то, что в глубине своей преступной души (это место комиссар Ван Вейтерен пометил на полях и подчеркнул двумя

чертами) он понимает, что это его единственный шанс на оправдание. Как мы слышали, в ту пятницу Марлен Нитш собиралась встретиться с подружкой Ренатой Кобленц в кафе „Роте Моор“ на Крегер Плейн в 10.15. Однако на эту встречу она не пришла.

Причина в том, что, в то время как подруга тщетно ждала ее за столиком кафе, Марлен Нитш находилась в автомобиле своего убийцы на пути из Маардама. И этим убийцей, господин судья и господа присяжные заседатели, ни при каких обстоятельствах не мог быть никто другой, кроме обвиняемого Леопольда Верхавена.

Если мы теперь оставим эти не подлежащие сомнению факты в стороне и обратимся к некоторым психологическим аспектам...»

«Чертовски точно собранная мозаика, — подумал Ван Вейтерен и отложил бумаги в сторону. — Ну прямо до противоположного точно. Что могло бы доказать невиновность Верхавена?»

Он сжал зубочистку передними зубами и сцепил руки на затылке.

Во-первых, Марлен Нитш должна была встретить настоящего убийцу в эти несколько минут около десяти часов утра. Конечно, нужно исходить из того, что она не садилась в машину к Верхавену, но в то же время оставалась небольшая вероятность, что все же она это сделала, и тем не менее он был невиновен... Он, как утверждал прокурор Кислинг, прекрасно понимал, что признаться в этом — это потерять свой единственный шанс, то есть, говоря простым языком, его песенка уж точно будет спета, если он признает, что она действительно поехала с ним.

Хотя его песенка была бы спета в любом случае.

Во-вторых, убийца должен был каким-то способом заставить Марлен Нитш отказаться от назначенной с подругой встречи в кафе.

«Могли ли это быть пачка купюр и приглашение совместно провести досуг? — предположил Ван Вейтерен. — По крайней мере, это не исключено. Марлен Нитш никогда не отличалась особой добродетелью».

В-третьих, как минимум трое свидетелей должны ошибаться. Или лгать. Женщина, которая видела их вдвоем у машины. Мужчина и женщина, что видели ее на переднем сиденье автомобиля. Плюс та, которая отказалась дать присягу.

Трое-четверо свидетелей, показания которых совпадали. Разве этого не достаточно? Разве это не решающий фактор?

«Нет», — подумал Ван Вейтерен со злобой и откусил кончик зубочистки. Утром он перелопатил пятьдесят страниц протоколов допроса свидетелей, чтобы еще раз убедиться, что они представляют собой очень печальную картину. Особенно, конечно, это касалось мужчины-свидетеля, некоего господина Неккера, — его показания производили впечатление практически пародии. И оставляли неприятный осадок у тех, кому, возможно, раньше и нравилась действующая система судопроизводства. Судя по всему, Неккер появился через четыре недели после заключения Верхавена под стражу, вызвался свидетельствовать по собственной инициативе и заявил, что вдруг вспомнил некоторые детали относительно светловолосой женщины в хорошо всем знакомом фургоне. В результате он в зале суда путал даты, место действия и людей, пока прокурор Кислинг сам не расставил всё по местам и не вложил ему в уста, и только таким образом удалось получить более или менее связную историю.

А этот адвокат Денбурке? — он был из тех, кого можно пожелать разве что врагу, да это ни для кого и не было секретом.

И вдобавок — здесь комиссар уж точно видел явное злоупотребление властью — были еще три свидетеля, которые утверждали, что видели автомобиль Верхавена на пути домой, но не заметили на переднем сиденье никакой женщины. Что случилось с показаниями этих свидетелей при принятии окончательного решения, осталось загадкой.

«Печально!» — пробормотал Ван Вейтерен и выплюнул остаток зубочистки на одеяло. Неужели Морт участвовал в этой комедии? И Хейдельблум?

То, что другие участники, полуграмотные служители Фемиды, могли смотреть сквозь пальцы на бесконечное количество фактов, это он давно знал из собственного опыта, но то, что комиссар и судья могли допустить подобное, это оказалось неприятным сюрпризом. Вдобавок очень трудноперевариваемым. Разве такое возможно, чтобы дело рассматривалось в зале суда, минуя стол комиссара?

Хотя в последние годы Морт был сам на себя не похож. Именно не в себе. Поэтому, видно, нужно отнестись к нему с пониманием.

А Хейдельблуму было уже почти семьдесят.

«Хоть бы меня успели отправить на пенсию до того, как я настолько потеряю нюх, — подумал Ван Вейтерен. — Хотя я, наверное, умру намного раньше. Очевидно, это та милость, о которой стоит помолиться».

А что же было дальше с этим делом? А дальше этот проклятый Верхавен сидел за решеткой с таким видом, будто он виновней всех виновных.

Конечно, не считая того, что он все отрицал.

«Непостижимо, — решил комиссар Ван Вейтерен. — А больше всего на свете я ненавижу то, чего не понимаю!»

Он спустил ноги с кровати и сел. После секундного головокружения он уже мог стоять на ногах. Приятно снова двигаться без посторонней помощи. С этим утверждением невозможно не согласиться.

И все же слабость и головокружение его немного пугали. Этого тоже нельзя отрицать.

«Зато завтра я точно поеду домой, — подумал комиссар, открывая дверь туалета. — А потом черт меня подери, если я не раскрою это дерьмо!»

Но сидя на прохладном сиденье, он понял, что вряд ли это будет очень легко.

Здесь, в больнице, он, конечно, собрал всю возможную информацию: подшивки старых газет, протоколы судебных заседаний, магнитофонные записи совещаний и детальные отчеты Мюнстера.

Интересно, а выглядит ли все это точно так же, как здесь, там, в реальной жизни?

Еще один хороший вопрос.

30

— Давайте лучше пройдем в кафе, — прошептал Давид Куперман, выпроваживая Юнга за дверь.

Теперь, когда они сидели в дальнем углу этой пропахшей фритюром забегаловки, Юнгу показалось, что Куперман немного успокоился. Скоро у него не осталось сомнений в причине этого волнения.

— Я не хочу впутывать в это жену, — объяснил Куперман. — Она очень чувствительна и не в курсе тех событий.

Юнг кивнул и протянул ему через стол пачку сигарет.

— Спасибо, нет. Я бросил. Это тоже заслуга жены, — добавил он с извиняющейся улыбкой.

Юнг закурил.

— Вы можете не волноваться, — заверил он. — Мы просто опрашиваем в рабочем порядке всех, кто может что-то сообщить. Вы, наверное, читали в газетах, что Леопольда Верховена убили?

— Да. — Куперман кивнул и уставился в чашку.

— Значит, вы некоторое время встречались с Беатрис Холден в Ульминге. Когда это было? В конце пятидесятых?

Куперман вздохнул. Весь его вид говорил о том, что если этот лоценький, уважаемый мужчина и жалел о чем-то в своей жизни, то это как раз о той несчастливой связи в далекой молодости.

— В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом. Мы познакомились в декабре пятьдесят седьмого и через пару месяцев стали вместе жить. Она как раз забеременела... да, и потом мы жили вместе до февраля следующего года. Ребенок был не от меня.

— Вот как? — Юнг попытался, насколько мог, изобразить удивление.

— У нас... у нее родилась дочь, Кристина, в августе пятьдесят восьмого, но настоящим отцом оказался другой мужчина.

— Когда вы об этом узнали?

— Когда девочке исполнилось пять месяцев. Отец ребенка зашел в гости, а когда ушел, Беатрис мне все рассказала.

— Вот черт! — вырвалось у Юнга. — Простите. Я понимаю, что для вас это было не особенно приятно.

— Не особенно, — согласился Куперман. — Даже совсем неприятно. Я ушел от нее в тот же вечер.

— В тот же вечер?

— Да. Сложил в сумку кое-какие вещи, сел в поезд и уехал. — Он замолчал.

Юнг тоже некоторое время молчал. «Куда? — подумал он. — Хотя это совсем не важно».

— Ваша дочь... — начал было он. — Я имел в виду ее дочь... Должно быть, вам было непросто оставить ребенка, которого вы считали своим?

Но Куперман не ответил. Только сжал зубы и уставился в стол.

— У вас были какие-нибудь подозрения?

Он покачал головой:

— Нет, хотя, конечно, мне следовало бы их иметь. Но я был молодым и неопытным... Вот так вот.

— Вы с ней потом встречались? Уже после этого?

— Нет.

— И с Кристиной тоже?

— Я виделся с ней в Каустине. После убийства. Всего лишь раз. Ей было четыре года, и жила она у бабушки... у матери Беатрис. Она никогда не слышала обо мне, я имею в виду мать, так что особого смысла в этом посещении не было.

— Понимаю, — сказал Юнг. — А отец... настоящий отец то есть? Вы что-нибудь о нем знаете?

Куперман снова покачал головой:

— Он ушел, так сказать, в море. Я никогда его не видел с того раза.

— А Беатрис с ним встречалась после того, как вы от нее ушли?

— А я откуда знаю?

«Да, действительно, — подумал Юнг, когда уже распрощался с Давидом Куперманом. — Если даже полиция не смогла разыскать Клауса Фрице за тридцать лет, то было бы странно, если бы это удалось сделать его несчастному, поверженному сопернику».

Роот нажал на кнопку звонка, и дверь распахнулась так резко, что он едва успел отскочить. Арнольд Яренс, без сомнения, его ждал.

— Господин Яренс?

— Проходите.

Арнольд Яренс был высокого роста и плотного телосложения. Рооту показалось, что выглядит он по меньшей мере лет на десять моложе своих шестидесяти пяти лет. Или ему было только шестьдесят? Да не так уж это и важно, — решил Роот и сел на указанное место у кухонного стола.

— Ну что ж, — начал Яренс. — Как я понимаю, на повестке дня опять Верхавен. И госпожа Холден.

— Так точно, — ответил Роот. — Вы слышали, что произошло?

— Да, прочитал в газетах. — Яренс кивнул в сторону угла, где они лежали горой. Роот заметил, что там были и «Неуве блатт» и «Телеграф».

— К сожалению, — продолжил Роот, — должен признаться, мы ищем несколько вслепую... поэтому и опрашиваем всех, кто мог быть хоть как-то связан с первым или вторым делом.

— Понимаю. — Яренс налил кофе. — Сахар?

— Три ложки, — ответил Роот.

— Три?

— Я сказал «три»? Я имел в виду полторы.

Яренс усмехнулся:

— У меня много сахара. Если хотите три ложки — пожалуйста.

— Спасибо. Знаете, мне не хочется быть многословным, поэтому давайте сразу к делу. Значит, вы были соседями с Верховеном... Кстати, когда вы оттуда переехали?

— В восемьдесят пятом, — ответил Яренс. — Нам было некому оставить землю, и, чем работать на износ, мы решили перебраться на старости лет в город. Все-таки как-никак, а разница есть.

— Ваша жена?..

— Умерла два года назад.

— Простите. Ну да вернемся к делу. Я хотел попросить вас рассказать в первую очередь о том, что вы думаете об этой паре, Леопольде Верховене и Беатрис Холден. Должно быть, вы кое-что замечали, и она ведь к вам приходила ночью незадолго до убийства, это так?

— Да, конечно, я замечал кое-какие мелочи, у них все время что-то происходило, — ответил Яренс. — И пришла она, конечно, к нам. Кстати, почему вы об этом спрашиваете? Уж не думаете ли вы, что он невиновен? В «Телеграаф» слегка намекали, что это не исключено...

— Мы не знаем, — признался Роот. — Кто-то его убил, и это факт. У убийцы был какой-то мотив, а пока мы не знаем какой, поэтому необходимо прорабатывать каждую версию.

— Ну да, — согласился Яренс, вылавливая ложкой из чая печенье. — Да, жили они так себе, про таких говорят «как

кошка с собакой». Немногие удивились, что в результате всё так закончилось... Я имею в виду жителей деревни. Конечно, я не хочу сказать, что все знали, что он ее убьет, но жили он далеко не дружно.

— Это мы поняли. Расскажите о той ночи, когда она постучала к вам в дверь.

— Я рассказывал об этом уже раз пятьдесят.

— Но не в последнее время, правда ведь? — В голосе Роота появились извиняющиеся нотки. — Расскажите еще раз, пусть это будет как игра в карты.

Яренс снова усмехнулся.

— Хорошо, — сказал он. — История довольно короткая. Я проснулся от стука в стекло входной двери. Надел брюки, спустился и открыл, там стояла она... На самом деле она могла просто войти и лечь на диван, не будя нас, мы никогда не запирали двери. Да и во всей деревне никто этого не делал, никому не приходило в голову запираяться. В городе все совсем по-другому, это точно. Ну да, она стояла и стучала зубами от холода, попросилась переночевать... Сказала, что эта собака Верховен побил ее и на следующий день она собирается заявить на него в полицию.

— Она была пьяна?

— Да, довольно-таки, но не так чтобы совсем, я видал и хуже. Ну да, я, конечно, спросил, могу ли сделать для нее что-нибудь еще... У нее были сильно опухший глаз, большой синяк и еще кое-какие следы побоев, но ее это не беспокоило. Она хотела просто переночевать, как она сказала, ну я и постелил ей на диване. Просто принес подушку. Поставил стакан воды... а потом снова спать. Времени было больше трех ночи.

— Хм... — сказал Роот. — И на этом всё?

— Конечно. На следующее утро она проснулась около девяти. Я напомнил ей про полицию, но она только разозлилась и велела мне не вмешиваться не в свое дело. Потом она ушла. Даже спасибо не сказала.

— Очень воспитанная леди, — заметил Роот.

— Очень, — согласился Яренс. — Может, еще печенья? А то, я вижу, оно кончилось.

— Спасибо, нет. — Роот некоторое время молчал. — Я не знаю, о чем еще вас спросить. Вы не хотите добавить что-нибудь, что, по вашему мнению, может быть полезно для следствия?

Яренс откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок.

— Нет, — сказал он. — Ни черта.

— Вы думаете, что ее убил Верхавен?

— Однозначно, — ответил Яренс. — В этой жизни много такого, в чем я сомневаюсь, но не в этом.

— Да, в общем и целом, наверное, так оно и есть, — сказал Роот, вставая из-за стола. — Спасибо.

«Сомнений нет, мир сошел с ума», — подумал он, выходя во двор.

Кто, черт возьми, это написал?

Проведя еще один день в Каустине, де Брис и Морено зашли в бар «Крауз» так поздно, что не смогли найти свободного места. Де Брис быстро проверил количество наличности в бумажнике, в который раз мысленно пожалев о своем пренебрежительном отношении к пластиковым картам, и пришел к выводу, что в этот вечер дело обстоит не так уж безотрадно.

— Мы сядем в ресторане, раз такое дело, — заявил он. — Могу ведь я угостить тебя бифштексом?

— Хорошо. — Морено еще раз окинула взглядом зал. — Да, здесь нам не удастся упорядочить впечатления. Но если ты угостишь меня, то я угощу тебя — это мое условие.

«Прекрасно», — подумал де Брис.

— Посмотрим, — сказал он, открывая стеклянную дверь в более изысканное помещение ресторана.

— Так что? — спросила Морено, когда мясо было съедено и они заказали еще одну бутылку вина и сыр. — Что скажет интендант по поводу прошедшего дня?

— Во всяком случае, погода была изумительная, — ответил де Брис. — Ты даже немного загорела, как мне кажется.

— Ты все об одном. — Морено достала из сумки свой блокнот. — Начнем по порядку? Нам в любом случае нужно попытаться прийти к какому-то мнению.

Она посмотрела на имена.

Улешка Вилмот
Катрина Беренская
Мария Хесс

— Три бабульки, — констатировал де Брис. — Все ходят с палочкой. Ну, лично я оцениваю наши шансы так: примерно один на тысячу, — но до того, как мы проверим алиби каждой, думаю, ни одну из них нельзя вычеркивать. Однако до «Ульменталя» отсюда очень далеко... посетительнице пришлось бы потратить на поездку целый день.

— Если она ехала из Каустина, да.

— Трудно сказать, так ли это.

— Очень, — согласилась Морено. — Один из тысячи? Да, действительно немного.

Официант принес блюдо с сырами, и де Брис наполнил бокалы.

— Мотив? — продолжил он через некоторое время. — Ты видишь хоть у одной из бабулек хотя бы тень какого-нибудь мотива? Если в этом ходе мыслей и есть доля правды, то посетительница должна была знать, кто настоящий убийца. Мне не показалось, что они что-то знают по этому пункту.

— Не понимаю, почему она хранила это в тайне, — задумалась Морено. — Если она решила открыть убийцу Верховену, у нее не было причин не рассказывать об этом потом. Или были?

— Черт возьми! — Де Брис уронил на скатерть виноградину. — Нет, я ничего не понимаю в этой истории, один бог ведает, что тут к чему.

Морено вздохнула:

— И я тоже не понимаю. Все это очень зыбко. Единственное, что мы знаем, это то, что пятого июня девяносто второго года Верховена навестила женщина, назвавшаяся Анной Шмидт. Мы понятия не имеем ни как ее зовут на самом деле, ни о чем они говорили. Вся эта версия опирается на слишком маленькое количество фактов: сначала мы предполагаем, что визит связан с убийствами; потом мы предполагаем, что во время беседы она решила открыть Верховену имя настоящего преступника. Потом мы предполагаем, что она приехала из Каустина... Вся цепочка не очень крепкая.

— К тому же мы не уверены на все сто процентов, что убит именно Верховен. И абсолютно не уверены в том, что он невиновен в убийствах, за которые был осужден. Да если все это представить прокурору, нас наверняка засмеют.

Морено кивнула.

— Хотя это совершенно не наше дело, — продолжал де Брис. — Мы просто подчиняемся приказу: идите и найдите всех женщин, которые ходят с палочкой, в этой дыре. Или всех мужчин Аарлаха с пластинкой на зубах! Или всех леворуких проституток Гамбурга! Спросите их, что они делали за день до Рождества тысяча девятьсот семьдесят третьего года с трех до четырех часов, и обязательно запишите каждое слово, которое они произнесут! Круто, мне нравится работа детектива. Именно об этом я мечтал, когда решил работать в криминальной полиции.

— Кажется, у интенданта сегодня случился крах иллюзий. — Морено сочувственно улыбнулась.

— Вовсе нет, — возразил де Брис. — Ассистент неправильно поняла природу моих рассуждений. Я с удовольствием поеду хоть на Шпицберген и расспрошу там каждого проклятого пингвина, что он думает о парниковом эффекте... но только если это будет в твоей компании, вот так. За нас!

— За нас. Однако, — усомнилась Морено, — мне кажется, на Шпицбергене не водятся пингвины. Ну да, а завтра в любом случае появятся новые задания, правда?

Де Брис кивнул:

— Думаю, да. Пусть комиссар и Мюнстер сами выкрутятся из всего этого. Только боюсь, что это окажется нелегко.

— Да, наверное, нелегко. А ты на самом деле как думаешь? Раскроют они это в результате?

Де Брис прожевал последнее печенье и немного подумал.

— Понятия не имею. Хотя у меня такое чувство, что раскроют. ВВ, наверное, выйдет из больницы с окрепшей бульдожьей хваткой. С ним будет трудно поладить.

— Как будто это раньше было легко.

— Да, — вздохнул де Брис. — В этом ты, конечно, права.

Хорошо, что я на нем не женат.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего.

Морено посмотрела на часы:

— Кстати, по-моему, пора закругляться.

— Согласен, пора. Спасибо за прекрасный день. Да и вино уже закончилось, иначе я бы охотно за тебя выпил.

— Ты уже сделал это два раза, — констатировала Морено. — Достаточно. Я не терплю чрезмерного количества лести.

— И я тоже. Пойдем домой.

31

Войдя в кабинет, в первые доли секунды Ван Вейтерен подумал, что не узнает его. В голове пронеслась мысль, что после двенадцатидневного отсутствия можно ошибиться дверью, но потом стало понятно, что это тот самый старый кабинет, в котором он работал. Может быть, его смутило яркое послеполуденное солнце, бросающее косые лучи через грязное окно. Вся дальняя стена за письменным столом, занятая книжными полками и шкафами с документами, купалась в ярком, слепящем солнечном свете. В лучах кружилась пыль. Жара была как в печке.

Комиссар подошел к окну и открыл его. Задвинул жалюзи и таким образом довольно сносно отразил атаку раннего лета. Оглядевшись, он понял, что перемены совсем не так радикальны, как показалось на первый взгляд.

Если точно, их было три.

Во-первых, кто-то прибрал на столе. Сложил бумаги в одну стопку, прежде они лежали веером. «А на самом деле, не так уж и плохо», — оценил Ван Вейтерен. Странно, что ему самому это не пришло в голову.

Во-вторых, кто-то поставил у телефона вазу с желтыми и фиолетовыми цветами. «Сразу чувствуешь, что ты популярен и любим, — подумал Ван Вейтерен. — Строг, но справедлив... глубоко внутри».

В-третьих и в последних, появилось новое кресло. Серо-голубого цвета. Этот цвет напомнил ему пальто, которое Рената как-то купила в Париже во время одного катастрофического отпуска. Цвет назывался «провансальский голубой», если, конечно, память ему не изменяет, на что она способна. Во всяком случае, у кресла были мягкие подлокотники, регулируемая спинка и подголовник, что в целом напоминало сиденья в вагоне первого класса в какой-то из соседних стран, в какой именно — он не помнил.

Комиссар осторожно сел. Сиденье оказалось таким же мягким, как и подлокотники. Спинку не закрепили. Под сиденьем имелось несколько рычагов для регулирования всевозможных функций, а именно: высоты сиденья, положения спинки, степени ее подвижности и других. На столе лежала инструкция с цветными картинками и подробным описанием кресла на восьми языках.

«Ну и ну, — подумал Ван Вейтерен и начал осторожно нажимать на один из рычагов согласно инструкции. — Здесь я удобно посплю в ожидании пенсии».

Через двадцать минут все было готово, и как раз когда он уже начал прикидывать, как будет проще и быстрее всего разо-

быть пива, позвонили из приемной и сообщили, что к нему пришла посетительница.

— Пусть проходит навверх, — распорядился Ван Вейтерен. — Я встречу ее у лифта.

В субботу в здании полиции народу было немного, и ему не хотелось очутиться в ситуации, в которую как-то угодил Рейнхарт. Однажды тот не встретил шедшего к нему доносчика, у которого оказались не самые хорошие способности к ориентированию, в результате чего он зашел в кабинет начальника полиции и уснул там на диване. Хиллер сам нашел его утром в понедельник, и, как Рейнхарт ни оправдывался, говоря, что двери в свой кабинет можно и закрывать, например воспользовавшись таким устройством, как ключ, начальство не увидело в этом смягчающих его вину обстоятельств.

— Ваше имя Елена Клименска? — начал он, когда женщина села на стул для посетителей.

— Да.

Перед ним сидела, без сомнения, довольно элегантная дама лет пятидесяти — пятидесяти пяти, как оценил комиссар, с темными крашеными волосами и запоминающимися чертами лица, слегка подчеркнутыми тщательно продуманным макияжем. От нее пахло дорогими духами. Во всяком случае, так решил Ван Вейтерен.

— Меня зовут комиссар Ван Вейтерен, — представился он. — Как я объяснил, у меня к вам разговор по поводу ваших свидетельских показаний в связи с судом над Леопольдом Верхавеном в Маардаме в ноябре тысяча девятьсот восемьдесят первого года.

— Это я поняла. — Она сплела пальцы рук на черной лакированной сумочке.

— Расскажите мне, пожалуйста, на что вы опирались в своих показаниях?

— Я... я не совсем понимаю.

Ван Вейтерен достал из нагрудного кармана новую зубочистку и стал ее внимательно рассматривать, одновременно пробуя менять позицию спинки кресла.

«Неплохо, — подумал он. — Кресло может прекрасно подходить для допросов. Хотя, конечно, жертва в таком случае должна сидеть на треногой табуретке или на ящике от овощей».

— Ну? — сказал он.

— Мои свидетельские показания? Да я просто случайно проходила мимо и видела их... там за торговым центром.

— Кого их?

— Его и ее, конечно. Верховена и ту женщину, которую он убил... Марлен Нитш.

— Где вы проходили?

— Что, простите?

— Вы сказали, что проходили мимо. Я хочу знать, где вы находились, когда их увидели.

Она откашлялась.

— Я шла по тротуару улицы Звилле и видела их на Крегерлаан...

— Почему вы подумали, что это именно они?

— Я их узнала, разумеется.

— До или после?

— Что вы хотите сказать?

— Вы знали, что это Леопольд Верховен и Марлен Нитш, когда видели их, или поняли это потом?

— Конечно, потом.

- Вы были знакомы с кем-то из них?
- Нет.
- На каком вы были расстоянии?
- Восемнадцать метров.
- Восемнадцать?
- Да, восемнадцать.
- Откуда вы это знаете?
- Расстояние замерила полиция.
- Как они были одеты?
- На нем были голубая рубашка и джинсы. На ней — коричневая куртка и черная юбка.
- Не очень заметная одежда.
- Да. Почему она должна быть заметной?
- Потому что легче узнать человека, когда имеются заметные детали. У них были такие детали?
- Нет, не думаю.
- Как вы связались с полицией?
- Они искали свидетелей через газеты.
- Вот как? И вы откликнулись?
- Я считала, что это моя обязанность.
- Сколько времени прошло к этому моменту... хотя бы примерно?
- Месяц, может быть, полтора.
- Ван Вейтерен сломал зубочистку:
- Вы хотите сказать, что вспомнили двух человек, разговаривающих у машины, через... шесть недель?
- Да.
- Незнакомых вам людей?
- Конечно.
- У вас были особые причины их запоминать?

— Ну... нет.

— Сколько было времени?

— Простите?

— Сколько было времени, когда вы проходили по Звилле и видели их?

— Без семи или восьми минут десять.

— Откуда вы это знаете?

— Времени было столько. Что в этом удивительного?

— Вы посмотрели на часы?

— Нет.

— Куда вы шли? Вы торопились на встречу или что-то в этом роде?

— Я делала покупки.

— Понимаю.

Комиссар сделал паузу и откинулся на спинку так тяжело, что ноги оторвались от пола. На какой-то момент он почувствовал себя в невесомости.

«Жаль, что нет рычага, который бы переносил человека во времени», — подумал Ван Вейтерен рассеянно, но вскоре снова вернулся к контролю над ситуацией.

— Госпожа Клименска, — сказал он, дотронувшись одновременно ногами до пола и ладонями до письменного стола. — Теперь я жду ваших объяснений... Максимально медленно и подробно... Мне, знаете ли, иногда трудно понять. На основании ваших показаний человека признали виновным в совершении убийства с особой жестокостью. Он отсидел за это в тюрьме двенадцать лет. Двенадцать лет! Если бы вы не вмешались, вполне возможно, что его бы оправдали. Черт возьми, объясните мне наконец, как вы можете быть уверены в том, что видели одиннадцатого сентября тысяча девятьсот

восемьдесят первого года без семи с половиной минут десять разговаривающих у машины Леопольда Верхавена и Марлен Нитш! Как?

Елена Клименска выпрямила спину и посмотрела ему в глаза без тени смущения:

— Потому что я их видела. Что касается времени, это время наиболее вероятное. Он уехал оттуда в десять, а они разговаривали на углу без двенадцати минут.

— Так значит, на самом деле вы видели их на углу?

— Конечно.

— Bravo, госпожа Клименска. Вы это прекрасно выгучили, должен признать. А ведь прошло не меньше тринадцати лет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Кто помог вам определиться со временем? Комиссар или прокурор?

— Разумеется, оба. Почему...

— Спасибо, — перебил ее Ван Вейтерен. — Достаточно. Всего один, последний вопрос: есть другие свидетели, которые могли бы подтвердить ваши показания?

— Я не понимаю.

— Кто-то, с кем вы тогда только что расстались, например... или встретились, может быть, без пяти десять?

— Нет. Какое это имеет значение?

Ван Вейтерен не ответил. Вместо этого он постукивал пальцами по столу, щурясь от яркого света, бьющего из окна — там простирался согретый солнцем город. Елена Клименска поправила складку на своем серо-бежевом платье, ни на йоту не смутившись.

— Вы хорошо спите ночью, госпожа Клименска?

Она сжала губы в тонкую линию. Ван Вейтерен видел, что с нее достаточно. Что она не собирается отвечать на дальнейшие вопросы и обсуждать предположения.

— Я спросил это просто из любопытства, — продолжил он. — Знаете, в нашей работе иногда приходится быть немного психологом. Например, если бы я был на вашем месте, то есть если бы я засадил за решетку на двенадцать лет человека на основании сфабрикованных свидетельских показаний, то я, наверное, чувствовал бы себя неважно. Вы, может быть, тоже слышали о таких вещах, как совесть и тому подобное...

Она встала:

— С меня хватит ваших...

— Полагаю, у вас были на то особые причины?

— Что вы...

— Я имею в виду, чтобы упрятать его за решетку. Это бы многое объяснило.

— Прощайте, комиссар. Можете не сомневаться, что начальник полиции узнает об этом разговоре!

Она развернулась и сделала три шага к двери, когда Ван Вейтерен поднялся с кресла.

— Чертова старуха, — прошипел он.

Она встала как вкопанная:

— Что вы сказали?

— Я просто пожелал вам хороших выходных. Вы сами найдете выход или вас проводить?

Через две секунды он снова был в кабинете один, а из коридора доносился возмущенный цокот каблучков госпожи Клименски.

«Ну-ну, — подумал он, снова нажав рычаг невесомости. — Так с ними и надо».

32

— Я понимаю, — сказала Синн. — Тебе не нужно оправдываться.

— Он прочитал каждое слово в каждом проклятом протоколе, пока лежал в больнице, — объяснял Мюнстер. — Ему просто необходимо увидеть это место своими глазами, а самому водить машину еще нельзя.

— Я понимаю, — повторила Синн.

Она листала газету и пила кофе. Времени было не более половины восьмого, но дети проснулись еще до семи, и их совершенно не волновало, что на дворе лето и воскресенье... теплое утро, кругом цветут вишни, а птицы оглушительно поют. Это утро проникало в дом через открытую балконную дверь и смешивалось с раздающимся из детской смехом Марики и вечными разговорами Барта о драконах, монстрах и футболистах.

Он поднялся и встал за спиной жены. Погладил ее по затылку и шее. Опустил руку за ворот халата и осторожно стал ласкать грудь, и вдруг почувствовал, как подкрадывается боль, отдаленный страх того, что этот момент пройдет. Эта секунда абсолютного счастья, одна из тех десяти — двенадцати, которые выпадают человеку за жизнь и которые, возможно, составляют ее смысл...

По крайней мере, так это ощущал интендант криминальной полиции Мюнстер. Как однажды объяснил ему дядя Арнольд, когда он сидел у него на коленях: если у тебя в жизни есть двенадцать хороших воспоминаний, то ты счастливый человек. Но двенадцать — это довольно много, поэтому не затягивай с началом подсчета.

Наверное, Синн почувствовала его беспокойство, потому что положила свою руку на руку мужа и прижала ее крепче к своей груди.

— Приятно, — сказала она. — Я люблю твои руки. Мы ведь успеем съездить на пикник во второй половине дня? В Лаурендамм или еще куда-нибудь. Было бы неплохо заняться любовью на природе, давненько мы это не делали... А ты что скажешь, любимый?

Он проглотил комок, внезапно подступивший к горлу.

— Как скажешь, дорогая, — ответил он. — Я вернусь до часу дня. Будь готова.

— Готова? — улыбнулась она. — Я и сейчас готова, если хочешь.

— Черт побери, если бы не дети и комиссар, то...

Она отпустила его руку:

— А может, нам попросить комиссара посидеть с детьми?

— Хмм... — отозвался Мюнстер. — Мне не кажется, что это такая уж хорошая идея.

— Ну что ж, — вздохнула Синн. — Тогда придется дожидаться второй половины дня.

Когда Мюнстер притормозил у дома номер четыре по Клагенбург, комиссар уже стоял на тротуаре и ждал. Его плохо скрываемое возбуждение нельзя было не заметить, и, сев на пассажирское сиденье, Ван Вейтерен сразу же достал две зубочистки и начал катать из одного уголка губ в другой. Мюнстер понял, что в этот момент любая попытка заговорить, если он тут же не будет послан к черту, просто окажется бесполезной.

Вместо этого он включил радио, и, проезжая по пустым в воскресенье улицам, они могли слушать восьмичасовой вы-

пуск новостей, где говорили в основном о ситуации на Балканах и новых нацистских выступлениях в Восточной Германии.

А еще прогноз погоды, который обещал прекрасный солнечный день и двадцать пять градусов тепла.

Мюнстер осторожно вздохнул и подумал, что если бы вместо пятидесятишестилетнего, недавно прооперированного комиссара криминальной полиции на пассажирском месте сидела его жена, то, наверное, он положил бы в этот момент руку на ее теплое, освещенное солнцем бедро.

Но, в конце концов, даже сегодня час дня когда-нибудь наступит.

Они остановились у заросшего прохода через живую изгородь из сирени. Мюнстер заглушил двигатель и отстегнул ремень безопасности.

— Нет, ты оставайся здесь, — запротестовал Ван Вейтерен и покачал головой. — Я не хочу, чтобы кто-то дышал мне в затылок. Мне нужно побыть одному и спокойно все обдумать. Подожди меня, пожалуйста, у церкви.

Комиссар начал с трудом выбираться из машины. Шов его явно еще беспокоил, и ему пришлось ухватиться обеими руками за крышу и слегка подтянуться, вместо того чтобы напрягать живот. Мюнстер поспешно вышел ему навстречу, но Ван Вейтерен решительно отверг его помощь.

— Через час, — сказал он и посмотрел на часы. — Я сам пройду до церкви... Дорога как раз спускается вниз, так что должно быть нетрудно.

— Может быть, лучше все-таки я... — попытался было Мюнстер, но комиссар в раздражении не дал ему закончить:

— Прекрати нудить, интендант! Мне уже это надоело. Если я не приду к церкви до половины одиннадцатого, можешь приехать меня проведать!

— Хорошо, — согласился Мюнстер. — Будьте осторожны.

— А теперь исчезни, — попросил Ван Вейтерен. — Кстати, дверь открыта?

— Ключ висит на гвоздике за водосточной трубой. Справа.

— Спасибо.

Мюнстер снова сел за руль, с трудом развернулся на узкой дороге и направился через лес к деревне.

«Надо же, — подумал он. — Мы отдали этому месту часов сто. Но я не особенно удивлюсь, если ВВ найдет что-то, что мы пропустили.

Даже вообще не удивлюсь».

Ван Вейтерен стоял у дороги, пока белая «ауди» Мюнстера не скрылась за деревьями. Только после этого он пролез через изгородь в «Густую тень».

Там, несомненно, царила разруха. Он сунул в рот две зубочистки и начал осматриваться. Попробовал обойти вокруг дома, но был вынужден отказаться от этой затеи, когда оказался по шею в крапиве. «Ну и ладно, — подумал он. — Не так уж трудно представить себе, как все это выглядело когда-то...» Этот участок, скорее всего, освоили в середине прошлого века — распахали плугом и разборошили с колоссальным трудом и заботой. А теперь сюда, и давно уже, снова наступает природа. Молодая поросль берез и осин забивает большинство фруктовых деревьев; камни фундамента, подвала и стен дома поросли мхом, а большой сарай, который, видимо, и служил легендарным курятником, вряд ли простоят

много лет. Чувствуется, что граница преодолена, то есть та грань, за которой уже не отнять у природы то, что она завоевала.

По крайней мере, это не под силу одинокому бедняге — хозяину.

«Густая тень»?

Какое пророческое название... Это легко утверждать, имея в руках ответы. Он нашел ключ и не без труда открыл дверь. Пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой о притолоку — высота потолка только-только позволяла выпрямиться. Он вспомнил, как читал в газетах о том, что за последние сто лет средний рост людей увеличился. С его ростом сто восемьдесят пять сантиметров он, наверное, казался бы гигантом в прошлом веке, когда строили этот дом.

На первом этаже располагались две комнаты и кухня. Лестница из маленькой прихожей вела на чердак, заваленный старыми газетами, ящиками, сломанной мебелью и другим хламом. Под балками крыши чувствовался слабый запах сажки и нагретой солнцем пыли. Он пару раз чихнул. Вернулся обратно в кухню. Потрогал чугунную печь, как будто ждал, что она окажется теплой. Взглянул на плохие репродукции почти таких же плохих пейзажей. Прошел в гостиную. Два разбитых оконных стекла. Сундук. Стол с четырьмя неодинаковыми стульями. Диван и телевизор пятидесятых годов. Покосившийся книжный шкаф с книгами, большинство из которых дешевые детективы и приключенческие романы. На стене справа от камина — зеркало и черно-белая фотография в раме, на которой бегун натягивает финишную ленту. Лицо его выражает страдание. На грани пытки. Сначала он подумал, что это сам Верхавен, но, подойдя ближе, прочитал надпись

и узнал его: Эмиль Затопек¹. Чешская звезда. Мазохист. Побеждающий боль.

Неужели это идеал Верховена?

Или просто его современник? Затопек был королем легкой атлетики начала пятидесятых годов, если он не ошибался. Или хотя бы одним из них.

Он вышел из гостиной и, переступив порог спальни, остановился у двуспальной кровати, которая, несмотря на свои довольно скромные размеры, занимала почти все помещение.

И все-таки двуспальная кровать? Ну да, у Верховена время от времени были женщины. И можно предположить, что не все они убиты. Или все?

— Это здесь ты лег спать? — пробормотал Ван Вейтерен, доставая новую зубочистку. — Смог ты спокойно поспать одну ночь или он не позволил тебе даже этого?

Комиссар вышел из спальни.

«Черт возьми, что я здесь делаю? — подумал он вдруг. — Что я смогу найти здесь, просто рассматривая эти вещи?.. Если мне даже и удастся понять, кем был Верховен на самом деле, это ни на йоту не приблизит меня к ответу на вопрос».

То есть на вопрос: кто его убил?

Внезапно комиссара настигла усталость, и он присел за кухонный стол. Закрыв глаза и увидел желтые круги, которые бежали справа налево. Всегда они бегут справа налево, интересно, почему это. Его предупреждали о возможности подобных приступов слабости, но что они так предательски будут валить с ног, этого он как-то не ожидал.

¹ Эмиль Затопек (19 сентября 1922 — 22 ноября 2000) — чешский легкоатлет (бег). Четырехкратный олимпийский чемпион, трехкратный чемпион Европы.

Он положил голову на ладони. Черт, нельзя думать о чем-то серьезном, если нет ясности в голове, как говорит Рейнхарт. Лучше просто целиком отключиться, иначе ничего хорошего не выйдет, только дерьмо.

«Какая некрасивая клеенка, — подумал Ван Вейтерен, снова открыв глаза. — Но почему-то она мне что-то напоминает. Может быть, у тетушки К. была такая летом в начале пятидесятых?»

Там, в домике-лодке, где под полом можно было слышать плеск волн? Довольно далеко от «Густой тени» и в пространстве, и во времени; кажется, это было, как раз когда Верхавен ушел от своего отца в Каустине и отправился покорять мир.

Сорок лет назад или что-то около того.

А потом все пошло как пошло.

«Жизнь, — подумал Ван Вейтерен. — Какая чертовски непредсказуемая вещь!»

Или это было предсказуемо? Как там обстояло дело с линиями и сплетениями?

Предопределенность?

Мюнстер оперся о старый могильный камень и посмотрел на часы.

Без нескольких минут десять. Внутренний голос настойчиво требовал срочно сесть в машину и немедленно отправиться в «Густую тень». Комиссар уже больше получаса находился там один — после операции, слабый и неокрепший; конечно, очень безответственно оставить его там без присмотра.

Но с другой стороны, Ван Вейтерен собирался провести наедине с его величеством самим собой около часа и сам ограничил время размышлений до половины одиннадцатого.

Приходится выбирать между тем, чтобы приехать слишком рано или слишком поздно. Подлое предательство, без сомнения, но зато в случае если он соблюдет установленную комиссаром временную границу, то последний хотя бы не наорет на него за то, что он нарушил его священную думу. А если действительно окажется, что он лежит там где-нибудь посреди хлама вверх тормашками?.. Но все же лучше явиться ангелом-спасителем, чем неожиданным нарушителем спокойствия.

Так думал интендант Мюнстер, закрыв глаза. Со стороны церкви доносился монотонный звон колоколов, призывающих к воскресной проповеди. Вскоре показалась и паства — около двадцати благочестивых душ через равные промежутки времени шуршали по свежечыщенной граблями дорожке и переступали порог церкви, где их лично встречал их пастырь, протягивая каждому руку и слащаво улыбаясь. Мюнстер попытался остаться незаметным, но прелат, естественно, сразу просверлил его зовущим взглядом. Кто он такой, чтобы оставаться за воротами храма?

Однако Мюнстер устоял. Остальные овцы медленно вошли в божий дом. Пастырь был самым последним. Часы пробили десять, с крыши спорхнула стайка испуганных голубей, богослужение началось.

Когда дверь закрылась, Мюнстер отметил, что возраст прихожан гораздо выше среднего. Он также подумал о том, как они в течение ближайших десяти — пятнадцати лет углубят и укрепят свои отношения с церковью. Оказавшись на кладбище.

То есть когда их там похоронят.

В этот день он им почти что позавидовал. Или скорее почувствовал что-то умиротворяющее, во всяком случае, на этом ухоженном погосте, окружавшем старинную каменную цер-

ковь с новой, светского вида крышей из красной черепицы и с покрытым черным лаком петушком. Здесь явно не было жестокого, карающего Бога. Никаких труб Судного дня. Никакого вечного, неизбежного, напрасного труда.

Только мягкость, примирение и прощение грехов.

Помилование?

А потом появилась Синн и перебила его благочестивые мысли. Он увидел ее обнаженное тело на нагретой летним солнцем кровати... Представил, как она лежит, свернувшись калачиком и подтянув колени к лицу, а ее темные волосы рассыпались, словно лучи солнца, кругом по подушке и плечам. Эта картина наполнила его нежностью другого рода, может быть, даже тем самым ощущением беззаботного счастья, абсолютной и безграничной любви, которое он испытал за завтраком пару часов назад. Вскоре он стал вспоминать разговор о том, как они предадутся любви на лоне божественной природы... если только им удастся удалиться от детей на какое-то расстояние. Раньше это получалось очень здорово. Он начал вспоминать разные моменты... Как они любили друг друга в лодке прошлым летом на Веймарне. Прямо посреди озера, и только чайки и небо были свидетелями их счастья... А в другой раз рано утром высоко в горах Греции, а внизу ласково шумело лазурное Средиземное море. Не говоря уже о пляже в местечке Лагуна Монда — это было еще до рождения Барта, фактически в одну из самых первых встреч... Они лежали в теплой, густой темноте ночи, и легкий горный ветер, как любовные кущи, оведал ее тело, ее невероятно нежную кожу, ее...

Он вздрогнул от неожиданно зазвучавшей органной музыки. Возможно, она и должна была разбудить некоторых задре-

мавших прихожан внутри церкви. Он открыл глаза и помотал головой. Запели псалом; усиленный микрофоном баритон священника раздавался из открытого окна и, минуя листву деревьев, поднимался прямо в небесные сферы... чтобы там его немедленно услышал и возрадовался непосредственный адресат, для которого, совершенно естественно и несомненно, он и предназначался.

«Аллилуйя», — подумал Мюнстер и зевнул.

Он посмотрел на часы. Двадцать семь минут. Пора. Он встал на ноги. Прошел напрямик через кладбище, минуя дорожку, перепрыгнул через каменную изгородь и оказался у машины. Едва он открыл дверь и собрался сесть за руль, как увидел комиссара. Чуть наклонившись вперед, Ван Вейтерен огибал угол кладбища. Он являл собой жуткое зрелище: рубашка ниже пупка расстегнута, на голове вокруг лысины повязан красный носовой платок, под мышками темнеют пятна пота, а цвет кожи говорит о довольно высоком давлении, но, несмотря на все это безобразие, на его лице можно было уловить выражение удовлетворения. Что-то вроде сдерживаемой довольной гримасы, которую ни с чем невозможно спутать. По крайней мере, человеку, который провел с ним вместе столько времени, сколько Мюнстер.

— Ну что ж, — сказал он. — Я как раз собирался за вами ехать. Как дела?

— Неплохо, — ответил комиссар и снял с головы носовой платок. — Чертова жара.

— Мне показалось, вас не было довольно долго, — осмелился заметить Мюнстер. — Там что, действительно что-то было среди этого хлама?

Ван Вейтерен пожал плечами:

— Кое-что было. Поговорил еще с парой соседей по дороге сюда. Выпил пива у Шермаков. Да-да. — Он вытер пот со лба.

Мюнстер ждал, но больше ничего не услышал.

— Есть зацепки? — спросил он наконец.

— Хм... — ответил Ван Вейтерен. — Думаю, что да. Поехали? «Как обычно, — подумал Мюнстер и сел за руль. — Точно, как всегда».

— И что за зацепки? — настаивал он по дороге, когда обдуваемое ветром из открытого окна лицо комиссара приобрело свой обычный цвет.

— У меня есть идея, кто мог это сделать, — ответил Ван Вейтерен. — Идея, запомни это, интендант! Я не утверждаю, что знаю что-то.

— И кто это? — спросил Мюнстер, хотя прекрасно знал, что напрасно.

Вместо ответа комиссар откинулся на спинку сиденья, высунул из окна локоть и начал насвистывать мелодию из «Кармен».

Мюнстер увеличил скорость и включил радио.

Часть IX

11 сентября 1981-го

33

Никто не смог бы упрекнуть ее в том, что она не пришла заранее.

Она начала ходить вокруг торгового центра уже в половине девятого; конечно, он обычно управлялся к пятнадцати минутам десятого или к половине, что-то в этом роде, но, естественно, всегда лучше иметь небольшой запас. В этом случае тоже, а Рената ясно дала понять, что не собирается долго ждать свои деньги.

Проклятые две тысячи гульденов. Несколько лет назад она легко могла заработать в два раза больше... Она бы просто сейчас открыла сумочку, достала пачку банкнот, швырнула их этой долбаной шлюхе и велела засунуть остаток в задницу.

На самом деле можно было бы оставить Ренату с носом — она от нее не зависит. Но она зависит от Рауля, а Рената те-

перь была его женщиной. По крайней мере, на данный момент. А без него она скоро останется и без работы, и без квартиры, это уж точно, и тогда, черт возьми, ей придется все делать самой... Ей и раньше приходилось начинать все с нуля, но все же сейчас не хотелось терять такую комфортную, налаженную жизнь. Без сомнения. Нормальную жизнь в преддверии надвигающейся зрелости...

Поэтому, наверное, все же стоило наскрести эти деньги. До вчерашнего вечера она не понимала, насколько серьезно некоторые смотрят на эти вещи, поэтому сейчас несколько торопилась. Голос Ренаты звучал по телефону совсем не как всегда; в этот раз обычных извинений оказалось недостаточно, и это было ясно как белый день.

Две тысячи гульденов. В пятнадцать минут одиннадцатого в «Роте Моор». А иначе она пропала.

Да, в общем и целом, условия именно такие.

Она позвонила трем или четырем знакомым, но конечно же безрезультатно. Она собрала сотню или две, если так продолжать, можно найти и больше, но когда времени почти двенадцать — звонить уже неприлично.

И еще был Лео Верхавен. Она подумала о нем как о возможном спасении сразу после ультиматума Ренаты — может, это лучший вариант.

Лео.

Но у него нет телефона.

Вот так всегда, когда это нужно.

Она убедилась, что машина стоит на обычном месте. То есть на парковке для грузовиков на Крегерлаан. Она обошла вокруг площади и торгового центра, но не нашла его... Нужно было

встретиться с ним как будто случайно. Просто приятная неожиданность... Наверное, так крутится вокруг горячей каши кошка.

Или лучше сразу перейти к делу? Трудно решить. Верховен не из тех мужчин, с которыми легко договориться.

Она заняла позицию у памятника на Звилле, откуда было видно и машину и площадь. Села на скамейку под статуей Торреса, закурила и стала ждать. Из-за крыш домов выглянуло бледное осеннее солнце и ласково пригрело своими лучами ее спину и затылок, отчего появилось некоторое чувство уверенности, несмотря ни на что. Она вдруг снова стала солнечной кошкой или, скорее, пантерой, и, замечая брошенные украдкой взгляды проходящих мужчин, она автоматически стала приводить себя в должный вид: сняла шарф, расстегнула верхнюю пуговицу блузки, раздвинула колени на то самое расстояние, на которое любой мужчина, достойный так называться, обратит внимание, даже не задумываясь над этим...

«Это я, — подумала она. — Я создана для этого, и в этом мне нет равных среди всех женщин мира».

Она понимала, что преувеличивает, но в этот момент максимальная уверенность в себе была ей необходима.

Она посмотрела на часы.

Без двадцати десять.

Ей оставалось жить меньше двух часов.

Он появился без пятнадцати.

Она быстро поднялась. Наискосок пересекла улицу и столкнулась с ним, как раз когда он выходил из-за угла.

— Лео! — воскликнула она, и решила, что его имя прозвучало именно настолько радостно-удивленно, насколько она этого хотела.

Он остановился. Кивнул в своей обычной, несколько мрачной манере. Как будто она прервала некие важные размышления или интересный ход мысли. Но, во всяком случае, уголки его губ чуть дрогнули в улыбке. Возможно, надежда есть.

Она подошла ближе и положила руку ему на плечо. Продолжая улыбаться. Они встречались... она быстро подсчитала в уме... шесть раз. Он был горячим типом, не интересовался прелюдиями, романтикой и тому подобным. Такого легко завести, но трудно впоследствии справиться, как любила говорить ее подруга Нелли.

— Ты куда? — спросила она.

Верхавен пожал плечами. Явно никуда. По крайней мере, ничего особенного.

— Может быть, пообщаемся?

— Сейчас?

— У меня через несколько минут встреча с подружкой, как насчет потом?

Он снова пожал плечами. Не очень хороший признак, но выбора все равно нет.

— У меня небольшие проблемы.

— Правда?

Она заколебалась. Приняла грустный вид и стала поглаживать его плечо.

— Что за проблемы?

— Нужно немного денег.

Он не ответил. Отвел взгляд от лица и посмотрел вдаль поверх ее плеча.

— Ты мне не поможешь?

Все-таки довольно удачная реплика. Точно выверенная пропорция унижения и гордости.

— Сколько?

— Две тысячи гульденов.

— Иди к черту.

Земля ушла у нее из-под ног.

— Пожалуйста, Лео...

— У меня нет времени.

Она дотронулась до него и второй рукой. Приблизила лицо к его лицу:

— Послушай, Лео, это очень важно. Я тебе все верну до последнего...

— Отпусти меня! — Он освободился; она сделала шаг назад, закусила верхнюю губу и всего за пару секунд смогла выдать слезы.

— Лео...

— До свидания. — Он отодвинул ее в сторону на тротуар и прошел мимо. Сначала по Звилле, а потом свернул на Крегераан.

Черт побери!

Черт! Черт! Черт!

Слезы стали почти настоящими. Она несколько раз топнула ногами и сжала зубы. Черт побери!

Рядом с ней остановилась машина. Водитель наклонился в ее сторону и открыл окно:

— Поедешь со мной?

Она, не задумываясь, открыла дверь и села рядом.

Вытерев слезы протянутым ей платком, разглядела, кто это.

Она посмотрела на часы.

Без десяти десять.

Может быть, все еще образуется.

Часть X

23–28 мая 1994-го

34

— Мы это дело приостанавливаем!

Начальник полиции оторвал сухой лист от своего фикуса.

Ван Вейтерен вздохнул, глядя на фигуру Хиллера в синем костюме на этом пышном зеленом фоне. «Черт побери, — подумал он. — Хотя на самом деле это совсем не удивительно».

— У нас есть более важные дела.

Новый лист фикуса подвергся тщательному изучению. Комиссар отвел глаза в сторону. Начал рассматривать наполовину изжеванную зубочистку, ожидая продолжения, но оно не последовало. По крайней мере, не сразу. Хиллер сдвинул очки на лоб, продолжая ощупывать листья растений. Ван Вейтерен снова вздохнул; ботанические пристрастия на-

чальника полиции уже давно стали постоянным и насущным предметом обсуждения сотрудников. На этот счет имелось несколько теорий. Одни утверждали, что этот феномен призван замещать увядающую любовную жизнь — утонченная госпожа Хиллер, видимо, отлучила его от себя после рождения пятого ребенка, в то время как другой лагерь считал, что зеленый пейзаж должен просто-напросто камуфлировать множество потайных микрофонов, которые записывают каждое слово, произнесенное в этом строгом и торжественном штабе. Инспектор Маркович из следственного отдела иногда выдвигал так называемую теорию побочного эффекта активного приучения к горшку, но большинство, включая Ван Вейтерена, довольствовались констатацией факта, что начальник был бы намного лучшим садовником, чем полицейским.

«Садовник в костюме? — думал он, засовывая зубочистку в складку между сиденьем и подлокотником кресла. — Почему бы и нет? Чем больше времени Хиллер посвящает своим комнатным растениям и чем меньше он вмешивается в работу, тем лучше, конечно».

«Пусть обезьяна потешится в джунглях, — обычно говорил Рейнхарт. — Так оно спокойнее».

Но на этот раз обезьяна решила вмешаться. Ван Вейтерен осторожно почесал свой шрам.

— Чушь, — высказался он.

Так как сказанное явно требовало ответа, Хиллер повернулся лицом к собеседнику:

— Что ты имеешь в виду?

— Мне нужно выразиться точнее? — спросил Ван Вейтерен и высморкался.

Насморк появлялся и исчезал по несколько раз в день. Может быть, у него аллергия на эти странные растения, а может, это от столкновения с действительностью после такого долгого пребывания в больнице. Но конечно же одно другого не исключало.

Начальник полиции вернулся на свое место за столом.

— У нас есть труп, — начал он. — Без головы, рук и ног...

— А еще без кистей и стоп, — уточнил Ван Вейтерен.

— Девятимесячной давности на настоящий момент. Через пять недель работы нам удалось установить, что, возможно, это тело Леопольда Верхавена, дважды осужденного и отбывшего срок за убийства. Одного из самых известных преступников страны. А в остальном ничего. — Хиллер посмотрел на комиссара, который как раз в этот момент сворачивал носовой платок. — Единственная теория, которая хоть как-то выдерживает критику, это версия о тюремной истории. Кто-то из бывших заключенных дождался его освобождения и по какой-то причине его убил... Возможно, в драке, а может, и просто случайно. В любом случае, с нашей стороны будет безответственно тратить на это дело средства, мы и так уже достаточно потратили. У нас есть более важные дела, не в пример подобным случаям, произошедшим где-то на задворках.

— Чушь, — повторил Ван Вейтерен.

Хиллер сломал скрепку:

— Не будет ли комиссар так любезен объяснить?

— С удовольствием, — ответил Ван Вейтерен. — Тебе ведь поступали сигналы? Так?

— Какие сигналы?

— О Верхавене.

Начальник полиции поднял брови и сделал вид, что ничего не понимает. Ван Вейтерен фыркнул.

— Ты забываешь, с кем разговариваешь, — сказал он. — Ты слышал о бритве Климке?

— Бритве Климке?

Удивление Хиллера стало неподдельным.

— Да. Это простые правила ведения цивилизованного и интеллигентного разговора.

Хиллер молчал.

Перед тем как продолжить, Ван Вейтерен откинулся на спинку кресла и на пару секунд закрыл глаза. «Да, его нелишне будет хорошенько пропесочить, — подумал он. — А то с ним этого давно не случалось».

Он откашлялся и начал:

— Основная суть в соблюдении баланса. Ты не можешь требовать от собеседника больше, чем готов дать сам. Руководящие работники, представители власти и обычные карьеристы любят блистать некой демократической полировкой... Один дьявол знает, зачем им это нужно на самом деле, хотя в средствах массовой информации это выглядит неплохо... Они просто-напросто отдают приказания, но им хочется обставить это как обоюдные размышления или хотя бы беседу. В этом есть какое-то мрачное наслаждение, даже старые корифеи нацизма пользовались подобным приемом при произнесении речей: голосу придавали мягкий, отчески понимающий тон, затягивая шелковую удавку... Но только ты не принимай это как личное...

— С меня довольно! — прошипел начальник полиции. — Объясни, какого дьявола ты хочешь! И будь добр, как можно яснее.

Ван Вейтерен вытащил из нагрудного кармана новую зубочистку:

— Если и мне будет дан ясный ответ.

— Разумеется, — заверил Хиллер.

— Хорошо. Тебе нужно отвечать только «да» и «нет». На мой взгляд, все выглядит так: Леопольд Верхавен убит. Всем заинтересованным лицам — в особенности суду, полиции, общественности, с ее глубочайшим уважением к нашей более или менее успешно функционирующей правоохранительной системе, и всем остальным, — вообще всем будет чертовски удобно и выгодно, если мы сочтем это дело не более чем историей, разыгравшейся где-то на задворках. Просто нужно поставить прочерк. Забыть и жить дальше. Наплевать на этого старого, расчлененного крестьянина. Если вместо этого мы сосредоточимся на сохранении общественного порядка и прочих мифических штук..

— Но... — начал было Хиллер.

— Но здесь есть одно «но», — не позволил ему ответить Ван Вейтерен.

— Какое же?

— Это не история с задворок.

Хиллер промолчал.

— Леопольда Верхавена убили, потому что он был невиновен в обоих убийствах, за которые его осудили, и потому что он знал, кто настоящий убийца.

Прошло десять секунд. Внизу в церкви Аудескерк начали бить часы. Хиллер опустил сцепленные в замок руки на стол с ковриком из свиной кожи.

— Ты можешь это доказать? — спросил он.

— Нет, — ответил Ван Вейтерен. — И не смогу, если мы прекратим расследование.

Хиллер потер большими пальцами рук один о другой и одновременно нахмурил лоб.

— Ты и сам прекрасно все понимаешь, не хуже меня, — сказал он наконец. — В некоторых случаях... в некоторых случаях, значит, нужно в первую очередь ориентироваться на пользу для общества. Если даже ты, вопреки всем ожиданиям, найдешь настоящего убийцу, кому от этого станет лучше?

— Мне.

— Ты не считаешься, — ответил Хиллер. — Возьми всех имеющих отношение к этим историям и проанализируй, кому раскрытие дела принесет пользу. Ну? Давай посмотрим! Убитым женщинам? Нет! Верховену? Нет! Полиции и суду? Нет! Общественности? Нет!

— Убийце? Нет! — продолжил Ван Вейтерен. — Не забывай и о нем. Он будет очень доволен, если ему удастся избежать наказания. Три убийства, и не попался... неплохо. Действительно, очень неплохо!

Хиллер надел очки. Наклонился вперед и несколько секунд помолчал.

— Нет другого убийцы, кроме Верховена, — сказал он с ударением на каждом слове. — Дело мы приостанавливаем за отсутствием доказательств. Приостанавливаем!

— Ты приказываешь мне оставить на свободе тройного убийцу?

Начальник полиции не ответил, а снова откинулся на спинку кресла. Комиссар поднялся. Немного постоял, держа руки в карманах и качаясь с носков на пятки и обратно.

Он качался и ждал.

— Ты уверен, что дело действительно обстоит так, как ты говоришь? — спросил Хиллер наконец.

Ван Вейтерен покачал головой:

— Я это чувствую. Но пока не знаю.

— И чувствуешь, кто это?

Ван Вейтерен кивнул и стал медленно пробираться к двери. Начальник полиции снова потер большими пальцами один о другую, уставившись взглядом в стол.

— Подожди немного, — сказал он, когда комиссар уже взялся за ручку двери. — Если ты... да, если ты и правда найдешь что-то, что можно будет довести до суда, то, конечно, это совсем другое дело. Хуже всего будет, если мы заварим кашу, которую потом не сможем расхлебать. Обвиняемый, которого оправдает суд... Попробуй представить себе эту ситуацию. Полторы тысячи журналистов сначала трубят о коррупции суда в случаях Верхавена, а потом о непрофессионализме, злоупотреблении властью и черт знает о чем еще... Если нам придется отпустить настоящего убийцу на свободу из-за отсутствия доказательств. Ты это понимаешь? Ты понимаешь, какой это будет скандал?

Ван Вейтерен не ответил. Начальник полиции посидел немного молча, потом, сжав зубы, завел свои часы. После чего встал и повернулся к комиссару спиной:

— Тебе придется заниматься этим самому. Мюнстер с сегодняшнего дня работает в группе Рейнхарта... Я ничего не знаю.

— Это меня более чем устраивает, — сказал Ван Вейтерен. — Кстати, я еще на больничном.

— Надеюсь, ты также понимаешь, что, в случае чего, все шишки полетят не на тебя. Поэтому я не хочу вокруг этого лишних разговоров.

— Можешь на меня положиться, — заверил Ван Вейтерен. — Можешь спокойно заниматься ботаникой. За садом надо ухаживать.

— Что? — не понял начальник полиции.

«Тяжелый случай», — подумал комиссар, выходя из кабинета.

35

— Расскажите об этой болезни, — попросил он.

Женщина посадила на колени хнычушую девочку и посмотрела на него с подозрением.

Интересное дело. Вряд ли можно было назвать шедевром его конспирацию — пятидесятишестилетний доцент, пишущий диссертацию о травмах тазобедренных суставов у рожениц. Какая изобретательность! Он даже не потрудился почитать об этих болезнях заранее, наврал, что пользуется чисто статистическим методом. Назвал это социомедициной. Запасся только бланком анкеты, которая, конечно, не выдержала бы детального изучения, но все-таки — если держать ее спрятанной в папке, которую он положил перед собой, — должна была создавать некую видимость опроса.

Так, во всяком случае, рассуждал Ван Вейтерен. Черт с ней, что она сбита с толку, неважно. Главное — чтобы она отвечала на его вопросы, а потом может думать что угодно.

— Что вы хотите узнать? — спросила она.

— Когда это началось?

— Когда я родилась, конечно.

Он нарисовал крестик в одной из граф.

— С какого года она была прикована к постели?

Она задумалась:

— Кажется, с тысяча девятьсот восемьдесят второго. То есть полностью. До этого она тоже большую часть времени проводила в постели, но я не помню, чтобы она ходила или вставала с Рождества восемьдесят первого года. Я уехала из дома в восемьдесят втором.

— Она пользовалась палкой?

Женщина покачала головой:

— Никогда.

— Вы поддерживали отношения с тех пор, как уехали?

— Нет. Как это может касаться вашего исследования?

Ван Вейтерен прикусил язык.

— Меня интересуют разные аспекты, и отношения в том числе, — объяснил он, ставя новый крестик. — Значит, вы хотите сказать, что ваша мать была полностью прикована к постели с восемьдесят второго года вплоть до самой смерти?

— Именно.

— Где она жила в последние годы?

— В Ваппингене. В маленькой квартирке вместе с сестрой милосердия. Она развелась с отцом, я подумала, что она больше не хочет быть ему обузой... или что-то в этом роде.

— Вы ее навещали?

— Да.

— Сколько раз?

Она задумалась. Девочка опять начала хныкать. Сползла на пол и спряталась от его взгляда.

— Три, — ответила она. Потом добавила: — Это довольно далеко отсюда.

— Как менялось ее состояние?

— Что вы имеете в виду?

— Как она себя чувствовала?

Она пожала плечами:

— Как обычно. Может быть, стала чуть более счастливой.

— Несмотря на то, что была прикована к постели?

— Да.

«Черт, — подумал Ван Вейтерен. — Что-то тут не сходится».

Выйдя на яркое солнце, он почувствовал кратковременное, но сильное головокружение. Пришлось схватиться за железные перила, которые тянулись вдоль всего дома. Он закрыл глаза и собрался с силами.

«Хочется пива, — подумал комиссар. — Пива и сигарету».

Через десять минут он нашел свободный столик на террасе под искусственным платаном. Выпил в два приема большой бокал пива и заказал новый. Закурил и откинулся на спинку стула.

«Черт, — подумал он снова. — Какого дьявола здесь не сходится?»

Сколько отсюда до Ваппингена?

Двести километров? Не меньше, это точно.

Но если сегодня пораньше лечь, то, может быть, он сможет проехать двести километров? С остановками и передышками, потихоньку. Кстати, ничего страшного, если придется где-нибудь переночевать. Времени у него сколько угодно. Об этом можно не беспокоиться.

Ван Вейтерен проверил в папке адрес.

В любом случае лучше позвонить и договориться о встрече.

И зачем менять маску, раз эта так хорошо работает?

Принесли второе пиво, и он отхлебнул с него пену.

«Что за дьявольская история? — подумал он. — Приходилось ли мне когда-нибудь идти по более тонкой нити, чем эта?»

Это даже хорошо, что никто, кроме меня, этим не занимается».

36

— Что мы тут делаем? — спросил Юнг.

— Обедаем, например, — ответил Мюнстер. — Садись и делай вид, что ты здесь завсегдатай.

Юнг осторожно сел и оглядел шикарное помещение.

— Это будет не так уж легко, — отметил он. — Но зачем все это? Подозреваю, что обед в самом дорогом ресторане города не презентовали нам за наши заслуги.

— Видишь того типа в синем костюме у рояля? — спросил Мюнстер.

— Да. Я же не слепой.

— Рейнхарт утверждает, что он возглавляет одно из неонацистских движений... Кстати, его зовут Эдвард Массек.

— По виду не скажешь.

— Не скажешь. Он хорошо конспирируется, как утверждает Рейнхарт. Но все же есть доказательства. На самом деле он стоит за множеством гадких делишек. Это и пожары в лагерях беженцев, и массовые беспорядки, и осквернение могил. Ну а здесь он ждет одного представителя крупного бизнеса, очень важную шишку. Мы не знаем кого именно, но, когда тот появится, мы должны наблюдать, как они с четверть часа будут обмениваться бумагами. Потом ты должен будешь выйти позвонить по телефону в вестибюле, а я их арестую. Рейнхарт и другие ждут в патрульных машинах неподалеку.

— Вот оно что, — отозвался Юнг. — А почему Рейнхарт не здесь?

— Массек его узнает. А теперь мы воспользуемся случаем и поедем. Что скажет ассистент о муссе из омаров на закуску?

— Да я его только что ел на завтрак. Но могу попробовать затолкать в себя еще немножко.

— Как там продвигается дело Верховена? — спросил Юнг, пока они ждали горячее. — Есть какие-то новости?

Мюнстер пожал плечами:

— Я не знаю. Меня ведь тоже отстранили. Похоже, больше на него не собираются затрачивать ресурсы. Наверное, это можно понять.

— Почему так?

— Думаю, что не хотят копаться в тех судебных заседаниях. Если окажется, что он был невиновен, начнутся всякие перестановки... не говоря уже о скандале в газетах и на телевидении.

Юнг почесал в затылке:

— А что говорит комиссар?

Мюнстер помедлил с ответом:

— Не знаю. Он по-прежнему на больничном. Но ясное дело, он не сидит дома и бьет баклуши.

— Это правда, что он кого-то подозревает? Я слышал краем уха вчера в столовой после обеда. То есть что у него есть на примете возможный убийца.

Любопытство Юнга было трудно спутать с чем-то еще, и Мюнстер понял, что вопрос вертелся у него на кончике языка все это время.

— Ну, — сказал он. — На самом деле я без малейшего понятия. Я ездил с ним в Каустин, когда он только вышел из

больницы... Он зашел в дом и провел там около часа, а потом выглядел так загадочно, как будто... Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

Юнг кивнул:

— Черт возьми, это невероятно. Мы вчетвером или впятером прочесывали эту деревню несколько недель и не нашли ничего стоящего. А он едет туда и через полчаса имеет наметку. Как? Ты и правда в это веришь?

Мюнстер задумался:

— А ты сам как думаешь?

— Понятия не имею. Это ты у нас знаешь его лучше всех.

«Да, наверное», — подумал Мюнстер. Хотя иногда у него появлялось такое чувство, что чем ближе они сходятся, тем более непостижимым кажется ему комиссар.

— Трудно сказать, — ответил он. — Во всяком случае, комиссар что-то делает, в этом можно не сомневаться. В последний раз, когда я его видел, он пробормотал что-то об очень тонких нитях... о том, сколько ленивый толстый полицейский может просидеть в паутине, и тому подобном. В нем не чувствовалось особого энтузиазма, но он вообще такой, ты знаешь...

— Да, он такой, — согласился Юнг. — По крайней мере, он ни на кого не похож, это уж точно.

В его голосе прозвучала ясная нотка восхищения, в этом невозможно было ошибиться, и Мюнстеру вдруг захотелось передать эти слова комиссару.

«Может быть, мне даже это и удастся», — подумал он. С тех пор как стало известно об опухоли, у него появилось ощущение, что их отношения стали чуть более открытыми. Возможно, даже приблизились к равноправию и вза-

имному уважению. Или как там это еще можно охарактеризовать?

Несмотря на непостижимость. И естественно, только приблизились.

— Да, не похож, — сказал он. — Ван Вейтерен — это Ван Вейтерен. — Мюнстер посмотрел в сторону рояля: — Почему никто не идет? Рейнхарт говорил, что около часа дня, но уже двадцать минут второго.

— Я не знаю, — ответил Юнг. — Зато у нас есть морской язык. Вкуснятина!

Через сорок пять минут Эдвард Массек, просидевший все это время один, встал из-за стола. Юнг как раз заказал порцию грецких орехов в сахаре, но полицейские решили расплатиться и идти к коллегам делать доклад.

— Черт возьми, — сказал Рейнхарт, когда понял, что добыча ускользнула. — Во сколько это обошлось?

— Пожалуйста. — Мюнстер протянул счет.

Рейнхарт выпучил глаза на бледно-голубую бумажку.

— Это просто никуда не годится, — возмутился он. — А мы со Стауфом два часа ели в машине половину пакетика арахиса.

— А нам понравилось: было очень вкусно, — признался Юнг на заднем сиденье. — Может быть, завтра попробуем еще разок?

37

Последние десять — пятнадцать километров пути он провел под симфонию Дворжака «Из Нового Света», и для этого случая лучшего выбора быть просто не могло. С годами у него появилась способность чувствовать связь музыки с отношения-

ми, заданиями, погодой и временем года. Нужно просто следовать тону, идти за ним вверх или вниз — и ни в коем случае не против... Здесь действуют внутренние течения и образы; они дополняют и гармонизируют друг друга... или как там это лучше сформулировать. Это нелегко объяснить словами. Это проще почувствовать.

Да, на самом деле с годами всё становится проще. За эти годы он стал подозрительнее относиться к словам. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание людей, с которыми ему приходилось сталкиваться на работе, от них услышать правду было скорее исключением, чем правилом.

Язык есть ложь, как сказал кто-то из мудрых.

Новый свет, значит. И по мере того, как ясно небо и солнце сушило сырость после упрямого утреннего дождя, он приближался к цели. Его опасения, что внезапно закружится голова и он не сориентируется в дорожной обстановке, пока что не оправдались. К тому же он делал продолжительные остановки; сидел за чашкой кофе в придорожных забегаловках с грязными окнами, немного прогуливался, чтобы размять ноги, и даже сделал несколько гимнастических упражнений, рекомендованных в послеоперационной памятке, которую кто-то всучил ему при выписке.

И он стойко воздерживался от табака и алкоголя. Ему ведь предстоит еще обратный путь. А вернуться домой все же очень желательно.

Запас зубочисток закончился намного раньше симфонии Дворжака.

Ван Вейтерен припарковался на маленькой площади неправильной формы под названием «Площадь Казарро» и, пока ис-

кал взглядом подходящее для обеда кафе, задумался о том, кто такой был этот Казарро. Во всяком случае, имя больше подходило конкистадору, чем европейскому государственному деятелю.

Между универмагом и зданием муниципалитета он нашел маленький итальянский ресторанчик, где подавали главным образом пиццу и пасту. Решил довольствоваться этим. Встреча с сестрой Марианной была назначена на пять часов, и времени оставалось не так уж много.

Да и еда совсем не главное. Главное — это стакан красного вина и, в первую очередь, сигарета.

И нужно обязательно сосредоточиться перед разговором. Конечно, ему и раньше приходилось совершать опрометчивые поступки, но здесь был особый случай, он понял это утром, отправившись в путь. Он уже не мог совладать с силой, которая им двигала, он давным-давно потерял над ней всякий контроль.

В этой игре он лишь орудие, но никак не ведущий игрок.

Это вовсе не новое ощущение, а скорее сущность или вариация на тему детерминизма — вездесущий вопрос о порядке и образе бытия. О нарастающей или убывающей энтропии.

Нет, мысли о произволе в нашей жизни, с которыми он заигрывал на днях, в этот момент не внушали ему особого энтузиазма.

Ведь если существует создатель, или высшая сила, или хотя бы всевидящее око, то эта сила должна с высоты своего положения видеть линии и прожилки в пространстве и времени, такие непонятные с точки зрения обывателя.

А внутренние связи вещей? Как еще их можно рассматривать? Именно они и должны бы составлять саму категорию Божественного.

Эти образы.

И если существует нечто высшее, то какое это имеет значение на самом деле?

Как там было у Ансельма¹ с его доказательством существования Бога? Разве ему не было сложно увидеть в этом рациональное зерно?

Он поискал в нагрудном кармане зубочистку, но, вспомнив, что их нет, закурил.

Разве нет в бытии структуры, как она всегда была в спирали молекулы ДНК и кристаллах снежинок, совершенно независимо от того, есть ли у них сторонний наблюдатель.

«Какое дело объективу до камеры?» — подумал он.

Хороший вопрос. Один из вечных. Он отложил сигарету в сторону. Безразлично поковырял фетуччини в тарелке и сделал глоток красного вина. В эти дни ему почему-то не особенно хотелось есть. Потому ли, что он лишился куска кишки, или по какой-то еще причине, неизвестно.

Совсем другой аспект — справедливость.

С ней все проще и понятнее, так он всегда считал, хотя задумываться об этом по-настоящему ему не приходилось. Несмотря на тридцать лет работы.

То есть он — орудие справедливости. Он ощущал себя таковым, если подойти к вопросу серьезно. Конечно, формулировка слегка напыщенная и даже несколько пафосная, но он же не кричит об этом на площади. Это просто его личное ощущение, но для него оно чертовски важно.

¹ Ансельм Кентерберийский (1033—1109), теолог, представитель схоластики. С 1093 года архиепископ Кентерберийский. Понимал веру как предпосылку рационального знания. Развил так называемое онтологическое доказательство существования Бога, выводящее его бытие из самого понятия Бога.

Чтобы оправдать свое собственное существование и исполнение своих служебных обязанностей, иногда приходилось копать глубоко, этому он научился. Может быть, даже все глубже и глубже — как будто основа, то есть фундамент, с каждым годом засыпалась новым, все более толстым слоем глины и грязи из преступного мира, с которым ему приходилось сталкиваться.

Да, примерно так.

На самый главный вопрос у него пока что не было ответа. Он сформулировал его несколько лет назад в связи с делом Г., и звучал вопрос не слишком замысловато: готов ли он сам вершить правосудие, когда законная власть и государственные институты закрывают на преступление глаза?

То есть, если он окажется один на один с убийцей или другим преступником и будет на сто процентов — именно на сто — уверен в том, что тот виновен, как будет правильнее поступить с точки зрения морали: отпустить его за неимением доказательств или самому восстановить справедливость?

Он взял сигарету и затянулся.

Таких особенных случаев с самыми непредсказуемыми последствиями можно было придумать бесконечное множество. Он много раз представлял их в теории, и, наверное, следовало быть благодарным судьбе за то, что до сих пор ему не приходилось идти до конца на практике.

Хотя иногда такой поворот был близок. Как тогда в Линдене семь лет назад.

И в этот раз на самом деле ничто не предвещало необходимости принять подобное решение.

Или предвещало?

Ван Вейтерен посмотрел на часы — и понял, что давно уже пора расплачиваться и идти, чтобы не заставлять монахиню ждать.

Стены квартиры были выкрашены в белый цвет. Обстановка аскетичная. Минимум мебели; в гостиной, куда она его пригласила, находились только низкая кушетка, с двумя подушками для сидения, стол, книжный шкаф и в углу скамеечка для молитв. На стенах распятие с двумя свечами в латунных подсвечниках и картина с изображением церкви — по видимому, собора в Шартре. На этом все.

Ни телевизора, ни кресел, никакой мишуры. Только темный ковер на полу.

«Замечательно, — подумал Ван Вейтерен, садясь на кушетку. — Только существенное. Квинтэссенция».

Она подала чай в глиняном чайнике. Прямые керамические чашки без ручек. Тонкое печенье. Ни молока, ни сахара. Она даже не спросила, хочет ли он их, а он и не хотел.

Она была немолода, по меньшей мере лет на пятнадцать старше его, но в ее глазах светился живой и ясный ум, а все ее существо излучало свет, словно ее окутывала аура. Он понял, что перед ним человек, который внушает к себе уважение, гораздо большее обычного. И он почувствовал, как в нем начинает расти почтение... Почтение, которое он иногда испытывал по отношению к глубоко религиозным людям — тем, у кого были ответы на вопросы, которые он едва решался формулировать... Почтение, которое естественно менялось на противоположные чувства — презрение и отвращение — к другому сорту людей: верующим из стадного чувства, этим покорно и громко блеющим овцам. Внешним подражателям благочестия.

Ван Вейтерен почувствовал характер этой сухощавой, прямой женщины, с серьезными карими глазами и высоким лбом, уже когда они здоровались. Она села напротив него, мягким движением устроившись на одной из подушек. Когда она на восточный манер спрятала под себя ноги, ему показалось, что выглядит она так, что вполне может сойти за двадцатипятилетнюю буддистку. Но все же она оставалась католической монахиней, и лет ей было в три раза больше.

— Пожалуйста, — сказала сестра Марианна.

Он отпил чаю, пахнувшего дымом. Поискал папку, которая лежала рядом с ним на полу.

— Думаю, что должна попросить вас еще раз объяснить цель вашего прихода.

Он кивнул. Сразу стало понятно, что папка и анкета в этом случае просто оскорбительны. Бритва Климке, которую он на днях так эффектно бросил в лицо начальнику полиции, теперь грозила вернуться именно к нему — и ни к кому другому.

— Простите, — сказал он. — Меня зовут Ван Вейтерен, и я не тот, за кого себя выдавал. Я комиссар криминальной полиции Маардама... Я расследую происшествие, в подробности которого мне не хотелось бы вдаваться. Вам достаточно моего слова, что я преследую благие цели в этом странном деле?

Она улыбнулась:

— Да. Как я поняла, вопросы касаются Анны?

Комиссар кивнул.

— Она ведь провела здесь последние годы жизни? То есть с восемьдесят седьмого по девяносто второй? Правильно?

— Да.

— Вы ухаживали за ней?

— Да.

— Почему?

— Потому что в этом мое призвание. Так мы работаем в нашем ордене. Это способ обрести смысл. И любовь к ближнему... Анна сама пришла к нам. Нас около двадцати сестер, я была свободна.

Он немного подумал.

— Предполагаю, что вы были... очень близки?

— Мы много значили друг для друга.

— Вы доверяли друг другу?

— Конечно.

— Вы могли бы рассказать о ее болезни?

— Что вы хотите узнать?

— Например, была ли она прикована к постели все время?

Он понял, что она заранее знала, о чем пойдет разговор, и решила для себя, каким образом будет его вести, но, наверное, это было не так уж важно.

— Ей стало лучше.

— Лучше?

Она сразу стала серьезной.

— Да, комиссар. Ей стало лучше. Надеюсь, вы понимаете, что раны у нее были не только в бедренных костях? Существует еще и душа.

— Да, мне говорили об этом, — сказал Ван Вейтерен с нечаянной иронией. — Но что вы все же хотите этим сказать?

Она глубоко вздохнула и выпрямила спину:

— Независимо от того, верите вы в Бога или нет, наверняка вы согласитесь, что многие физические явления имеют психологическую причину. Духовную. — Она произнесла эти слова очень медленно, как будто сформулировала их заранее и хотела, чтобы он их обязательно услышал.

— Не могли бы вы немного разъяснить? — попросил комиссар.

— Предпочла бы воздержаться. Это вопрос о доверии... невысказанном... но тем не менее оно меня связывает. Я уверена, что вы меня понимаете.

— Вы считаете, что не имеете права разглашать это?

— В некотором роде.

Он кивнул.

— Но когда душевные раны затянулись, ее состояние улучшилось?

— Да.

— Насколько? Она могла передвигаться с помощью роллатора или палочки, например?

— Да.

— Она выходила из дома?

— Я вывозила ее каждый день на прогулку в инвалидном кресле.

— Но сама она не выходила?

— Насколько я знаю, нет.

Он посмотрел в окно за ее спиной:

— Расскажите, пожалуйста, что вы делали пятого июня тысяча девятьсот девяносто второго года.

— Нет.

— Вы знаете, что в этот день делала Анна?

Она не ответила. Только посмотрела на него своими мягкими карими глазами без тени смущения или беспокойства.

— Как далеко отсюда до «Ульменталья»?

— Двадцать пять километров, — не задумываясь, ответила она.

Ван Вейтерен допил чай. Прислонился к стене и прислушался к тишине, которая повисла над их столиком. «Удивительно, сколько информации можно передать с помощью молчания», — подумал он. Он мог бы сейчас задать важные вопросы, конечно, такова обычная процедура... Он не получил бы на них ответов, но по привычке ловил бы нюансы в высказанных словах. Данная ситуация была совершенно необычна: это почти что стилизованное молчание разительно отличалось от рядовых сценариев. На мгновение он опять почувствовал головокружение. Может быть, и не то послеоперационное головокружение, но чувство слабости и беспомощности, ощущение потери почвы под ногами... или понимания чего-то такого, что раньше казалось очевидным. И огромное, колоссальное чувство ответственности.

— Ее душевные раны... — сказал он наконец. — Вы знали, как они появились?

— Она никогда не рассказывала.

— Это я понял. Но, может быть, вы, тем не менее, знали?

Она снова улыбнулась:

— Комиссар, я не могу обсуждать то, что больше не принадлежит мне.

Он немного поколебался.

— Вы верите в высшую справедливость? — спросил он.

— Абсолютно.

— А в земную?

— В нее тоже. Мне жаль, что я не могу многого вам рассказать, но мне кажется, вы уже знаете то, что вам нужно. Мне не пристало нарушать обет и заниматься домыслами. Если бы она хотела, чтобы я знала всё полностью, то, несомненно, сказала бы мне. Но она этого не сделала. Если бы она хотела,

чтобы я кому-то передала эту информацию, то попросила бы меня об этом. Но это не так.

— Подходит мне роль Немезиды?

— Возможно. Профессия — это тоже призвание.

Он вздохнул:

— Можно мне задать вам один личный вопрос, который не касается данного дела?

— Конечно. Пожалуйста.

— Вы верите в то, что Бог вершит земные дела?

Она сцепила лежащие на коленях руки в замок:

— Да. Верю в высшей степени.

— Как он это делает?

— Многими способами. Через людей.

— И вы верите, что он тщательно выбирает свои орудия?

— Почему бы и нет?

— Да так, просто подумалось, — сказал Ван Вейтерен.

«Предчувствия!» — подумал он, когда в первый раз остановился отдохнуть на обратном пути. Предчувствия и воздух.

Он вздохнул. Прокурор Феррати будет смеяться до слез, если я приду к нему с чем-то подобным, в этом можно не сомневаться.

Не задумываясь над тем, что делает, он начал рисовать кружки на полях вечерней газеты, лежавшей перед ним на столе. Рассмотрел получившийся неясный узор и попытался для самого себя упорядочить полученную информацию.

Если Верхавен и правда невиновен, то возможно, что настоящий убийца — подозреваемый. Не исключено, что Анна, его полтора года назад умершая жена-инвалид, так думала.

По крайней мере, он чувствовал, что сестра Марианна предполагала, что она посещала Верхавена в тюрьме... И в таком случае, возможно, причиной визита было желание рассказать то, о чем она догадывалась!

«Боже мой, — подумал Ван Вейтерен. — Вот так дедукция!»

Схематично на полях измятой газеты он изобразил ход своих мыслей, и выглядело это еще печальнее. Ряд неуклюжих кругов, соединенных нечеткими, паутинообразными линиями. Тьфу, черт! «„Где неоспоримые доказательства?“ — скажет Хиллер. Если он увидит это, то, наверное, немедленно потребует от меня заявление об увольнении», — подумал Ван Вейтерен.

Но тем не менее он знал, что все было именно так. Именно так все и произошло. Убийца оказался в центре круга. Сомнений больше не осталось. Дело ясно.

Вдруг ему представился Леопольд Верхавен. Молодой Верхавен — успешный легкоатлет... быстрый, сильный и ловкий; скоро он окажется в книге рекордов... Середина безмятежных пятидесятых. Годы холодной войны, но одновременно во многих отношениях это было спокойное десятилетие. Разве не так?

А потом?

Что получилось в результате?

Насколько окончательно и бесповоротно ему изменила удача?

Разве судьба Верхавена не является символической вообще? Что же это за странная вереница событий, произошедших почти полвека назад и ставших причиной его смерти? И теперь он пытается представить их себе... И какой смысл ему

расследовать эту давнишнюю и всеми забытую смерть? В этой потрепанной и неправильной жизни.

Действительно ли это необходимая часть его работы?

И пока он сидел так и смотрел, как на темный лес и безликую дорогу опускаются сумерки, ему показалось вдруг, что все уже давным-давно прошло. Что он последний, всеми забытый солдат старой гвардии или актер из пьесы, которую давно не ставят, и никто больше не интересуется его заслугами и его игрой. Ни коллеги, ни противники, ни зрители.

«Пора списывать это дело», — подумал он.

Пора списывать комиссара Ван Вейтерена. Предложить ничью или переверачивать доску. К чему это бессмысленное честолюбие? Убийца разгуливает на свободе, ну и пусть себе, пора оставить его в покое!

Он расплатился и пошел к машине. Нашел среди дисков Монтеверди и поставил его; в тот же миг, как послышались первые звуки музыки, он уже знал, что не сдастся. Во всяком случае, пока.

«Нет, черт возьми, — бормотал он. — Юстиция или Немезида — какая разница!»

38

— Полиция! — Он протянул удостоверение, подержал его полсекунды и через три уже стоял в прихожей. — Я хочу задать несколько вопросов относительно убийства Леопольда Верхавена, Марлен Нитш и Беатрис Холден. Мы можем это сделать здесь или вы предпочитаете явиться в полицию?

Мужчина заколебался. Но только на секунду.

— Пожалуйста.

Они прошли в гостиную. Мюнстер достал блокнот с вопросами:

— Вы можете сообщить, где находились двадцать четвертого августа прошлого года?

Мужчина пожал плечами:

— Вы шутите? Как я могу это помнить?

— Будет лучше, если вы постараетесь вспомнить. Вы были случайно не в Каустине?

— Определенно нет.

— У вас есть основания быть враждебно настроенным по отношению к Леопольду Верхавену?

— Враждебно настроенным? Конечно нет.

— Мог ли он знать вещи, которые могли повредить вам?

— Какие это могут быть вещи?

— Вы были в Маардаме одиннадцатого сентября тысяча девятьсот восемьдесят первого года? В этот день была убита Марлен Нитш.

— Нет. Что вы хотите сказать?

— Разве вы не были в то утро в квартале рядом с торговым центром? Крегер Плейн, Звилле и другие соседние улицы?

— Нет.

— Около половины десятого утра?

— Нет же, говорю вам.

— Как вы можете быть уверены в том, что делали и чего не делали в какой-то из дней тринадцать лет назад?

Ответа не последовало.

— А в субботу, шестого апреля тысяча девятьсот шестьдесят второго года? Ведь именно в тот день все началось?

— Это лишь ваши домыслы. Могу я теперь попросить вас оставить меня в покое?

— Разве вы не приходили в дом к Беатрис Холден в субботу после обеда? Пока Верховен ездил по делам?

— Я не собираюсь участвовать в этом дурацком разговоре.

— Когда закончились супружеские отношения между вами и вашей женой?

— Черт возьми, какое это имеет значение?

— Вам приходилось искать удовлетворения на стороне, не так ли? С тех пор как она перестала вставать? Должно быть, кроме Беатрис Холден и Марлен Нитш были и другие, почему вы убили только их?

Он поднялся.

— Или вы убили еще кого-то?

— Вон! Если вы думаете, что сможете запугать меня, то передайте своему начальнику, что это бесполезно.

Мюнстер закрыл блокнот.

— Спасибо, — сказал он. — Разговор был очень информативным.

— Да, это мог быть он, — констатировал Мюнстер, садясь напротив комиссара.

Ван Вейтерен смотрел в окно, придерживая занавеску.

— Будь готов, что он даст о себе знать, — сказал он. — Невозможно понять, что у таких на уме.

— С ним будет очень непросто. Он не из тех, кто может легко расколоться.

— Тоже черт знает что. Хотя мы ему сделали только первое предупреждение, так сказать.

Мюнстер знал, что комиссар отправил его на разведку именно с этой целью. Чтобы приберечь себя для чего-то более важного, может быть, даже решающего, то есть для сражения.

Конечно, мысль неплохая, но не позволит ли это убийце подготовиться к защите? Он указал на это, но Ван Вейтерен только пожал плечами.

— Очень даже возможно, — согласился он. — Но именно эти приготовления могут его выдать... В любом случае, он сейчас находится в незавидном положении. Он понимает, что мы знаем. Вдумайся в это, интендант. Он крыса, загнанная в угол. А мы кошки, которые сидят и поджидают его.

— У нас нет доказательств. И не появится.

— Он этого не знает.

Мюнстер задумался.

— Он в любом случае это скоро поймет. Если мы знаем, что на его совести три убийства, то очень странно, что он не арестован.

Ван Вейтерен затушил сигарету и отпустил занавеску.

— Я знаю, — пробормотал он. — У меня вырезали кишку, а не мозг.

Ван Вейтерен тяжело вздохнул и сунул в рот зубочистку. Мюнстер заказал пиво и достал свой блокнот.

— Ты задал только те вопросы, которые я написал? — спросил комиссар через некоторое время.

— Конечно, — ответил Мюнстер. — Одна вещь мне не совсем понятна.

— Какая?

— Как он узнал, что она навещала Верховена в тюрьме?

Ван Вейтерен усмехнулся:

— Потому что она сама ему рассказала, конечно. Скорее всего, как раз перед смертью. По словам сестры Марианны, он был с ней рядом в последние сутки.

— Значит, она облегчила душу на обе стороны?

— Можно и так сказать. Лучше бы она промолчала. Это сохранило хотя бы одну жизнь. Но люди несколько заиклены на правде.

— Каким образом?

Ван Вейтерен допил остаток пива.

— Правда — тяжелая ноша, — ответил он. — Нести ее самому долгое время бывает не под силу. Остается только желать, чтобы люди поняли, что нельзя бросать ее как попало.

Мюнстер задумался.

— Так я никогда об этом не думал, — сказал он и посмотрел в окно. — Но в этом конечно же что-то есть. Во всяком случае, по нему нельзя сказать, чтобы он был напуган.

— Нет, — вздохнул Ван Вейтерен. — Видимо, потребуются дополнительные меры. Ну а теперь езжай домой, я немного посижу поразмышляю.

Мюнстер сказал:

— Комиссар может рассчитывать на мою помощь, если она потребуется. Полагаю, что дело по-прежнему приостановлено?

— Да, практически закрыто. В любом случае, спасибо.

Мюнстер вышел из бара и, когда стал переходить наискосок улице, вдруг снова почувствовал жалость к комиссару. Уже во второй раз за короткий срок, всего лишь за какой-то месяц, — может быть, действительно правильно говорят: чем старше становишься, тем больше похож на человека.

Хотя вроде бы это говорили о горной горилле... или еще о ком-то?

Клуб находился в подвальном помещении в глубине узкого тупика, который начинался от площади Кронина и заканчивался фасадом пожарной части. На всех картах города и на закомпеченном, плохо читаемом указателе над антикварной лавкой Вильдта он был обозначен как Цуйгерс стейг. Но в народе его называли не иначе как Стюкаргрэнд¹ после необыкновенно жестокого убийства, произошедшего там в конце девяностых годов девятнадцатого века, когда части тел двух убитых уличных женщин разбросали по всему двадцатиметровому тупику. Обнаружил их двадцатидвухлетний капеллан собора, которого после этого случая пришлось поместить в сумасшедший дом «Майона» в Виллемсбурге, а преступник так и не был найден, несмотря на старания полиции.

Ван Вейтерен обычно всегда припоминал эту историю по дороге в клуб, сегодняшний день не стал исключением.

«Наверное, раньше было еще труднее работать», — подумал он, нагибаясь перед низкой дверью, ведущей под своды арок зала.

Малер, как обычно, сидел за столом в дальнем углу под картиной Дюрера и уже расставил фигуры. Ван Вейтерен сел, вздыхая, напротив.

— Ай-ай-ай, — сказал Малер, запустив пальцы в свою мохнатую бороду. — Совсем беда?

— Что?

— Что-что! Мясорубка, естественно. Мерещатся зеленые человечки с окровавленными топорами?

— Ах, это. Это просто пустяк.

¹ Stuckargränd (швед.) — переулочек мясников.

Малер секунду выглядел озабоченным.

— А что же тогда, черт возьми, на тебя так давит? Ты снова в строю, начинается лето, все цветет, природа бушует в ожидании грядущего праздника жизни. Черт возьми, отчего бы тебе вздохнуть?

— У меня есть проблема, — сказал Ван Вейтерен, выводя ферзя.

— У меня их тысяча, — ответил Малер. — В любом случае давай выпьем за твое возвращение из царства мертвых!

Они выпили, и Малер снова склонился над доской. Комиссар закурил и стал ждать. Он начал играть в шахматы еще в юности, но никогда не сталкивался с противником, который бы вел партии, как Малер. В самом начале — то есть перед первым ходом — он десять — двенадцать минут напряженно думал, а потом мог сделать больше тридцати ходов, не размышляя дольше минуты. Потом, перед завершением партии, он снова позволял себе глубокий десяти-, пятнадцатиминутный анализ, после чего заканчивал игру в том же молниеносном темпе, независимо от того, выигрывал ли он, достойно проигрывал или соглашался на ничью.

Сам Малер не мог вразумительно объяснить свой метод и говорил, что это просто вопрос ритма.

— Иногда важнее время, в которое сделан ход, чем он сам, — утверждал он. — Понимаешь, что я имею в виду?

Но Ван Вейтерен не понимал.

— Со стихами то же самое, — признавался старый поэт. — Я сижу и долго смотрю в пустоту, примерно полчаса или даже больше, а потом беру ручку и сразу, чертовски быстро, все записываю. Этот процесс нельзя прерывать.

— А что в это время происходит у тебя в голове? — спрашивал Ван Вейтерен. — Во время этой концентрации?

Оказалось, что Малер об этом понятия не имеет.

— Я боюсь об этом думать, — объяснил он. — Некоторые состояния не терпят анализа. Вот такие они.

Ван Вейтерен отпил из стакана, раздумывая о его методе и ожидая хода.

«Действие без раздумий», — подумал он.

Та ли это в действительности?

Могут здесь вообще быть какие-то точки соприкосновения?

— Ну? — спросил Малер, когда они меньше чем за сорок пять минут сыграли партию вничью. — Что у тебя не так?

— Один убийца, — ответил Ван Вейтерен.

— Я думал, ты этот месяц на больничном.

— Да, я на больничном, но мне не так легко остановиться.

И смотреть сквозь пальцы.

— А что с этим убийцей?

— Мне его не уличить.

— Ты знаешь, кто это?

Ван Вейтерен кивнул.

— И никаких доказательств?

— Никаких.

Малер откинулся на спинку и закурил:

— Думаю, это не первый такой случай.

— Обычно мне удавалось загнать их в угол.

— Загнать в угол! Не хотел бы я оказаться на их месте.

А почему не получается на этот раз?

Ван Вейтерен вздохнул:

— Ты слышал о Леопольде Верхавене?

Малер стал серьезным:

— Верховен... как же, слышал. Изодранный женоубийца... Разве его самого не убили... или что-то такое? Я о нем недавно читал в газете...

— Он был невиновен.

— Верховен невиновен?

— Да.

— Но он же отсидел в тюрьме... черт, не знаю сколько.

— Двадцать четыре года, — подсказал Ван Вейтерен.

— Это он столько отсидел, и ты говоришь, что он невиновен?

Ван Вейтерен кивнул:

— Да, невиновен. Его убили, как ты и сказал. И как ты понимаешь, у убийцы были на то особые причины...

Малер помолчал.

— Ну и ну. — Он затянулся сигаретой, уронив пепел на бороду. — Думаю, что понимаю. Замешаны большие люди?

— Да нет, не так все мрачно, но, во всяком случае, чтобы довести дело до суда, нужны доказательства. Причем достаточные.

— Разве невозможно найти улики? Я думал, что обычно всё так и происходит: вы находите убийцу, а потом продельваете колоссальную работу, чтобы его уличить... то есть уже потом? Мне казалось, что такая процедура довольно обычна.

— Ну да, в принципе так часто бывает. Но в этом случае это практически бесполезно. Первые два дела давно закрыты, и их невозможно возобновить. А если взять третье, то нужны неоспоримые доказательства... или, черт возьми, надо, чтобы он признался и не отказался от показаний в суде. А нам очень далеко и до одного, и до другого.

— Ты имеешь в виду убийство Верховена? Значит, это всё один человек?

— Один. А у нас нет вообще никаких данных из лаборатории. Мы не знаем ни когда он умер, ни как, ни где.. — Ван Вейтерен пожал плечами. — Вот такая вот история вкратце.

— Но ты, тем не менее, знаешь, кто убийца? — Малер, сомневаясь, поднял свои кустистые брови.

— На сто процентов, — ответил Ван Вейтерен.

Малер развернул доску и снова начал расставлять фигуры:

— А почему ты считаешь, что он не признается? У вас ведь есть свои методы давления?

Ван Вейтерен закурил.

— Я преследую его уже два дня, — объяснил он. — Не тайно, конечно, а явно. Чтобы он заметил. Обычно это кого угодно выбивает из колеи, но не его. Кажется, его это даже забавляет. Периодически он мне кивает в знак приветствия. Ехидно улыбается. Похоже, он чертовски хорошо понимает, что у нас ничего против него нет. Я его еще не допрашивал, правда, но я очень удивлюсь, если он вдруг снимет маску. А если даже на какой-то момент и снимет, то обязательно снова наденет ее на суде, и тогда мы все останемся в дураках.

— Хм... — задумался Малер. — И что же ты собираешься делать? Похоже, что все очень запутанно, скажу я тебе.

Ван Вейтерен не сразу ответил, но Малер не дал ему увильнуть:

— Ну?

— Я поставил ему мат, — сказал комиссар наконец. — Хочешь еще пива?

— Конечно. А что за мат?

Ван Вейтерен встал, пошел к бару и через некоторое время вернулся с двумя пенящимися кружками.

— Так что за мат? — повторил Малер, когда они снова выпили.

— Оставил ему только один шанс. Уйти как джентльмену.

— Ты хочешь сказать?..

— Да. Умереть самостоятельно.

Малер сразу развеселился:

— А если он не джентльмен? Кажется, есть причины это подозревать?

— Тогда я расскажу о том, что знаю. У него есть дочь и двое внуков. Если он лишь пожмет плечами, я расскажу ей, что у ее отца на совести три убийства, и позабочусь о том, чтобы она поверила. Его жена всю жизнь молчала именно ради дочери... по крайней мере, мне так показалось.

Малер задумался.

— Да уж, — сказал он. — Думаешь, сработает?

Ван Вейтерен поморщился:

— Один черт знает. Посмотрим завтра в двенадцать. Я собираюсь поехать к нему домой поговорить.

— Ну и дьявольщина, — заметил Малер. — Ну что ж, у тебя свои методы.

Он отпил из кружки и снова посмотрел на доску. Подумав необычно мало, он сделал ход пешкой.

— Ну и паршивая же работенка у тебя, — сделал он вывод.

— Как раз для меня.

— Да, наверное, — согласился Малер.

Через полчаса партия была окончена. Малер одержал победу всего за шестьдесят ходов. После этого он наклонил-

ся и достал из портфеля, стоявшего на полу, небольшой пакет.

— Это тебе утешительный приз, — сказал он. — Я только сегодня получил из типографии, так что она хотя бы свежая.

Ван Вейтерен разорвал обертку.

«Речитатив из захолустья», — прочитал он.

— Спасибо. Похоже, это как раз то, что мне нужно.

— Никогда не знаешь точно, что тебе нужно, — сказал Малер и посмотрел на часы. — К тому же пора закругляться. Начинай с тридцать шестой страницы. Кажется, там есть неплохая мысль.

Ван Вейтерен принял душ и, уже лежа в кровати, открыл поэтический сборник. Часы на тумбочке показывали половину первого, и он решил на первый раз ограничиться тем, что порекомендовал автор. Поэзия, особенно лаконичные строки Малера, требовала внимательного прочтения, а он уже чувствовал, как слипаются глаза.

Стихотворение называлось «Январская ночь», и в нем было всего семь строк.

Неродившийся свет
Неощутимые линии
Не писанный пока закон

Во мраке дитя
В пляшущем блике ритм
Голос из Хаоса тому, кто имеет
на сердце скорбь
И короткий категоричный приказ

Он погасил лампу, а строчки как будто остались висеть в темной комнате и в его опустошенном сознании.

«Внутренняя и внешняя темнота», — подумал он уже в полудреме.

Завтра в двенадцать часов.

40

Когда комиссар стоял у двери, часы показывали одиннадцать пятьдесят девять, и он решил подождать еще минуту. Раз уж написано в двенадцать, значит, нужно быть точным. Нельзя пренебрегать даже такими мелочами.

Ван Вейтерен позвонил.

Подождал несколько секунд, прислушиваясь к звукам внутри квартиры.

Нажал на кнопку звонка еще раз. Раздался долгий, раздраженный сигнал. Он подался вперед, прислонил ухо к прохладному дереву и прислушался.

Ни звука.

Ни шагов, ни души, никаких признаков жизни.

Он выпрямился. Собрался с мыслями. Глубоко вздохнул и потрогал дверную ручку.

Открыто.

Он переступил порог. Оставил дверь приоткрытой. Он не в первый раз входил в квартиру, где можно обнаружить труп — в этот раз этого могло и не быть, но точно было что-то еще. Это что-то вызывало беспокойство и несло на себе печать предопределенности.

В маленькой темной прихожей стоял спертый воздух. Прямо располагалась кухня, которая была бы солнечной, если бы не опущенные жалюзи. Дверь справа вела, по всей видимости,

в спальню. Слева находились туалет и двустворчатая дверь в гостиную.

Две комнаты и кухня, не больше. Точь-в-точь, как и сказал Мюнстер.

Он начал со спальни. Кровать — наиболее вероятное место, он сам бы выбрал его, если бы дело зашло так далеко.

Он осторожно открыл дверь.

Пусто. Прибрано и чисто. Жалюзи и здесь опущены. Как будто он куда-то уехал.

Потом прошел в гостиную. И там все прибрано и скучно. Некрасивые диваны серо-коричневого цвета, обитые прочной синтетической тканью. Большой телевизор, книжный шкаф с разными сувенирами. На стенах морские пейзажи. Холодильник почти пустой. На столе трогательный комнатный цветок.

Остается ванная. Эту альтернативу он тоже рассмотрел бы и сам. Медленно угаснуть в горячей воде. Как Сенека, не как Марат.

Он включил свет.

Физически ощущалось, как убийца смеется над ним, как будто его ухмылка была видна на глянцевой поверхности темно-синего кафеля. Как будто он приберег ее напоследок. Как будто он собирался написать записку этому упрямому копу и оставить здесь, но передумал, потому что и так было ясно, кто победит в этом бессмысленном поединке.

Ван Вейтерен со вздохом посмотрел на свое отражение в зеркале на двери. Его вид оставлял желать лучшего — что-то среднее между Квазимодо и печальным бульдогом. Как всегда, но хуже, чем обычно.

Он погасил свет и вышел в коридор. Остановился на минуту, отметил, что почтовый ящик на двери пуст. Значит, он

ушел совсем недавно. Вероятно, покинул эту чистую и печальную квартиру не более часа назад.

Вероятность того, что он вышел ненадолго, была исключена. Всё говорило о том, что он уехал. По меньшей мере на несколько дней.

Навсегда? Может быть, в общем и целом, это хороший знак? Перед ним снова забрезжил луч надежды. Кто сказал, что он должен сделать это у себя дома?

Насколько он знал, никто.

Он вышел на лестницу и закрыл дверь.

Почему он оставил ее открытой?

Чтобы комиссар увидел эту квартиру? И для чего ему это нужно?

Или он просто забыл закрыть дверь?

— Господин Ван Вейтерен?

Он вздрогнул. Одна из соседских дверей осторожно открылась. Оттуда показалась голова рыжеволосой женщины.

— Вы ведь господин Ван Вейтерен, правильно? Он сказал, что вы придете в это время.

Ван Вейтерен кивнул.

— Он попросил меня передать, что, к сожалению, не сможет с вами встретиться, потому что уезжает на море.

— На море?

— Да. Он передал вам записку. Пожалуйста. — Она протянула белый конверт.

— Он сказал еще что-нибудь?

Женщина помотала головой:

— Нет, а что он мог сказать? Извините, у меня в духовке пирог. — Она закрыла дверь.

«Вот как», — подумал Ван Вейтерен, уставившись на конверт.

Он не открывал его, пока не устроился на террасе летнего кафе на той же улице. Пока он ждал официантку, держа конверт в руке, ему вспомнились слова Малера, произнесенные вчера вечером.

Действовать в нужный момент важнее самого действия.

Немного преувеличено, конечно, но возможно, что временной аспект действительно самый важный в каждой схеме? В каждом действии в каждой жизни. Именно то, что нельзя оставлять без внимания, в этом он точно уверен.

Принесли пиво. Он выпил глоток и распечатал конверт. Достал сложенный вдвое лист бумаги и прочитал:

Пансионат «Флорианс»
Берензей

Он выпил еще глоток.

«Море? — подумал он. — Да, конечно, почему нет?»

Часть XI

25 ноября 1981-го

41

Снова ночь.

Опять бессонница. Вчера вынесли приговор, и ее последняя надежда не оправдалась, рассеялась, как белый дым.

Виновен.

Верхавен снова виновен. Она сжимает стакан. Пьет теплую сельтерскую воду и закрывает глаза. В голове беспокойные мысли. Почему все так непонятно? Почему она по-прежнему молчит? Не отпускает руки и не позволяет себе упасть в пропасть?

Что мешает ей прервать это молчание и провалиться в небытие? Что?

Конечно Андреа.

Андреа. В прошлый раз ей было два года, теперь она совершеннолетняя. Молодая женщина. Женщина, которой так

и не стала ее мать; в этом есть какая-то предначертанность, непоколебимая мрачная логика, которую она не может побороть. «Судьба», — думает она.

Господи, только бы все получилось с этим Юханисом.

Хоть бы они поскорее стоворились и он забрал бы ее отсюда.

Господи, помоги.

Когда?

Когда во второй раз ее пронзила страшная догадка?

В тот же день? В тот самый дождливый сентябрьский день, когда Ниммерлет обнаружил ее тело? Уже тогда?

Наверное. Наверное, она сразу поняла. Впустила это внутрь и закрыла дверь. Сразу же нашла предательское убежище и поглотила это целиком и полностью. Он не ездил в тот день в город. Он поехал в Ульминг со старой пилой, она проверила это по календарю...

Он заехал к Моррисонам, хоть их и не было дома. Он сам это сказал, и ни в его голосе, ни в жестах не было ничего особенного. Ровным счетом ничего.

С пилой без Моррисона ничего было не сделать, но конечно же он там был, и так как от Ульминга до Маардама несколько десятков километров, то это не может быть он. Не на этот раз. На этот раз это сделал Верхавен, это должен быть Верхавен!

Виновен!

И все-таки она знает.

Она лежит в своей широкой кровати в новой спальне — и знает. И это страшное знание словно приковывает ее всё

сильнее. К нему и к ее молчанию, все горше, все крепче, в эти жуткие ночные часы без сна.

Он и она. Муж и жена.

Но не мужчина и женщина. Ни разу с тех пор, как родилась Андреа. Ни разу за все эти годы они не были вместе. Она сомкнула свои объятия, оставив его снаружи, — так получилось. Превратила этого здорового, сильного мужчину в того, кто бегаёт по шлюхам. Женатый мужчина, который раз в месяц садится в машину и едет в город, чтобы успокоить свое томящееся тело купленной любовью.

Вот в кого она его превратила.

А еще в убийцу.

Он и она. Это знание, от которого никуда не деться. И ее выбор, а был ли у нее выбор?

«Нет, — думает она и плочает и это. — У меня никогда не было выбора».

Она садится в кровати. Тыльной стороной ладони утирает холодный пот со лба. Смотрит в окно, пытаясь расслабить плечи и глубоко, спокойно дышать. Ее взгляд устремляется вдаль, на востоке за темным силуэтом елового леса она видит небо.

«Господи, — думает она. — Сможет ли кто меня понять?»

И даже Ты сможешь ли?»

Она складывает руки в молитве, но слова остаются внутри.

«Я приму наказание, — думает она. — Накажи меня, Господи, за молчание!»

Пусть я навсегда буду прикована к постели! Пусть я... да, именно. Пусть я никогда не смогу ходить даже по этому дому, который мне и дом, и тюрьма. Пусть я навсегда останусь здесь.

Пусть мои кости всегда болят!»

Она опять откидывается на подушки — и знает, что все именно так и будет. Именно так.

Но только бы был смысл в этих страданиях. Наконец с ее губ сходят слова. «Хоть бы... хоть бы мой бескрайний мрак обернулся светом для моей дочери! — шепчет она в темноте. — Я не прошу простить меня! Я не прошу прощения! Я ничего не прошу! Пошли мне наказание, Боже!»

Она снова закрывает глаза и чувствует, как почти в ответ на ее просьбу тело пронзает боль.

Часть XII

29–31 мая 1994-го

42

Большую часть пути его преследовал дождь, но ближе к побережью тучи разошлись. Заходящее солнце пробивалось сквозь облака на горизонте и рассеивало пучок косых лучей над неспокойным морем.

Выйдя из машины, он глотнул соленого свежего воздуха и постоял несколько секунд, вдыхая его как можно глубже. Над водой кружили чайки, наполняя бухту своим уверенным пронзительным криком.

«Море», — подумал он снова.

По набережной, а она была не очень большой, максимум километр, гуляли отважившиеся выйти сразу после дождя. Несколько собак гонялись друг за другом, подростки играли в волейбол, рыбак разматывал сети. Он не сразу вспомнил, когда в последний раз был на этом не очень популярном ку-

рорте, от которого, однако, веяло очарованием старины; его расцвет, появление казино и санатория пришлось на двадцатые годы, если он не ошибался, но, во всяком случае, он был здесь пару раз. С Ренатой и детьми; кажется, только эти два раза, не больше... каждый раз по несколько дней, но Берензей был таким небольшим местечком, что он без труда вспомнил, где находится «Флорианс».

В целом, там была всего одна главная улица, которая вела к набережной, поэтому ему было ее не избежать. Зато теперь он, кажется, вспомнил.

Старое высокое здание в стиле модерн в южном конце улицы между отелем и магазином. Зажатое между супермаркетом более поздней постройки и обшарпанным отелем «Морская лошадь», в котором он сам когда-то останавливался в одну из тех коротких поездок.

Если он, конечно, не ошибался.

Оказалось, что нет. Узкое пятиэтажное здание в бело-розовых тонах стояло на месте. Крытая медью крыша еще блестела в лучах заходящего солнца, балконы были винно-красного цвета. Кое-где облупилась штукатурка, но пансионат однозначно не казался дешевкой в этой глянцевой идиллии.

Он вошел в молочно-белую стеклянную дверь. Осторожно поставил на пол портфель и позвонил в звонок у стойки портье.

Через полминуты появилась женщина средних лет с полотенцем в руках. По всей видимости, она вытирала посуду. Она посмотрела на него поверх очков в золотой оправе и спрятала полотенце:

— Да?

— Я ишу Арнольда Яренса. Насколько я знаю, он остановился здесь.

Она полистала журнал:

— Да, так и есть. Номер пятьдесят три. Это на последнем этаже. Можете воспользоваться лифтом. — Она показала рукой куда-то в сторону.

— Он сейчас в номере?

Она посмотрела на доску, где висели ключи:

— Думаю, что да. По крайней мере, ключ он не оставил.

— Вы сказали, на последнем этаже?

— Да.

— Спасибо. Я сначала закончу кое-какие дела и вернусь.

— Как хотите. — Женщина снова взяла полотенце.

Он постучал два раза, но никто не ответил.

Нажал на ручку двери, и она открылась.

Комната выглядела довольно обычно. Но, без сомнения, в ней присутствовало очарование старины. Широкая кровать с железными спинками. На стенах у потолка темная панель. Маленький письменный стол. Два малюсеньких кресла. Шкаф для одежды.

Слева у двери уборная и ванная. Так как в комнате оказалось пусто, он вошел в ванную. Включил свет.

И здесь тоже пусто. Ванна отсутствовала, а поставленная вместо нее современная душевая кабина не казалась подходящим местом для сведения счетов с жизнью.

Он вернулся в комнату. Поставил портфель на стол и начал искать в нагрудном кармане зубочистку.

— Комиссар Ван Вейтерен, если я не ошибаюсь?

Голос доносился с балкона, и в нем слышалась та самая интонация насмешки и самоуверенности, которой он больше всего боялся.

— Господин Яренс? — Он вышел на балкон. — Могу я присесть?

Плотный мужчина кивнул в сторону свободного плетеного кресла с другой стороны стола.

— Должен признать, что для полицейского у вас чертовски буйная фантазия. Просто не понимаю, как вы только додумались до такого, я имею в виду вашу историю.

Ван Вейтерен порылся в портфеле.

— Виски или коньяк? — спросил он.

— Если вы думаете, что сможете меня напоить, боюсь, что я вас разочарую.

— Вовсе не хочу, — сказал Ван Вейтерен. — Просто я не нашел пива.

— Ладно.

Он принес из комнаты два стакана, и Ван Вейтерен их наполнил.

— Вам нет смысла притворяться, — сказал он. — Просто я знаю, что на вашей совести три убийства, и я позабочусь о том, чтобы вы за это ответили. Выпьем.

— Выпьем, — ответил Яренс. — И как вы собираетесь это сделать? Предполагаю, что у вас спрятан микрофон или радиопередатчик, а где-то стоит на записи магнитофон, и вы надеетесь, что я напьюсь, расслаблюсь и проговорюсь. Разве не дешевый трюк? Это так вы в наше время обманываете народ?

— Нет у меня ни того, ни другого. К тому же в суде запись вряд ли бы приняли, да вы это и сами знаете. Мне просто хо-

чется объяснить вам, как я вижу это дело. Если вы боитесь магнитофона или еще чего-то, можете просто кивать или мотать головой... Мне кажется, вам тоже нужно об этом поговорить.

— Чушь, — ответил Яренс, делая глоток виски. — Черт возьми, конечно, вы разбудили мое любопытство. Не каждый день доводится так близко видеть отдельные винтики полицейской машины. — Он улыбнулся и достал сигарету из лежащей на столе пачки: — Хотите?

— Спасибо.

Ван Вейтерен взял сигарету и, прежде чем начать, закурил.

— Расскажите о Леопольде Верхавене!

Арнольд Яренс снова улыбнулся и выпустил дым. Поднял глаза и посмотрел вдаль на море. Прошло несколько секунд.

— Кажется, завтра будет отличная погода, а вы как думаете, комиссар? Вы побудете здесь пару дней?

— Как хотите, — сказал Ван Вейтерен и подался вперед к столу. — Я сам расскажу эту историю, вы можете прервать меня, если что-то будет неясно... Вы убили троих человек. Беатрис Холден, Марлен Нитш и Леопольда Верхавена. Верхавен из-за вас отсидел в тюрьме двадцать четыре года. Вы подлец, и пусть вас не вводит в заблуждение мой дружеский тон.

На лице Яренса пару раз дрогнул мускул щеки, но он ничего не ответил.

— Единственное, в чем я не разобрался до конца, это мотив. Хотя в общих чертах мне все понятно... Поправьте меня, если я что-то скажу неправильно. В субботу, шестого апреля тысяча девятьсот шестьдесят второго года, вы отправились в дом Верхавена, потому что знали, что она там одна. Возможно, вы дождались, пока электрик закончит свою работу, и, когда увидели, как он идет в деревню, пошли туда. Вы были возбуждены.

Меньше недели назад Беатрис лежала у вас на диване голой под одним только одеялом, и это было выше ваших сил. Может быть, вы даже заглядывали под одеяло и прикасались к ней, пока она, пьяная, спала крепким сном, в то время как ваша больная жена в полном неведении лежала на втором этаже. Вместе с вашей двухлетней дочерью. Может быть, вы просунули руку между ее ног... между ног Беатрис Холден, именно туда вы так хотели проникнуть. Горячая, темпераментная, красивая женщина, не то что ваша жена, которая была холодной как лед и никогда вас к себе не подпускала...

Арнольд Яренс выпил глоток, его лицо не дрогнуло.

— Вы идете в «Густую тень», и там она. Совершенно одна. Верховен уехал в Маардам и вернется только через несколько часов. Вот она — осталось только взять. Просто подойти, сказать пару ласковых слов, сорвать с нее трусы и взять. Почему она не захотела, господин Яренс? Скажите мне. Почему вам не удалось проникнуть между ног Беатрис Холден, хотя она всегда была такой сговорчивой? Разве она почти что не дала вам обещания в ту ночь, когда вы пустили ее переночевать? Или вы что-то неправильно поняли?

Яренс кашлянул.

— Какая фантазия, — сказал он и допил стакан. — Да это вы, комиссар, извращенец, а не я.

— Было стыдно, не правда ли? Разве не стыд вы вдруг почувствовали?..

— Что?

— Что не смогли переспать с Беатрис Холден. Что это ничтожество Верховен мог, а вы нет... Этот сопливый засранец, на которого еще со школы вы смотрели свысока. Леопольд Верховен! К тому же еще и мошенник! Продавец яиц из «Густой

тени!»! Жалкий человек, к которому вы всю жизнь относились с презрением... И теперь он живет с этой привлекательной женщиной, а вы женились на прекрасной усадьбе, видимо, одной из самых богатых в Каустине, но цена! Цена этого — ваша сухопарая жена, которая вас никогда к себе не подпускает. И вот вы стоите в ту субботу, такой беспомощный, перед Беатрис Холден... Может быть, она даже смеется над вами, да, я думаю, она над вами посмеялась и сказала, что расскажет Верховену, какой вы беспомощный козел. — Он сделал небольшую паузу. Яренс затушил сигарету и снова посмотрел на море. — Пожалуйста, скажите мне, если какая-то деталь в моей реконструкции не совпадает с действительностью, — попросил Ван Вейтерен и откинулся на спинку кресла.

Яренс не ответил. Он невозмутимо сидел, не нервничая и не возмущаясь.

— Все правильно, значит? Да, я так и думал, — удовлетворенно заключил Ван Вейтерен. — Может быть, вы сами продолжите? Как изнасиловали ее, как задушили... или все было наоборот?

— Я буду жаловаться вашему руководству. Я этого так не оставлю. Ваше начальство узнает об этом разговоре прямо завтра утром.

— Замечательно, — ответил Ван Вейтерен. — Еще виски?

Яренс молча взял бутылку и наполнил стаканы. Ван Вейтерен поднял свой стакан, но хозяин на него даже не посмотрел. Они выпили в тишине.

— Номер два, — продолжил Ван Вейтерен. — Марлен Нитш.

Яренс поднял руку:

— Спасибо, нет. С меня хватит. Могу я попросить вас убратсья ко всем чертям с вашими проклятыми домыслами? У меня есть другие...

— Ничего не выйдет, — перебил Ван Вейтерен. — Я останусь здесь.

Яренс усмехнулся. В первый раз за все это время он выглядел растерянным. «Как раз вовремя», — подумал Ван Вейтерен.

— Ладно. Или вы даете мне обещание убратся отсюда в течение получаса, или я звоню в полицию.

— Я и есть полиция, — дружелюбно объяснил Ван Вейтерен. — Может быть, вам лучше связаться с адвокатом? С хорошим адвокатом... Хотя у вас все равно нет шансов, но все-таки чувствуешь себя намного комфортнее от сознания, что сделал все возможное, поверьте мне.

Яренс снова закурил, но к телефону не пошел. Ван Вейтерен встал и посмотрел на море. Солнце давно закатилось за горизонт, и над набережной сгустились синие сумерки. Он постоял с минуту, облокотившись о низкие перила, в ожидании хода Яренса, но его не последовало.

Яренс продолжал сидеть в плетеном кресле. Потягивал виски и снова курил с невозмутимым видом.

Может быть, он вообще никогда не беспокоится? Ни секунды?

«Лучше всего продолжить», — подумал Ван Вейтерен и снова сел напротив.

Комиссар вылил себе последние капли виски и поднял стакан.

— Как-то быстро закончилось, — отметил он, и Яренс усмехнулся.

Стало совсем темно. Свет от маленькой лампы в углу балкона не доставал до стола. В последние полчаса Арнольд Яренс выглядел как неподвижный контур. Темный силуэт, лицо ко-

того скрывала густая тень, и Ван Вейтерен уже не мог определить, какое действие оказывают его слова и все его усилия. И оказывают ли вообще.

— Значит, вы не хотите рассказать, где зарыли его голову? Это очень жаль, вы так не считаете? Так вам не попасть во все круги ада Данте, вы же понимаете?

Он снова перешел к более вежливым формулировкам, сам не зная почему. Быть может, дело было просто в темноте и алкоголе.

Яренс не отвечал.

— Как вы думаете, что скажет ваша дочь?

— На что? На ваши смешные инсинуации?

— Смешные? Вы и правда думаете, что она будет смеяться?

Яренс снова усмехнулся, как будто хотел проверить, будет ли такая реакция подходящей для этого случая.

— Ваша жена, однако, не смеялась.

Яренс хмыкнул и снова позволил себе усмехнуться. В этом звуке довольно явно слышалось, что он пьян, как показалось Ван Вейтерену, и он решил действовать, не упуская момента, доверившись своему ощущению. «Теперь, — подумал он. — Или сейчас, или никогда». К тому же он почувствовал, что сам уже нетрезв, сомнений нет, они употребили предостаточно, а время не бесконечно.

— Хотите проверить? — спросил он.

— Что проверить?

— Как отнесется ко всему этому ваша дочь?

— Что вы, черт возьми, хотите сказать?

Ван Вейтерен вынул из складки пиджака булавку и зажал между большим и указательным пальцами:

— Знаете, что это?

Яренс помогал головой.

— Это микрофон. Точно, как вы сразу догадались...

— Мне все равно, — перебил его Яренс. — Вы сами знаете, что я не согласился ни с одним из ваших утверждений.

— Это вам так кажется, — возразил Ван Вейтерен. — У вас может сложиться совсем другое мнение, когда вы прослушаете запись. Обычно так и бывает.

— Чушь. — Яренс потянулся за новой сигаретой. — Какое это имеет отношение к моей дочери? Вы собираетесь дать ей это послушать... или что вы имеете в виду?

— Это уже не потребуется, — сказал Ван Вейтерен и осторожно убрал булавку.

— Не потребуется? Что это значит?

— Она уже все слышала.

Яренс уронил сигарету и открыл рот. Ван Вейтерен встал.

— Эти комнаты... — он развел руки в стороны, — то есть номера пятьдесят второй и пятьдесят четвертый...

Яренс схватился за подлокотники и начал подниматься:

— Какого черта?

— В пятьдесят втором сидят трое полицейских с магнитофоном. Они слышали каждое слово нашего разговора. Не пропустили ни одного нюанса, в этом я могу вас уверить. А во втором... — он показал пальцем, — во втором сидят ваша дочь Андреа и ее муж.

— Какого дьявола?..

Ван Вейтерен подошел к перилам и снова показал пальцем:

— Если вы подойдете, то сможете их увидеть. Нужно будет только немного наклониться...

Арнольд Яренс не заставил себя долго ждать, чтобы последовать его совету, и через минуту все было кончено. Но все-таки Ван Вейтерен знал, что этот короткий миг всю оставшуюся жизнь будет преследовать его каждую темную ночь.

А может быть, даже и после.

Подойдя к машине, Ван Вейтерен понял, что выпил намного больше, чем собирался, и сесть за руль совершенно невозможно. Он снял накладную бороду и парик, положил их в мешок и засунул под сиденье до следующего случая. Потом укрылся на заднем сиденье одеялом и пожелал себе спокойной ночи без сновидений.

Через пять минут он уже беспробудно спал и, когда прибыли полиция и «скорая помощь», не слышал ни сирен, ни громких разговоров.

Никто не обратил внимания на его старенький «опель», небрежно припаркованный в двух кварталах от пансионата «Флорианс». Да и зачем бы им его замечать?

43

— Ты видел это? — Юнг протянул газету. — Кажется, ты его допрашивал?

Роот посмотрел на фотографию:

— Да, я. Что, черт возьми, с ним случилось?

— Упал с пятого этажа. Или, возможно, прыгнул. Несчастный случай или самоубийство — это пока неясно. Что он был за человек?

Роот пожал плечами:

— Ничего особенного. В принципе, приятный. Во всяком случае, он угостил меня кофе.

В столовой Рейнхарт сел напротив Мюнстера.

— Доброе утро, — сказал он. — Как дела?

— В каком смысле?

Рейнхарт вытряхнул трубку в пепельницу и начал ее набивать:

— Можно задать один простой вопрос?

Мюнстер отложил в сторону «Неуве блатт»:

— Попробуй.

— Хм... — Рейнхарт подался вперед. — Ты, случайно, не был позавчера вечером в Берензей?

— Даже и не собирался, — ответил Мюнстер.

— А комиссар?

— Не думаю. Он еще на больничном.

— Да, конечно, — сказал Рейнхарт. — Я просто хотел узнать, меня тут посетила одна мысль.

— Вот оно что...

Мюнстер углубился в чтение газеты, а Рейнхарт закурил свою трубку.

Хиллер постучал и вошел в кабинет. Де Брис и Роот подняли головы от рапортов, которые писали.

— По поводу происшествия в Берензей... — Начальник полиции почесал подбородок. — Нам нужно что-то изучить подробнее?

— Скорее всего, нет, — ответил де Брис. — Чистой воды несчастный случай. Они там сами со всем этим справятся.

— Ну что ж, я просто хотел удостовериться. Можете продолжать заниматься текущими делами.

«Я бы тоже не прочь», — подумал де Брис и переглянулся с Роотом.

— Ты слышал о телефонных звонках? — спросил Роот, когда дверь за начальником закрылась.

— Нет. О каких звонках?

— Два анонимных звонка из Каустина. Вроде разные люди, мужчина и женщина, как сказал Краузе.

Де Брис посмотрел в потолок и покусал ручку:

— И что они сказали?

— Примерно одно и то же. Что этот Яренс каким-то образом причастен к убийствам Верхавена. У них такое чувство, но они не хотели говорить об этом раньше. Во всяком случае, так они сказали.

Де Брис задумался.

— Черт побери, — сказал он. — Значит, теперь он понес наказание?

— Может, и так. Хотя это наверняка просто пара выскочек, которые хотят стать известными. В любом случае, это не то, на что нужно обратить внимание.

Несколько секунд они молчали. Потом де Брис пожал плечами:

— Да, в конце концов, дело закрыто, если я правильно понял. Странная история... По крайней мере, я так считаю. Но у нас и так дел невпроворот.

— Я бы даже сказал — по горло, — подтвердил Роот.

— Можно присоединиться? — спросил Малер, садясь на свободное место за столиком кафе. — Кстати, почему ты здесь?

— Потому что мне так хочется, — объяснил Ван Вейтерен. — Я на больничном, а погода стоит неплохая. Мне нравится смотреть, как люди крутятся как белки в колесе... К тому же у меня есть что почитать.

Малер кивнул, узнав книгу:

— Она не очень подходит для чтения на солнце, как мне кажется. — Он осмотрел площадь и подозвал официантку: — Два темных, пожалуйста.

— Благодарю, — отозвался Ван Вейтерен.

Они дождались пива, чокнулись и откинулись на спинки стульев.

— Как всё прошло? — спросил Малер.

— О чем ты?

— Не притворяйся. В конце концов, я тебя и пивом угостил, и книжку подарил.

Ван Вейтерен сделал глоток:

— Ну что ж. Всё кончено, и это так.

— Так что, он под конец не выдержал давления?

Комиссар не сразу ответил:

— Точно. Более поэтично это не передать.

Часть XIII

19 июня 1994-го

44

На кладбище в Каустине росли липы, ясени и конский каштан, и их мощные корни не раз давали повод выругаться смотрителю кладбища Мертенсу, когда он орудовал лопатой. Однако в этот летний день он, как и другие стоящие вокруг открытой семейной могилы, думал как раз наоборот. Он радовался той густой тени, которую отбрасывала пышная крона деревьев и благодаря которой они могли находиться в некоторой прохладе во время незатейливого обряда погребения.

Если бы они стояли под палящим солнцем, можно было не сомневаться, что не обошлось бы без обморока.

Их было всего шестеро, если уж быть точным. Трое из них работали здесь: сам Мертенс, органист Вольф и пастор Кретше. Остальные — госпожа Хугстра, пожилая сестра Верхавена (ей и самой уже недолго оставалось), и двое полицейских из

Маардама, они приезжали месяц назад, всё что-то вынюхивали, но, естественно, ничего не нашли.

Вот и всё. Леопольд Верхавен предан земле. Или хотя бы большая его часть, конечно же никто не смог найти недостающие части тела. Если они когда-нибудь обнаружатся, их можно будет и потом подхоронить... Иногда вообще непонятно, чем, собственно, занимается полиция. И за что они получают зарплату.

Но с этим тоже ничего не поделаешь. Не спрашивать же их об этом сейчас. Он ждал, когда Кретше наконец закончит, чтобы засыпать могилу землей и пойти домой смотреть по телевизору футбол.

Пастор говорил о неисповедимости путей Господних. О всеобъемлющей Божественной любви и милости. О всепрощении.

Ну да, о чем еще ему говорить? Мертенс вздохнул и незаметно прислонился к стволу ясеня. Закрыв глаза и почувствовал слабое дуновение ветерка, почти совсем незаметное и вовсе не дающее прохлады. Он представил себе, как сидит перед телевизором и держит в руке большой запотевший стакан холодного пива.

«Все там будем», — подумал он и попытался вспомнить, откуда происходит это выражение. Скорее всего, из Библии; в его повседневной работе нетрудно нахвататься таких вещей.

Он открыл глаза и начал рассматривать присутствующих. Госпожа Хугстра надела вуаль, у нее был скорбный вид, но она не проронила ни слезинки. Кретше читал как обычно. Вольф тоже стоял в полусне. Полицейский постарше сильно потел и то и дело вытирал лицо мятым платком. У того, что помоложе, был задумчивый вид. Интересно, о чем он думает?

Не удивлюсь, если за это им тоже платят. Подумать только!
— ...и во веки веков. Аминь! — произнес священник, и на этом всё кончилось.

«Спи спокойно, Леопольд Верховен», — подумал Мертенс и начал искать глазами лопату.

— Я тут кое о чем подумал, — сказал Мюнстер, когда они уже стояли у машин.

— И о чем же?

— Ну, во-первых, конечно, о том, как комиссар смог догадаться, что это он, то есть Яренс.

— Хм... — пробурчал Ван Вейтерен. — Естественно, по пандусу для инвалидной коляски в доме Шермаков. И та женщина с палкой в тюрьме. Ассоциация возникла не сразу, но все же связь чувствовалась. Как будто звякнул звоночек...

— Анна Яренс была инвалидом. Она совсем не могла ходить, даже с палочкой.

Ван Вейтерен стал обмахиваться газетой:

— Не всегда всё так, как нам кажется, интендант. Я думаю, что мы оба это понимаем?

— И что это значит в данном случае?

— Что угодно, — ответил комиссар, окинув взглядом кладбище. — Например, что корень или источник зла может находиться там, где мы его совсем не ожидаем найти. Судьба Леопольда Верховена — я искренне надеюсь, что со временем его имя будет полностью обелено, — тут ни при чем. Он невольно оказался в центре драмы, молчаливой, горькой и бездонной драмы между супругами Яренс. Совершенно безвинно он стал козлом отпущения и провел в тюрьме почти чет-

верть века... Неудивительно, что у него появились странности! Когда госпожа Яренс наконец решила исповедаться, это привело только к гибели Верхавена. Это ужасно, Мюнстер, но все же в этом есть какая-то извращенная логика. Как-будто из-под земли даже слышится чей-то хохот, если ты понимаешь, что я имею в виду... — Он посмотрел вверх в высокое, слегка подернутое дымкой летнее небо и добавил: — И даже в такой вот день.

Они немного постояли молча.

— А Марлен Нитш? — спросил Мюнстер.

— Случайность, как мне кажется, — ответил Ван Вейтерен. — Он, видимо, видел ее до этого в деревне, поэтому узнал, когда случайно проезжал по Звилле сразу после ее разговора с Верхавеном. Скорее всего, он воспользовался случаем и посадил ее в машину, а потом всё пошло не так. Она не захотела добровольно, тогда он взял насильно. Полагаю, что примерно так и было, но возможны разные варианты.

— А останки? Я имею в виду Верхавена.

Комиссар пожал плечами:

— Понятия не имею. Где-нибудь закопаны, я надеюсь, что они там и останутся. Представь, что через сто лет их найдут, и начнется новое следствие. Иногда мне кажется, что эта история никогда не закончится.

Мюнстер кивнул и открыл дверь машины:

— Я удовлетворен. Теперь мне пора домой, собирать вещи. Мы завтра уезжаем.

— В Италию?

— Да. Две недели в Калабрии и одна в Тоскане. А когда отпуск у комиссара?

— В августе, — ответил Ван Вейтерен. — Я едва успел начать работать, хотя, наверное, и не надо было. Обычно в городе хорошо в июле. Тихо и спокойно... Все идиоты куда-нибудь уезжают. Только не подумай, что это я про тебя.

— И не собирался. До свидания!

— До свидания. Береги свою красавицу жену... и детей, конечно. В сентябре поиграем еще в бадминтон.

— Обязательно, — сказал Мюнстер.

Он еще раз проехал мимо «Густой тени». Остановился, но из машины выходить не стал. Просто немного посидел, разглядывая заросший двор, куря сигарету и постукивая пальцами по рулю.

«Ну и поганая же вышла история», — подумал он.

Теперь они все умерли. Прямо как в трагедии Шекспира. Беатрис Холден и Марлен Нитш. Арнольд и Анна Яренс. И конечно же сам Верховен.

Но справедливость все-таки восстановлена. Хотя бы настолько, насколько это было возможно. Немезида сделала свое дело. Видимо, надо так об этом думать.

А кто остался?

Пожилая сестра Верховена, которая не имела отношения к событиям.

Андреа Яренс, нынче Вэлгре по мужу. Дочь со своими двумя детьми.

А последняя в живых, госпожа Хугстра, скорее всего, тоже скоро последует за братом.

Они живы и ни о чем не подозревают. Конечно же нет смысла им что-либо говорить.

Это никогда не пришло бы ему в голову.

Никогда.

Проезжая в последний раз через деревню, которая, казалось, погрузилась в легкую летнюю дремоту, он снова подумал о том, что сказал Мюнстеру.

Не всегда все именно так, как кажется.

Каустин — деревня убийцы.

Потом он подумал, что на самом деле не рассказал Мюнстеру всей правды. Он зашел к Шермакам не потому, что увидел пандус для коляски, это произошло позже. Нет, причина была намного прозаичнее, и теперь он снова чувствовал то же самое.

Он хотел пить.

«И все-таки, — подумал он в неожиданном кратковременном приступе веселости: он явно рисковал повториться, — все-таки не всегда все именно так, как кажется».

Он увеличил скорость и вернулся к мыслям о границе, которую ему недавно пришлось переступить.

Содержание

Часть I. 24 августа 1993-го	7
Часть II. 20 апреля — 5 мая 1994-го	13
Часть III. 24 августа 1993-го	60
Часть IV. 5—10 мая 1994-го	64
Часть V. 24 августа 1993-го	150
Часть VI. 11—15 мая 1994-го	153
Часть VII. 24 апреля 1962-го	170
Часть VIII. 16—22 мая 1994-го	176
Часть IX. 11 сентября 1981-го	217
Часть X. 23—28 мая 1994-го	222
Часть XI. 25 ноября 1981-го	263
Часть XII. 29—31 мая 1994-го	267
Часть XIII. 19 июня 1994-го	281

*Литературно-художественное издание
Национальный Bestseller*

Нессер Хокан
Возвращение

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренко*

Шеф-редактор *А. Гришина*

Ведущий редактор *И. Доева*

Выпускающий редактор *Е. Крылова*

В оформлении обложки использованы материалы

по лицензии агентства © shutterstock.com

Художественное оформление: *Е. Калугина*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректор *И. Иванова*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать 05.03.2015 г.

Формат 60×90/16. Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. л. 18,0

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Проект осуществлен с помощью технологий
print on demand

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т 8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 495 221-89-80